**Министерство образования Российской Федерации**

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

***Исторический факультет***

# Н О В И К

Сборник научный работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 5
*Специальный*

**Материалы круглого стола молодых ученых**
**«Источниковедение сегодня:**
**проблемы и перспективы развития»**
**15 декабря 2000 г.**

**Воронеж — 2001**

**ББК 63.3. (0)**
**Н 73**

**Новик*:*** Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Выпуск 5. Специальный. Материалы круглого стола молодых ученых «Источниковедение сегодня: проблемы и перспективы развития». 15 декабря 2000 г. / Научн. ред. А.И. Филюшкин. Воронеж: изд-во , 2001. ____с.

ISBN

Сборник содержит тексты выступлений и стенограмму заседания круглого стола молодых ученых-историков — аспирантов, студентов, а также преподавателей ВГУ и ВГПУ, посвященные проблемам изучения современных подходов к источниковедению.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

**Редакционная коллегия:** В.В. Макаров, к.и.н. Е.В. Кардашева, Ю.В. Селезнев (зам. научн. ред.), А.В. Фененко (отв. секр.), к.и.н. А.И. Филюшкин (научн. ред).

***Редколлегия благодарит за помощь в подготовке к изданию материалов круглого стола А.Ю. Золотарева, В.В. Макарова, Ю.В. Селезнева, Ю.А. Чекменева.***
ISBN

© Авторы, 2001
© Воронежский государственный университет, 2001

## Содержание

### Утреннее заседание

***Теоретические проблемы источниковедения***

**И.Ю. Иголкин** Позитивистское источниковедение: прошлое или настоящее науки ?
**А.В. Фененко** «Постмодернистский вызов и проблемы современного источниковедения»
**А. Ю. Золотарев** Источниковедческие парадигмы Школы «Анналов»
**Д.М. Бородин** Историческая герменевтика как метод современного источниковедения
**И.В. Иноземцев** Методы изучения массовых источников
**А.Н. Злобин** Количественные методы определения авторства
**Д.В. Акимов** Археологический источник: теория, происхождение, проблемы
**Ю.А. Дубровский** Принадлежит ли археологический источник исторической науке?

### Дневное заседание

***Применение новых источниковедческих методик в исторических исследованиях***

**Л.Ю. Гончарова** Звериный стиль скифского времени как источник для изучения мировоззрения ираноязычных кочевников
**В.В. Зубков** Семиотика реки в «Слове о полку Игореве»
**Ю.В. Селезнев** Компаративистский подход к изучению Золотой Орды
**А.А.А. Гнеушев** Хронология Куликовской битвы: герменевтический анализ памятников «Куликовского цикла»
**Н.В. Амзаракова** «Человек русского средневековья»: перспективы применения источниковедческой методологии исторической антропологии
**Д.А. Артемов** О возможности использования эпоса как исторического источника (на примере одного из памятников древнеанглийской поэзии)
**А.И. Гусак** Репрессии 30-х годов: мифология историографии и правда источников
**М.В. Кирчанов** Современные проблемы источниковедения советской истории: «старые» и «новые» источники

## Утреннее заседание

## *Теоретические проблемы источниковедения*

**И.Ю. Иголкин (3 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Позитивистское источниковедение: прошлое или настоящее науки ?***

Основным методом исторической науки на протяжении XVIII-XIX вв. являлся позитивизм. Как отметили Ланглуа и Сеньобос, его главным принципом было следующее: «История пишется по документам. Документы — это следы оставляемые мыслями и действиями некогда живущих людей. Ничто не может заменить документы, нет их — нет и истории».

При этом документ служит историку точкой отправления, а реконструируемые на его основе факты прошлого — конечной целью исследования. Таким образом, первым этапом любого исторического исследования является эвристика — наука об отыскании документов по своей теме.

С точки зрения позитивистов исторический источник, как след прошлого, бывает двух видов: *вещественный* (археологический) и *психологический* (повествовательный). Поэтому при изучении источника необходимо представить себе весь спектр действий, сопровождавших создание данного памятника, от вызревания у автора замысла его создания до появления рукописи, имеющейся у нас перед глазами. Из этого вытекает, по словам Сеньобоса, «крайняя сложность и абсолютная необходимость исторической критики». Она бывает *внешней* и *внутренней*.

При *внешней критике* изучалось происхождение источника, когда он был создан, кем, палеографические особенности и так далее.

Во *внутреннею критику* источника входило решение следующих задач:

1) воспроизвести душевное состояние, переживаемое автором;

2) установить, что автор хотел сказать; думал ли он то, что он говорил и имел ли он основание так думать.

Однако классификация фактов позитивистами была крайне проста. Они делились на *подлинные* и *неподлинные*. Подлинными они считали три вида фактов:

1)факт такого свойства, что ложь невероятная. Пример: «лгут, желая произвести впечатление, поэтому не следует лгать по тем вопросам, где такое впечатление производить не требуется»;

2)факт слишком известен и очевиден и автор не может его исказить;

3)факт был настолько безразличен автору, что он не видел необходимости передавать его субъективно, в авторской трактовке, а равнодушно воспроизводил, «как он есть».

В противовес этому позитивисты выделили следующие виды искажений фактов:

1) сознательный обман, с целью получения выгоды;

2) вынужденная ложь;

3) личное тщеславие;

4) литературщина: извращение фактов в соответствии с этическими и эстетическими воззрениями автора;

5) субъективная интерпретация, вытекающая из симпатий к той или иной группе;

6) искажения, возникающие в процессе отношений «автор — факт». Например, автор наблюдает события в неполном виде, излагает факты с чьих-то слов, он думает, что он знает правду об описываемых событиях, но это не так.

В результате применяемой позитивистами исторической критики многие старые, общепринятые факты не выдерживали критики и сходили на нет. Примечательно, но всё это не привело к скептицизму, то есть к сомнению в добывании верных исторических сведений вообще.

Однако, как отметил Сеньобос: «Чтобы взять труд расследовать происхождение и значение сообщения о бывшей накануне истории, нужен особый повод; в противном случае, если сообщение не является до безобразия неправдоподобным и не опровергается, мы принимаем его, держимся за него, разглашаем его, и, в случае надобности, приукрашиваем. Каждый искренний человек признает, что нужно большое усилие, чтобы стряхнуть с себя игнорирование критики, эту столь распространенную форму умственной трусости, что усилие это нуждается в постоянном возобновлении и часто сопровождается истинным страданием… Основной причиной естественного легковерия служит леность. Гораздо удобнее верить, чем разбирать, признавать, чем критиковать, накапливать документы, чем их взвешивать. Не критиковать документов приятнее, чем их критиковать, потому что критиковать документы — значит, жертвовать ими, а жертвовать документом тому, кто его нашел, так трудно».

Позитивисты как бы применяли к авторам исторических источников нечто похожее на судебную процедуру, классифицирующую свидетелей на правоспособных и неправоспособных. Если источник-свидетель признан «правоспособным», заслуживающим доверия, то историк считает себя обязанным соглашаться со всем,

что в нем говорится. После этого, как в судах, исследователи заявляют, что пусть тот, кто опровергает, и предоставляет новых свидетелей, а в критике своих они необходимости не видят.

Однако здесь позитивисты впадают в распространенную ошибку, научные истины не устанавливаются на основании многочисленных свидетельств, Как шутливо выражался Сеньобос: «Историческое существование дьявола гораздо более доказано, чем существование Писистрата; до нас не дошло ни одного слова современников о том, что они видели Писистрата, а между тем тысячи «очевидцев» заявляют, что видели дьявола. Мало найдется исторических фактов, подтвержденных таким громадным числом независимых свидетельств». Здесь надо учитывать известный латинский афоризм: «Non numerentur, sed ponderentur» («следует не считать, а взвешивать»).

Имеет ли, в таком случае, позитивизм свои заслуги перед исторической наукой ? Несомненно, да, и они огромны. Прежде всего это введение в оборот огромного количества источников, их каталогизирование, классификация, описание, публикация, то есть создание огромной базы эмпирических данных, без которой было бы невозможно построение теоретических исследований.

Историки не довольствовались избранными документами, остатками старины, но стали привлекать широкий объём всего того, что хоть как-нибудь служило источником и расширяло и углубляло источниковеденье. Исследователи при работе испытывали потребность во всём материале источников, отсюда возникла потребность в систематических сборниках и изданиях, предпринимаемых на основе изысканий в архивах и в библиотеках. Это привело к тому, что на основании знания и тщательной оценки материала историки освободили факты от разных неясностей и искажений, усилив критический метод. Свои заключения они старались делать, опираясь, на груды сырого материала и старались утверждать только то, что говорят источники.

Позитивисты учили, что сбор фактов — это первая стадия научного познания. Но история, коль скоро она ставит задачей простое открытие фактов, перестаёт быть наукой. Выявление фактов ради них самих не могло удовлетворить ни историков, ни просто читающую публику, оправданием этих открытий должно было служить нечто иное лежащее вне самих фактов.

Именно в этой ситуации французский философ и социолог Огюст Конт потребовал, чтобы исторические факты использовались в качестве сырья для чего-то более важного, чем они сами. Он хотел рассматривать исторические явления сами по себе при помощи научных методов, аналогичных методам естественных наук, по-

знавать их сущность, законы. Каждая наука начинается с открытия фактов, а затем переходит к обнаружению причинно-следственных связей между ними. Исходя из такой трактовки, Конт предложил создать науку, социологию, которая должна была начаться с открытия фактов о жизни человека, а затем перейти к поиску причинных связей между этими фактами. Он хотел поднять историю на степень «истинной позитивной науки».

Историография XIX в. принимала первую часть позитивисткой программы — накопление фактов, но она не смогла избавится от типичного для позитивизма понимания фактов как изолированных или атомарных объектов изучения, вследствие чего зародилось два методологических правила обращения с фактами:

1) каждый факт следует рассматривать как объект, который может быть познан в процессе исследования. Таким образом, поле исторических знаний делилось на бесконечно большую совокупность мелких факторов, каждый из которых надо было исследовать;

2) Каждый факт считался независимым не только от остальных фактов, но также и от исследователя. Таким образом, историк не должен давать оценки фактам, его дело — просто показать, «как оно было», реконструировать, воспроизвести эти факты.

Оба эти методологических правила имеют известную ценность. Первое учит историков быть внимательными и точными в отношении деталей и предмета их исследований. Второе учит избегать окрашивания предмета исследования в цвета их собственных эмоциональных реакций. Но в принципе оба эти правила порочны.

1) утверждение, что правомерными могут быть микроскопические проблемы, либо нечто что можно рассматривать как совокупность микроскопических проблем привело к тому, что позитивисты проявляли беспрецедентное мастерство в решении маломасштабных проблем и показывали определенную беспомощность при глобальных обобщениях;

2) нежелание оценивать и критиковать факты, когда историк выступал лишь как бы «транслятором прошлого», приводило к тому, что история стала «историей внешних событий», а не историей мысли, из которой выросли эти события.

3) историки стремились изучить всю сумму человеческих жизней, из которых складывался исторический фон, но из арифметического суммирования выявленных в источниках фактов нельзя составить адекватного представления об историческом процессе.

Как можно сегодня оценить место позитивистских методов в историческом знании ? Следует предостеречь как от апологетики позитивизма, которая в контек-

сте последних тенденций развития гуманитарного знания выглядит, по меньшей мере, наивной и архаичной, так и от радикального отказа от него. Позитивизм абсолютно необходим на начальных этапах исследования, поскольку накопил великолепный инструментарий методов сбора и описания фактов, способов их извлечения из источников. В то же время, позитивизм плох не сам по себе, а при его абсолютизации, когда установивший факт историк считает, что его задача выполнена и не желает идти дальше, интерпретировать и трактовать факт. Но в рамках позитивизма последнее невозможно, здесь необходимо расширение методологической базы позитивизма за счет герменевтики, семиотики и других наук.

**Н.В. Амзаракова (3 курс ист. ф-та ВГУ).** Один из названных Вами типов источников — психологические. А пытались ли позитивисты изучать мировоззрение автора?

**И.Ю. Иголкин.** Они старались изучать мировоззрение автора, так как хотели бы лучше понять, что автор данного источника хотел сказать именно в такой ситуации, почему именно он имел в виду именно это, а не что-либо другое.

**М.В. Кирчанов (3 курс ист. ф-та ВГУ)** Из вашего доклада создалось впечатление, что позитивизм характерен для западной науки: Вы назвали много западных исследователей. А отечественные позитивисты, кого из них Вы можете назвать?

**И.Ю. Иголкин**. Подавляющее большинство отечественных исторических трудов строится на основе позитивистской методологии. Это относится к российским историкам – фактографам XIX-XX вв. Если речь идет о классиках, то можно, к примеру, назвать фамилию СМ.М. Соловьева.

**Н.В. Амзаракова.** Какова для позитивистов основная цель проведения исследования ?

**И.Ю. Иголкин.** Сбор фактов, их отбор, и классификация, на основе этого — реконструкция прошлого «таким, каким оно было». Так же они стремились выявить закономерности исторического процесса.

**А.И. Филюшкин (к.и.н., преп. ВГУ).** А что такое «исторический факт»?

**И.Ю. Иголкин.** Это событие, получившее отражение в источнике и воссоздающееся на основе показаний очевидцев и других свидетелей.

**А.В. Макушин (к.и.н., преп. ВГУ).** У меня создалось впечатление, что главной целью позитивистов был сбор фактов. На мой взгляд, это не совсем так. Они этим не ограничивались. Представители данного течения ставили перед собой следующую задачу: допозитивистские историки ограничивались рассказом о прошлом, а в нем обязательно должна присутствовать субъективность и литературщина. А по-

зитивисты пребывали в убеждении, что всю литературщину, всю субъективность из исторической науки можно убрать. Таким образом, с точки зрения позитивистов, установление факта есть первый основополагающий шаг к постижению истины. А дальше уже на этих фактах необходимо установить стройные законы, подобные тем, что создал Ньютон. Тем самым из гуманитарной науки, по их мнению, субъективизм устранялся полностью. Как мы видим, они не были только «сборщиками фактов».

**А.В. Фененко (асп. ВГУ)** ***«Постмодернистский вызов» и проблемы современного источниковедения.***

Феномен «постмодернизма» как особого мировоззрения – неотъемлемая часть современной науки, культуры, философии и всей современной цивилизации. Кроме того, в завершающемся XX столетии произошло расширение значения этого термина. Если первоначально под «постмодернизмом» понимали «движение в живописи, кино, литературе, телевидении и искусстве», провозглашающее «смешение стилевых элементов» и «отсутствие объективных стандартов истинности»[1], то большинство исследователей последнего десятилетия вслед за французским философом Ж.Ф. Лиотаром определяют «постмодерн» как общее состояние культуры после трансформаций конца XIX в[2]. Безусловно, историческая наука в целом и одна из ее важнейших отраслей – источниковедение – не смогли избежать влияния новой теории познания.

Исторический постмодернизм неразрывно связан с явлением, которое Ф. Анкерсмит достаточно резко определил как «осень западной историографии»[3], а большинство современных философов вслед за О. Шпенглером расширили до «осени Западной цивилизации»[4]. Действительно, именно в XX в. впервые с начала Нового времени были подвергнуты критики такие незыблемые понятия как «рационализм», «свобода» и «прогресс», а человек стал восприниматься не как независимая индивидуальность, самостоятельно формирующая мир, а как «игрушка» в руках невидимых экономических и политических процессов, кризисов и войн[5]. Поэтому в истории по-

---

[1] *Аберкромби Н., Хилл С.* Социологический словарь. Казань, 1997. С. 233.

[2] *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. М. - СПб., 1998. С. 9.

[3] *Ankersmit F.* Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28. № 2. P. 149 – 152.

[4] *Шпенглер О.* Закат Европы. М., 1993. Т. I. С. 191 – 192, 195 – 196. Особую популярность данное понятие приобрело после выхода работы Й. Хейзинги «Осень Средневековья», исследующей духовную жизнь Франции и Нидерландов XIV – XV вв.

[5] См., например: *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. Подобный взгляд передают и художественные произведения Э.М. Ремарка, Ф. Кафки и Дж. Сэллинджера.

стмодернизм выступил как особая система критики способа получения информации об исторической реальности. Он по-новому переосмыслил процесс работы исследователя с историческим источником.

Основателем данного направления считается американский историк Хейден Уайт, выдвинувший в книгах «Метаистория» (1973) и «Тропинки дискурса» (1978) положение, что сам по себе исторический процесс лишен какого-либо «смысла»: историк анализирует определенный набор текстов и по-своему переосмысливает их в виде литературных моделей (романа, трагедии, эпоса и т.п.), т.е. самостоятельно придает им значение[1]. Однако постмодернизм как теория совместного создания исторической реальности историком и автором источника восходит к философской системе Ф. Ницше. Именно Ницше в работе «Рождение трагедии из духа музыки» (1872) осмыслил исторический процесс как творчество отдельных личностей, а в более позднем произведении «Сумерки кумиров, или как философствуют молотом» (1888) указал на принципиальную непознаваемость истории, понимаемой как особое «поле» личности и ее времени[2].

В 60-е гг. XX в. концепцию немецкого философа развил другой предшественник постмодернизма – французский культуролог М. Фуко. Согласно Фуко, подсознательные основополагающие коды любой культуры управляют ее языком, схемой мировосприятия, формами выражения и иерархией ценностей, т.е. создают особое информационное поле – «эпистему» – благодаря которой, «порядок, на основе которого мы мыслим, имеет иной способ бытия, чем порядок, присущей классической эпохе», а современный западный человек никогда не сможет понять китайскую культуру как качественно иную систему ценностей[1]. Таким образом, автор работы «Слова и вещи» (1966) поднял ключевую для современной исторической науки проблему: если и автор, и читатель источника – дети своего времени, то не является ли трактовка историком источника созданием качественно иного произведения? Именно этот постулат и стал основой так называемого «постмодернистского вызова», развитого в работах таких исследователей как Х. Уайт, Д. Лакапра, Л. Минк, С. Каплан, Р. Дарнтон, П. Вейн, Ф. Анкерсмит, Л. Госсмэн, Ч. Бэйзмэн и др.

Теоретической основой новой исторической школы можно считать три основных положения:

*Во-первых, постмодернисты выступают против возможности познания прошлого логическим путем, что составляло основу историографии XIX в.* Так, со-

---

[1] Цит. по: *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. М., 1998. С. 175.
[2] *Ницше Ф.* Стихотворения. Философская проза. СПб., 1993. С. 155, 565.

гласно Ж.Ф. Лиотару, в современном мире изменился «статус знания», и исследователь выступает уже не как «эксперт», дающий исчерпывающее заключение по тому или иному вопросу, а, скорее, как «философ», который только задает вопросы[2]. Более того, постмодернисты считают, что в «историческом факте» нельзя точно определить, что имел в виду автор источника и правильно ли его понял современный историк.

Например, российский историк И.Н. Данилевский в своей работе «Древняя Русь глазами современников и потомков» (1998) стремится показать читателю, что ранние русские летописи X – XIII вв. до нас не дошли, а сохранились лишь их дополненные, измененные и отредактированные тексты в сводах XIV – XVI вв., «поэтому беря в руки летопись, невозможно знать заранее, кому принадлежит интересующий тебя текст: автору середины XI в. либо редактору XII в., а может быть и переписчику, жившему на полтысячелетия позже»[3]. Таким образом, понятие «историческая реальность» заменяется у постмодернистов понятием «текст», который понимается как совокупности нескольких систем мировосприятия, что ставит под сомнение возможность получения объективной истины.

*Во-вторых, постмодернисты рассматривают «текст» как особое социокультурное пространство, которое постоянно меняется в зависимости от мировоззрения эпохи автора и читателя.* Например, современный отечественный историк А.Л. Юрганов считает доказанной версию, согласно которой в ходе борьбы за наследство князя Владимира I в 1015 – 1019 гг. не Святополк убил князей Бориса и Глеба, а затем был разбит Ярославом – напротив, скорее, сам Ярослав воевал с Борисом и подослал к нему убийц. Однако для древнерусского человека версия Нестора была единственно верной, ее положили в основу своих концепций историки XIX – середины XX вв., а современные авторы вновь пытаются ее переосмыслить[4]. Иными словами, на основе одного текста существуют, по меньшей мере, четыре различных факта: реальные события, версия автора текста, восприятие этой версии современниками и ее осмысление историками. Поэтому «текст» в представлении постмодернистов – это сложное образование, постоянно изменяющееся в зависимости от эпохи. Как отмечает Г.И. Зверева, «идея *реконструкции истории* «такой, какой она была»… уступила место концепту *гуманитарного дискурса,* создаваемого в

---

[1] *Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 31 – 35.
[2] *Лиотар Ж.Ф.* Указ. соч. С. 12 – 15.
[3] *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. М., 1998. С.345 – 346.
[4] *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 4-5, 9-12, 21-26.

соответствии с заданным правилом – *режимом истины* (по выражению Фуко)»[1]. Иначе говоря, каждое время по-своему понимает «истину» и по-своему заставляет понимать смысл текста.

Наконец, *в-третьих, постмодернисты заявили, что историческая реальность не существует вне текста, следовательно, понять прошлое и познать его научным путем невозможно.* Г.М. Спигел пишет, что в постмодернистской версии история «есть иллюзия постижимой реальности, постижимая поверхность, скрывающая непостижимую правду»[2]. Таким образом, новое направление по существу отказывает исторической науке в праве на существование.

В итоге, постмодернисты пришли к парадоксальному выводу, что история не существует как объективная реальность, а существует только текст как особое «информационное поле» – плод совместной деятельности автора и исследователя. Согласно такому подходу, современный историк не может понять, к примеру, текст XV в., поскольку человек XX столетия с особым современным мышлением качественно отличается от средневекового человека с его особой системой миропонимания. Поэтому последователи Х. Уайта уничтожили гегелевское понимание «истории» как непрерывного линейного поступательного развития[3] и заменили его тезисом, согласно которому исторический процесс можно представить как набор письменных источников, некую «сумму текстов», где прошлое представлено в версии автора источника. Поэтому в данном «текстовом пространстве» постмодернисты выделяют четыре автономных, но взаимосвязанных слоя:

1) *Реальное событие* – факт прошлого, который фактически не поддается объективной реконструкции из-за давности времени и последующих искажений.
2) *Исторический нарратив* - ключевое понятие постмодернистской теории, под которым понимается конкретный исторический источник созданный конкретным человеком и, следовательно, изначально субъективный. Именно теория «исторического нарратива» дала основание Д. Лакапре утверждать, что историк работает не с прошлым, а только с образом прошлого[4] и анализирует не факты, а набор субъективных версий.
3) *Интерпретация текста* – представление современного историка о прошлом, сформировавшееся в его сознании на основе «исторического нарратива». Кроме

---

[1] *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблема саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 14.

[2] *Спигел Г.М.* К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 211.

[3] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 70 – 72.

[4] *Зверева Г.И.* Указ. соч. С. 18.

того, постмодернисты вслед за М. Фуко считают, что восприятие текста историком напрямую связано с культурным пространством того времени, в котором живет исследователь.

4) *Образ прошлого* – интерпретация текста читателем, который редко имеет дело с документами, а, скорее, склонен принимать на веру интерпретацию текста историками и на этой основе формирует собственные представления о прошлом. На восприятие читателем работ исследователей также влияет его время, а в представлениях читателей-современников та или иная версия прошлого нередко приобретает характер исторического факта (как, например, в средневековой Руси представления, что род Рюриковичей восходит к римскому императору Августу, а в настоящее время у каждого человека в зависимости от его политических взглядов существует своя версия деятельности Сталина и начала Второй мировой войны).

Основы постмодернистского восприятия истории можно обнаружить в центральном положении философии Ницше «я хожу среди людей как среди обломков будущего: того будущего, что вижу я»[1], только «будущее» в работах Х. Уайта, Ф. Анкерсмита и Д. Лакапры заменено «прошлым» - каждый человек и каждое время создают *свою* историю. В связи с этим интересную версию появления представлений об истории как о непознаваемом, обрывочном и бесконечном тексте предложил современный отечественный исследователь постмодернизма В.П. Визгин, обративший внимание на то обстоятельство, что в 80-90-е гг. XX в. на Западе возрождается представление о неизбежном «конце истории»[2]. (При этом, «финал истории» может варьироваться от достижения «идеального состояния» у Фукуямы до апокалиптической мировой войны у Хантингтона, но суть остается единой.) Таким образом, история начинает рассматриваться в виде замкнутого пространства-текста, в котором, по мнению Г. Спигел, нарушена связь между словами и вещами, реальностью и лингвистическими конструкциями[3].

«Постмодернистский вызов» произвел настоящую революцию в источниковедении. Вплоть до появления теории «исторического нарратива» основные методы работы с источником восходили к философско-логической системе Аристотеля, согласно которой «существуют посылки, являющиеся безусловно истинными и не ну-

---

[1] *Белый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 263.

[2] *Визгин В.П.* Постструктуралистская методология истории // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 50.

[3] *Спигел Г.М.* Указ. соч. С. 213 – 214.

ждающиеся ни в каком доказательстве»[1]. Иначе говоря, исследователи XIX в. считали, что историк может вычленять события из исторического текста, подобно тому как специалист в области естественных наук получает данные на основе опыта. Однако постмодернисты доказали, что любой текст искажается как по субъективным причинам (позиция и мировоззрение автора), так и вследствие принципиального различия мышления представителей разных эпох. Так, один из разделов уже упоминавшейся работы И.Н. Данилевского «Древняя Русь глазами современников и потомков» носит симптоматичное название – «Уровни непонимания», т.е. автор пытается доказать, что «не только наш образ мира принципиально отличается от образа мира летописца, но и способы его описания», следовательно «в большинстве случаев мы *не понимаем* даже того, *что* берем из летописного текста»[2].

Именно проблема создания качественно иной методологии работы с историческим текстом стала во второй половине 80-х гг. причиной раскола единой в 70-е – начале 80-х гг. постмодернистской школы. Если «радикальные» последователи Х. Уайта (Д. Лакапра, Ж.Ф. Лиотар и др.) заявили, что познать прошлое на данном этапе невозможно, то на состоявшемся в 1994 г. XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале ряд историков (Р. Шартье, Дж. Иггерс, Г. Спигел) провозгласили возможность создания методологической основы процесса такого познания, несмотря на всю сложность этой попытки[3]. Кроме того, о необходимости преодоления кризисной ситуации в постмодернизме заявили и сторонники «интеллектуальной истории» (Л. Госсмэн, Л. Шайнер, Л. Орр) – направления в современной исторической мысли, изучающего интеллектуальную жизнь прошлого.

Исследователи постмодернистской школы отмечают, что новая методика работы с текстом гораздо ближе литературоведению и стилистике, чем классическому источниковедению XIX в.[4] Новое направление стремится не сразу выявить факт из источника и создать некую последовательность событий, претендующую на статус «действительности», а, скорее, стремится понять процесс формирования «исторического нарратива» (изучение личности автора, культурного контекста эпохи, восприятия в данное время описываемого события и используемых цитат из др. произведений). Поэтому наиболее популярной темой в западноевропейской и американской постмодернистской традиции стало изучение культуры Великой французской рево-

---

[1] О влиянии Аристотеля на методологию социальных наук см.: *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. II. С. 17.

[2] *Данилевский И.Н.* Указ. соч. С. 10 – 13.

[3] *Репина Л.П.* Новая культура и интеллектуальная история // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 28.

[4] *Зверева Г.И.* Указ. соч. С. 23.

люции и французской историографии XIX в. как ее осмысления. Анализ произведений Ж. Мишле, О. Тьерри, Л. Блана, А. Тьера, Ф. Гизо, А. Ламартина и А. де Токвиля позволил по-новому посмотреть на воздействие темы революции на французское общество второй трети XIX-го столетия, показать влияние господствующей в это время романтической традиции на творчество историков, понимание ими исторического процесса и проследить формирование феномена «народной истории», претендующей от имени «народа» на познание объективной истины и соответствие исторической реальности, хотя в действительности в работах этих историков содержится немало искажений. На этой основе были сформулированы новые принципы работы с источниками.

Основные принципы «постмодернистского источниковедения» были созданы голландским литературным критиком Доуве Фоккемой. Фоккема считал, что для понимания текста следует определить семантическое поле, в котором творил автор (т.е. восприятие им ценностей своего времени) и на этой основе попытаться выявить определенные «коды», понимаемые голландским исследователем как «системы предпочтительного выбора тех или иных семантических и синтаксических средств»[1]. Например, если применить метод Фоккемы к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», посвященному эпохе наполеоновских войн, то сначала следует выяснить как воспринимались войны 1805 и 1812 гг. в 60-е гг. XIX в. (момент создания романа), как осмысливал эти события сам Толстой и только затем попытаться определить, где в описании русского общества начала XIX в. присутствует историческая реальность, где – наслоение мировоззрения времен Александра II, а где – авторская позиция. Таким образом, на смену восприятия текста как иерархии образов приходит его своеобразная деконструкция, следовательно, первый постмодернистский метод работы с текстом можно обозначить как *«метод деконструкции».*

Более полную версию «метода деконструкции» предложил Л. Госсмэн. Его теория предполагает детальный анализ структуры «исторического нарратива», в котором американский исследователь выделяет два «этажа». «Нижний этаж» (вертикальный или систематический) – это подстрочные примечания и отсылки к источникам, в то время как «верхний» (горизонтальный или синтагматический) состоит из последовательности событий, сюжета и типа дискурса. В итоге, по Госсмэну соотношение двух «этажей» текста показывает, что позаимствовал автор у своих предшественников и «духа времени», и как он переосмыслил их в своем произведе-

---

[1] Цит. по: *Ильин И.П.* Указ. соч. С. 157 – 162. Основное произведение Д. Фоккемы: *Fokkema D.* Literary history, modernism and post modernism. Amsterdam, 1984.

нии[1]. Близкий к постмодернистскому направлению И.Н. Данилевский расширил схему Госсмэна, предложив добавить в нее такой сложный элемент как подтекст – например, автор «Повести временных лет» стремится воспроизвести в своем произведении библейские «Книги царств», следовательно, без знания содержания Библии и без понимания влияния христианства на древнерусское общество исследователь не сможет понять смысл важнейшего исторического источника[2]. Таким образом, метод деконструкции текста позволяет отделять один исторический пласт от другого и выявлять исторические погрешности.

С текстовой деконструкцией тесно связан другой метод «постмодернистского» источниковедения – *«метод изучения авторского намерения».* Он служит логическим дополнением первого, т.к. если ограничиться только «методом деконструкции», то «логическая схема, внеисточниковое знание вытесняют источниковое знание», а «факты лишь иллюстрируют теорию»[3], тогда как нередко автор сначала формулирует теорию, а затем подводит под нее соответствующие факты. Этот подход также пришел в историческое источниковедение из литературоведческой теории Д. Фоккемы, где он обозначен как необходимость полного изучения синтаксиса текста и композиции, включающей в себя аргументативные, нарративные и дескриптивные структуры. Однако при работе с историческими текстами выявление таких структур в композиции и синтаксисе должно дополняться процессом выявления «социальной логики текста», т.к. по мнению Г. Спигел автор текста выступает «и как продукт определенного социального мира, и как действующие лицо в этом мире»[4].

В связи с этим большое значение имеет сравнительный анализ нескольких источников. Например, как показал Л. Шайнер исследователю творчества французского консерватора середины XIX в. А. де Токвиля сначала следует обратиться к его работе «Старый порядок и революция» (1856), понять его политическую теорию, и только затем обращаться к книге «Демократия в Америке» (1835), где американский индивидуализм описывается как путь к тирании в противовес любимому автором сословному обществу времен Людовика XV. В итоге и «метод деконструкции текста», и «метод изучения авторского намерения» восходят к теории австрийского логика К. Геделя, в которой доказывается, что любая сложная логическая система ос-

---

[1] *Зверева Г.И.* Указ. соч. С. 20 - 21.
[2] *Данилевский И.Н.* Указ. соч. С. 12.
[3] *Ионов И.Н.* Судьба генерализирующего подхода к истории в эпоху постструктурализма // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 65.
[4] *Спигел Г.* Указ. соч. С. 217.

нована на недоказуемых постулатах, и задача исследователя – только найти и понять эти постулаты[1].

Третий метод, предложенный постмодернистами, – *«метод изучения семантики языка исторического текста»* - ближе, скорее, не литературоведению, а языкознанию, где «семантика» определяется как «все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей»[2]. Однако изучение семантики исторического текста – более сложный феномен, требующий не просто знания языка изучаемой эпохи, но и так называемой системы исторических образов, определяющих значение слов, выражений и их подтекста. Поэтому уже в работах М. Фуко можно найти указания на то обстоятельство, что в Средневековье и в эпоху Возрождения в само понятие «слово» вкладывалось принципиально иное значение, чем сегодня: рукописное слово было не «совокупностью независимых знаков, но, «скорее, непрозрачная, таинственная, замкнутая в себе вещь»[3]. Следовательно, задачей исследователя становится не просто адекватная расшифровка того исторического образа, который стоял за семантической единицей в то или иное время, но и понимание концепции «слова» и «образа», ее отличие от современных форм мировосприятия в изучаемую эпоху.

В то же время, постмодернистские методы работы с источником не только позволяют по-новому понять текст и приблизить его содержание к исторической реальности, но и демонстрируют ограниченность возможностей современной науки. Еще в работах Х. Уайта говорится о том, что образ прошлого складывается у автора текста во многом в результате акта воображения, предшествующего познанию и, следовательно, некритичному. Близкую уайтовской версию возникновения «авторского намерения» предложил и П. Бурдье, для которого «слова конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают»[1]. Таким образом, *субъективные причины* искажения исторической реальности оказываются фактически непознаваемыми. Именно эта проблема и составляет суть «постмодернистского вызова» в источниковедении, адекватного ответа на который не найдено до настоящего времени.

Останавливаясь на судьбе постмодернизма в нашей стране, следует отметить, что до настоящего времени в России фактически не существует серьезных исследовательских работ в рамках данного направления. Отсутствуют и переводы основополагающих монографий Х. Уайта, Ф. Анкерсмита, Д. Лакапры или Д. Фоккемы

---

[1] *Ионов И.Н.* Указ. соч. С. 61.
[2] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 438.
[3] *Фуко М.* Указ. соч. С.30.

(некоторым исключением стала опубликованная в 1998 г. работа Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», посвященная общим проблемам постмодернистской философии). Кроме того, значительная часть исследователей негативно относится к «постмодернистскому вызову». Классической в этом отношении можно считать оценку, данную И.П. Ильиным, для которого, несмотря на все положительные достижения, «постмодернисты демонтируют традиционные повествовательные связи внутри произведения, отвергают привычные принципы его организации»[2]. Очевидно, негативное восприятие постмодернизма связано с тем, что он усиливает методологический кризис социальных наук.

В связи с этим большой интерес вызывает феномен «новой хронологии» А.Т. Фоменко, которую традиционно называют «русским постмодернизмом», т.к. он выступает за радикальный пересмотр традиционной хронологии на 1810 лет. Однако источниковедческие методы «группы Фоменко» не имеют ничего общего с новыми теориями текстуального анализа Уайта, Фоккемы и Лакапры – они основаны на грубых ошибках. Можно привести только несколько примеров: анализируя исторические источники и историческую литературу, автор «новой хронологии» отождествляет Ахиллеса и Уллиса на основании «похожести» их имен, готов и хеттов – на основании близкого звучания названия и переноса действия Библии в средневековую Италию, а произведение К. Птолемея «Альмагест» датирует рубежом XV – XVI вв., несмотря на то, что закон исторической рецессии звезд был открыт только Кеплером, и подвести трактат под II в.н.э. в XVI в. было бы невозможно[3]. Однако ошибки и неточности «новой хронологии» бросают тень на всю постмодернистскую историческую теорию и, по-своему, «синдром Фоменко» препятствует появлению серьезных исследовательских работ.

Между тем, проблемы нового подхода к историческим источникам остаются актуальными и в нашей стране. Еще в 60 – 80-е гг. основатель «тартуской школы» Ю.М. Лотман в работе «Структура художественного текста» независимо от Фуко, Уайта и Фоккемы разрабатывал близкие им проблемы анализа текста как своеобразной иерархии авторских «кодов-смыслов», которые следует понять исследователю[4]. К середине 90-х гг. влияние постмодернизма стало значительнее. В 1996 г. на страницах ежегодника Института всеобщей истории РАН «Одиссей. Человек в истории» был проведен круглый стол по вопросам постмодернистского подхода к истории с

---

[1] *Ионов И.Н.* Указ. соч. С. 71; *Бурдье П.* Начала. М., 1994. С. 198.
[2] *Ильин И.П.* Указ. соч. С. 164.
[3] См. например: *Фоменко А.Т.* Методы статистического анализа нарративных текстов и приложения к хронологии. М., 1990. С. 77-78, 243, 286, 336.
[4] *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 1998. С. 19, 63.

участием таких исследователей как Г.И. Зверева, Л.П. Репина, В.П. Визгин, И.Н. Ионов и А.Я. Гуревич[1]. Участники дискуссии согласились с основополагающим тезисом «новой интеллектуальной истории», что «всякая историческая реконструкция, т.е. попытка восстановления прошлого, есть, по своей природе, несомненно, историческая конструкция»[36], несмотря на то, что перспективы развития постмодернизма в истории и источниковедении виделась им по-разному. В 1998 г. появились две работы И.Н. Данилевского «Древняя Русь глазами современников и потомков» и А.Л. Юрганова «Категории русской средневековой культуры», так же испытывающие серьезное влияние исторической теории Х. Уайта и его последователей. Появление подобных работ свидетельствует о возможности серьезного обращения к постмодернизму отечественных историков в ближайшие годы.

Таким образом, в завершении краткого анализа постмодернистского направления можно сделать вывод, что и в западной, и в отечественной исторической науке это явление еще нуждается в серьезном осмыслении, и исследовательская работа в этом направлении, связанная с попыткой преодоления «тупика» в познавательной схеме постмодернистов, будет продолжена и в новом столетии.

**М.Д. Долбилов (к.и.н., преп. ВГУ).** В принципе, возможно ли продолжение традиционного историописания, изучения исторического нарратива в рамках постмодернизма? Учитывая, что в данный момент в России нет работ профессиональных историков, которые четко идентифицировали бы себя, как постмодернисты. Вы упомянули Игоря Николаевича Данилевского. Но ведь он сам себе к постмодернистам не относит.

**А.В. Фененко.** С одной стороны, я считаю, что да, действительно, нет пока еще крупных постмодернистских монографических исследований, но это не значит, что данное направление не имеет будущего. Следует заимствовать все положительное из постмодернистской теории и, прежде всего это —новый взгляд на проблему познаваемости источника. Что же касается Данилевского, то, как уже упоминалось, в его работе «Древняя Русь глазами современников и потомков» один из разделов носит красноречивое название: «Уровни непонимания». То есть автор в стиле западных постмодернистов пытается доказать, что не только сам образ современного мира отличается от образа мира летописца, но различны и способы его описания. По его словам, «в большинстве случаев мы не понимаем даже того, что берем из летописных источников». Перед нами пример явного влияния постмодернизма.

---

[1] Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 11- 109.

**А.И. Филюшкин.** Насколько велик элемент субъективизма в трактовках нарратива постмодернистами? То есть — не подменяем ли мы научное прочтение нарратива его субъективным авторским видением с ярко выраженной литературной окраской? В критике традиционной историографии они сильны. И постмодернистский подход к письменным источникам, особенно средневековым, вряд ли опровержим. Но в чем заключается позитивная составляющая данного подхода? Каковы исследовательские потенциалы постмодернизма?

**А.В. Фененко.** Безусловно, в постмодернизме присутствует очень серьезное влияние авторской интерпретации. Об этом писал еще основоположник этого течения Хейден Уайт. Тем не менее, мне кажется, что основные положения данного метода дают определенную основу для нового, более объективного прочтения источника. В качестве примера могу привести вышеупомянутую теорию Госсмэна.

**И.В. Иноземцев (5 курс ист. ф-та ВГУ).** Докладчик хорошо показал, что постмодернисты высветили серьезные проблемы в работе историков с текстами. Однако у меня возникает такой вопрос: были ли у постмодернистов попытки самим создать новую концепцию на основе данной критики? И что они позитивного внесли в саму методику изучения текста?

**А.В. Фененко.** Как уже упоминалось, ими было предложено три метода: 1) метод определения семантического поля; 2) метод деконструкции текста; 3) метод изучения семантики авторского текста.

**А.И. Филюшкин.** Насколько это постмодернистские методы ? Разве они не используются сторонниками других подходов ?

**А.В. Фененко**. Да, они не являются чисто постмодернистским изобретением. Но именно здесь вышеназванные методики применялись наиболее часто.

**Н.В. Амзаракова.** В чем, согласно теории постмодернистов, «смысл истории»? Вот с позитивизмом все ясно. Существует столбовая дорога, развивающийся по четким законам исторический процесс, который легко воссоздать и понять с помощью реконструкции фактов. А как постмодернисты представляют себе смысл исторического развития?

**А.В. Фененко.** Постмодернисты отвергают гегелевскую концепцию линейной, поступательной истории. Для них история существует как текст, замкнутое информационное поле, в написании и понимании которого существует несколько авторских версий.

**Д.М. Бородин (3 курс ист. ф-та ВГУ).** Вы достаточно подробно описали критику постмодернистами своих оппонентов. А пытались ли историки отстоять свои традиционные методы исследования?

**А.В. Фененко.** На XVIII историческом конгрессе в 1994 г. в Монреале была осуществлена попытка отстоять традиционные методы работы с источниками. Однако основным выводом конгресса стало то, что позитивизм не нуждается в защите — он сам себе лучшая защита.

**Ю.В. Селезнев (асп. ВГПУ).** У меня сложилось впечатление, что постмодернисты рассматривают историю не как науку о факте, а как науку о нашем представлении о факте. В таком случае, есть ли будущее у исторической науки в нынешнем ее виде?

**А.В. Фененко.** Постмодернизм вовсе не является главным течением в современной историографии, хотя брошенный им вызов серьезно расшатал основы традиционной науки. В настоящее время все большую силу приобретает «третье направление», представители которого (например, Р. Шартье) считают, что прошлое в принципе познаваемо, но сделать это, особенно обычными позитивистскими методами, очень сложно.

**А.Ю. Золотарев (5 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Источниковедческая парадигма школы «Анналов»***

Школа «Анналов» возникла на базе журнала «Анналы экономической и социальной истории» (Annales d'histoire economique et sociale), основанного в 1929 М. Блоком и Л. Февром. Ее заслуга состоит в создании культурно-антропологического подхода к истории. Суть его выражалась через определение, данное самой исторической науке основателем «Анналов» М. Блоком: «наука о людях во времени»[1].

Историческая антропология предусматривала изучение человека «во всех присущих ему видах деятельности», ибо «любой из этих видов деятельности затрагивает целиком всего человека — рамках обществ, созданных им самим». Поэтому история может быть только «общей» (totale) и «социальной» (sociale), интегрирующей в себе все возможные «истории» и науки о человеке[2]. Ф. Бродель писал, что «даже если на практике никто из нас не способен на этот подвиг, все мы обязаны хотя бы стремиться изучать историю в ее целостности»[3].

В этом состояло отличие данного подхода от позитивизма, представители которого сосредоточили свое внимание на изучении событийной истории (в основном истории политической), а также на скрупулезном сборе и систематизации источни-

---

[1] *Блок М.* Апология истории. М., 1973. С.19.
[2] *Февр Л.*. Бои за историю. М., 1991. С. 25-27.
[3] *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Кн.1. С.7.

ков. За что они удостоились от «анналистов» презрительного наименования «эрудитов».

Перед историками-«анналистами» встала задача выработать новые методы получения информации, на которую могли бы опираться конкретные исследования, ибо история, которая интересовала «анналистов» - это «история неявного, имплицитного»[1]. Следовательно, и информация о ней также неявна и «размыта» по источникам. Кроме того, позитивистская, равным образом как и марксистская, историография не могла ничего противопоставить критике теории исторического познания со стороны неокантианцев, презентистов и т.п.

Таким образом, перед «новой исторической наукой» в области источниковедения стояли задачи:

1) активизировать познавательную функцию историка, дабы научиться извлекать из источника информацию, которая не улавливается при буквальном его прочтении;
2) научиться адекватно понимать источник, исходя из ментальности его создателей, а не из современных категорий мышления;
3) научиться сочетать в историческом исследовании данные всех возможных типов и видов источников, особенно тех, которые традиционная историография использовала недостаточно или которыми вовсе пренебрегала.

Сама идея о роли субъекта в процессе познания была поставлена еще в неокантианской гносеологии. При том, что школа «Анналов» приняла основные ее философские постулаты, на возможности познания человеком истории они смотрели более оптимистично. По сути дела, на историка налагалось лишь одно ограничение: «Причины в истории нельзя постулировать. Их надо искать»[2]. Как их искать? Вот тут и ставился вопрос об активной роли историка как познающего субъекта.

Из нее следовало, что историческое исследование начинается с постановки проблемы. «Нет проблемы — нет исследования», — говорил Л. Февр[3]. Затем историк, как следователь, составляет вопросник и выбивает из источников факты, которые помогли бы решить проблему. Любой исторический памятник может стать источником важных сведений, если знать, как к нему подойти, какие вопросы задать. Получается своеобразный «диалог» историка и источника. И уже после того как факты получены и проанализированы, исследователь вправе строить объяснитель-

---

[1] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю // Одиссей. 1991. М., 1991. С.30.
[2] *Блок М.* Указ. соч. С.106.
[3] *Февр Л.* Указ. соч. С.25.

ную гипотезу. Их может оказаться несколько, и все они могут быть в принципе правильны — все зависит от того, под каким углом зрения смотреть.

Сейчас некоторые представители школы «Анналов» предпочитают говорить о «конструировании» исследовательских объектов и исторических фактов. Суть изменений состоит в том, что активизация познавательных функций историка должна быть предельной. Предельным становится генерализующий подход к истории. Историк должен органически совмещать извлечение из источников исторической информации с углубленной рефлексией над возможностями и путями ее интерпретации. «Конструирование» исторических фактов целиком вбирает здесь их объяснение[1]. В этой связи хочется отметить опасность, о которой говорил еще М. Блок — опасность постулировать причины прежде их доказательства.

Как отмечает А.Я. Гуревич, «значение этого метода заключается в том, что теперь историк, не довольствуясь, буквальным содержанием хроник, трактатов, поэм, документов, путем анализа терминологии и лексики сохранившихся письменных источников способен заставить эти памятники сказать гораздо больше, ответить на вопросы, которые интересуют современного исследователя, но от постановки само средневековое общество могло быть бесконечно далеко»[2].

Важнейшим теоретическим принципом школы «Анналов» было стремление изучать «тотальную» историю. Историк, чтобы получить данные для построения как можно более объективной гипотезы, должен выявить как можно больше факторов, вызвавших к жизни исследуемые им явления. М. Блок писал, что «монизм в установлении причины... будет для исторического объяснения только помехой. Историк ищет цепи каузальных волн и не пугаются, если они оказываются (ибо так происходит в жизни) множественными»[3]. Отсюда и происходит необходимость задействования в исследовании как можно большего числа, как по видовому, так и по количественному составу, источников.

М. Блок разделял источники на намеренные и невольные (данные археологии, палеобиологии, географии, лингвистики, ономастики, фольклора и т.п.), отдавая предпочтение последним. Ибо они содержат в себе неотфильтрованные фрагменты подлинной исторической действительности. Он подчеркивал, что только благодаря им «удалось восстановить целые куски прошлого: весь доисторический период, почти всю историю экономики, всю историю социальных структур»[4].

---

[1] *Бессмертный Ю.Л.* «Анналы»: переломный этап? // Одиссей. 1991. С.11-13.
[2] *Гуревич А.Я.* М. Блок и «Апология истории» // *Блок М.* Апология истории. М., 1973. С.189.
[3] *Блок М.* Указ. соч. С. 104.
[4] Там же. С.36-37.

Еще Л. Февр писал: «Историк использует тексты... Но -—все тексты, а не только архивные документы... А и стихи, картины, пьесы: все это тоже источники, свидетельства живой человеческой истории, пронизанные мыслью и призывом к действию. История использует тексты — это ясно как день. Но не только тексты. А и все источники, какова бы ни была их природа»[1].

Однако важнейшую роль в культурно-антропологических исследованиях продолжают играть именно письменные источники.

Например, для изучения такой специфической области, как ментальность, и такой специфической ее формы, как «ментальность безмолвствующего большинства» (illiterati) использовались, кроме нарративных источников, традиционно привлекавшихся для написания истории идей, также протоколы инквизиционных трибуналов, рассказывающие о видениях и чудесах, различных примерах (exempla), завещания, фольклор, произведения народного искусства и литературы. Примером может служить работа Э. Леруа Ладюри: «Монтайю. Окситанская деревня в 1294-1324»[2].

Но после того, как историк получил информацию, перед ним встает новая проблема: как ее интерпретировать.

Здесь уместно привести еще одно высказывание Л. Февра: «Сами слова, которые составляют тексты, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов - своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному, и даже те из них, что относятся к материальным предметам, лишь изредка полностью совпадают по смыслу, лишь изредка обозначают равные и равноценные свойства»[3].

На некоторые из трудностей, которые поджидают историка при интерпретации источников, указывал еще М. Блок.

Первое — это неточность, размытость самого понятийного аппарата исторической науки. Здесь велика вина самих историков, которые через термины, обозначающие явления одной эпохи (иногда даже той, в которой историк жил), пытаются описывать прошлое, причем чрезвычайно далекое прошлое. Либо распространять термины, обозначающие явления, характерные для одного региона на многие другие сообразно своему видению всемирно-исторического процесса. Наиболее поучительна здесь судьба таких основополагающих исторических понятий как «свобода», «частная собственность»[4], «государство», «феодализм». Примеров можно привести великое множество.

---

[1] *Февр Л.* Указ. соч. С.19.
[2] *Леруа Ладюри Э.* Монтайю. Окситанская деревня 1294-1324. Екатеринбург, 2000.
[3] *Февр Л.* Указ. соч. С.19.
[4] *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе // *Гуревич А.Я.* Избранные труды в 4 тт. М., 1999. Т.1С.205-228.

Второе — термин мог менять свои значения на протяжении от седой древности до наших дней. Пример тому — слово «буржуа», которое в XIII в. прилагалось к несколько другому кругу людей, чем в XIX в.[1]

Третье — значение термина легко исказить при переводе с языка источника на язык историка и читателей его труда. Так французские и английские servi и villani X-XIII вв. превратились в «крепостных», т.е. слой людей, характерный для Восточной Европы периода позднего феодализма.

Четвертое — значение слова искажалось уже в саму эпоху создания источника. Скажем, для средневековья был характерен билингвизм или даже трилингвизм. Понятие прежде чем из реальности попасть в источник проходило через два или три языка. Не будучи специалистами-филологами средневековые нотариусы вряд ли могли всегда адекватно переводить слова с народного языка на официальный (французский в Англии, немецкий в Восточной Европе) или латинский, тем более, что он был мертвым языком. Поэтому историку «ничего не остается, как проделать ту же работу в обратном порядке». Иногда это сделать легко, иногда добиться 100%-но верифицируемого результата невозможно.

Пятое — часто автор источника действовал по матрице, которая была дана ему не только языком, но и вообще всей культурной традицией. Благодаря этому описания реальности, встречающееся в источниках, отличается от самой реальности. То, что знаменитые прекарные и престарные грамоты составлялись по образцу, предоставляемым вульгарным римским правом, а не обычным франкским, затрудняло понимание того, как формировалась система господства и подчинения, характерная для феодального общества. На первый взгляд, этот механизм был чисто экономическим, как процесс формирования капиталистических отношений в позднее средневековье. А все потому, что он тоже осуществлялся на основе римского права. Потребовалось немало времени, чтобы понять, что буквальное прочтение документов только скрывает истину, а не помогает к ней приблизиться[2].

Итак, в этой самой трудной части ремесла историка ему приходится сталкиваться с необходимостью «отделить объективное изучение поведения людей от изучения символических систем, которые это поведение определяли и оправдывали в их собственных глазах», «полностью совлечь с древних обществ те идеальные покровы, которыми они себя окутывали», «увидеть их не так, как они о себе грезили»,

---

[1] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
[2] *Гуревич А.Я.* Начало феодализма в Европе. С.214.

«демистифицировать их идеологию»[1]. Для этого исследователю надо было осознать перед ним «другой» (l'autre). Здесь ему могла помочь история ментальностей, которая, таким образом, выступала и как предмет и как орудие исследования.

Сейчас ведущими представителями школа «Анналов» поднимается вопрос о том, что на пути историка в его диалоге с источником стоят непреодолимые препятствия, т.к. видение мира людьми прошлого, их социально-психологические реакции по большей части неадекватны нашим. Соответственно их способ выражения, запечатленный в источниках, чрезвычайно трудно поддается — если вообще поддается — расшифровке. Отсюда — «непрозрачность» прошлого. Статья или книга историка  это не более, чем его прочтение прошлого, его комментарий к изученным источникам, каковой будет по-разному восприниматься разными читателями. И дальнейшее развитие исторических исследований отнюдь не гарантирует все большей адекватности наших знаний о прошлом[2].

Такие взгляды дают основания для мнения, что «Новая историческая наука», так и не смогла достичь синтеза в истории, что она, как и вся историческая наука находится в эпистемологическом кризисе, исчерпав свои потенции в области исторического познания, что необходим новый прорыв, который откроет нам новые горизонты[3]. Возможно это судьба всех новаторов в науке. Как остроумно заметил П. Берк: «революционеры сегодня, завтра они становятся законодателями мод, но в свою очередь восстают и против них». Но, если сказать словами того же Берка, французская историческая революция свершилась, и историческая наука уже никогда не будет прежней[1].

**Н.В. Амзаракова.** Следует заметить, что не нужно смешивать «Школу Анналов» и «историческую антропологию». Историческая антропология — это новое направление, которое стремиться отделить себя от «анналистов». В первую очередь это вызвано тем, что для последних характерно увлечение социально-экономической историей, а для «исторической антропологии» главным является изучение ментальности.

**А.В. Макушин.** Вы употребили в докладе термин: «неокантианский презентизм». Что Вы понимаете под «неокантианством» и под «презентизмом»? Насколько

---

[1] *Дюби Ж.* Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе. М., 2000. С.18.

[2] *Бессмертный Ю.Л.* Указ. соч. С.15.

[3] *Бойцов М.А.* Вперед к Геродоту? // Казус. М., 1991. С.17-41; *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». С.281-293; *Искендеров А.А.* Историческая наука на пороге XXI в. // Вопросы истории. 1996. №4. С.25.

я понимаю, «презентизм» — это теоретическое направление, которому обоснование дали в свое время американцы, а классический пример «презентизма» — изучение советскими историками советской же истории, у которой «непредсказуемое прошлое», когда по политическим мотивам можно прямо противоположно толковать события. Неокантианцы же, в частности Виндельбанд, стремились к установлению ценностей, которые непоколебимы не только из-за политической конъюнктуры, но и в принципе.

**А.Ю. Золотарев.** Советские историки не считали себя «презентистами», поэтому, думаю, данное сравнение не противоречит тезисам, выдвинутым мной выше.

**А.В. Фененко.** В чем «новизна» «Школы «Анналов»? Не позаимствованы ли многие ее положения из работ Макса Вебера?

**А. Золотарев.** Как отметил Питер Берк в книге «Французская историческая революция», принципиально новых, абсолютно авторских идей «анналисты» не Выдвинули. Они только по иному скомпоновали те, которые оболсновали их предшественники. И именно это новое сочетание можно считать феноменом «Школы «Анналов».

**И.В. Иноземцев.** Повлиял ли марксизм на развитие «Школы «Анналов», и если да, то в чем это проявилось?

**А.Ю. Золотарев.** Что касается первых двух поколений (Февр, Ле Гофф, Бродель), то влияние марксизма здесь прослеживается слабо. Марксистом или близким к марксизму считал себя Дюби.

**Д.М. Бородин (3 курс ист. ф-та ВГУ)**. ***Историческая герменевтика, как метод современного источниковедения.***

Герменевтика — это теория операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов, а само слово «герменевтика» означает последовательное осуществление интерпретаций. Данная наука возникла и развилась как искусство толкования текстов Святого Писания. Большой вклад в ее развитие внес Аврелий Августин (354-430), который определял герменевтику как методику нахождения подлинного смысла Святого Писания.

В XVIII-XIX вв. сфера применения герменевтики расширилась, она стала толковаться как теория понимания любого текста. Для этого было выработало множество специфических правил и приемов, которые базируются на следующих принципах:

---

[1] *Burke P*. The French historical revolution. The Annales school 1929-1989. Cambridge, 1990. P. 111

- *Семиотичность текста*. Последний воспринимается как совокупность языковых знаков, заместителей предметов в речи;
- *Проблема многозначности смыслов знака* решается следующим образом – в данном месте знак несет только один смысл;
- *Проблема понимания* рассматривается как проблема перехода от знака к значению. Процесс понимания рассматривается как один из ключевых этических и социо-культурных механизмов, обеспечивающих человеческое общение и взаимодействие, и характеризует его, как искусство специфического переосмысления духовного процесса, происходящего у автора текста;
- *Необходимость единства «грамматической» и «психологической» интерпретаций*;
- *Принцип конгениальности* (соразмерность творческих потенциалов автора текста и его интерпретатора Для этого необходимо усвоение читателем языка автора);
- *Принцип герменевтического круга*. Впервые данное понятие было введено немецким филологом-антиковедом  Астом. Согласно другому видному герменевту – Шлейермахеру, на этом принципе основывается весь процесс интерпретации. То, что мы интерпретируем, состоит из индивидуальных частей, которые при этом образуют целостное единство (круг). ПР этом при верном толковании не должно возникать противоречий между нашей трактовкой смысла отдельных частей и всей целостности. Например, благодаря отдельной части (тексту) мы понимаем целое (эпоху), но и благодаря целому (эпохе) мы можем лучше понять часть (текст);
- *Учет цели создания текста*, т.е. для лучшего понимания источника необходимо знать цель его создания;
- *Диалог интерпретатора и текста*.

Анализ понимания текстов есть одновременно анализ их социальной роли и функциональной сущности. Для этого требуется набор взаимосвязанных сведений относительно его содержания. Процесс понимания происходит на нескольких уровнях:

- *Уровень монтажа*. Предполагает перемещение от одного относительно законченного элемента текста к другому: читаемый текст как бы монтируется в сознании читающего из сменяющих друг друга предложений, глав, абзацев.
- *Уровень перецентровки*. Происходит перецентровка мысленного центра от одного элемента к другому.

- Параллельно с монтажом и перецентровкой происходит формирование *концепта текста* – его общего смысла.

Герменевтическая интерпретация текста, а, следовательно, и понимание не ограничивается анализом его логико-грамматической структуры. Раскрытие значения нарратива во многом определяется намерениями автора, что требует обращения к интуитивно-эмпирическим и субъективно-психологическим факторам. Воображение, перевоплощение, «вчувствование» в текст означают ни что иное, как использование личного опыта интерпретатора для раскрытия значения текста. С герменевтической точки зрения, понимание рассматривается как процесс сопереживания в сознании интерпретатора мыслей, чувств, мотиваций, намерений другого человека.

Как уже было сказано, герменевтика стала использоваться в качестве теории понимания любого текста в XVIII-XIX вв. Большой вклад в нее внес уже упоминавшийся Аст, стремившийся постичь так называемый «дух античности». Последний, по его мнению, прочитывается в литературных произведениях (текстах), поэтому целью работы по изучению античных авторов он видел достижение как можно более полного понимания их произведений. Сам процесс понимания ученый рассматривает как процесс постижения некоего духовного начала. При этом понимание достигается благодаря тому, что духовное начало, воплотившееся в произведениях искусства (текстах), постигается другим духом – разумом интерпретатора. Иными словами, чтобы понять античность, надо в чем-то стать похожим на древних греков.

Другим видным герменевтом был В. Дильтей. Но если у Аста основной объект герменевтического истолкования — текст, то Дильтей строит свою герменевтику, как метод истолкования и интерпретации всей жизни. Понимание с психологической стороны – преимущественно искусство, но так же и метод. Более того, согласно Дильтею, это единственный метод «наук о духе» (так Дильтей называл все гуманитарные науки). Ключевыми понятиями, с помощью которых раскрывается процесс понимания, у него выступают: «жизнь» и «переживание». Задачей гуманитарных наук является понимание других людей и проявлений их жизни.

Дальнейшее развитие герменевтика получила в концепции Г. Гадамера, который, во-первых, последовательно отказывается от суждений о тексте, основанных на любой другой действительности кроме самого текста, во-вторых, налагает запрет на сведение смысла текста к его замыслу. Согласно Гадамеру, интерпретация должна быть направлена не на «вчувствовании» интерпретатора в духовную жизнь автора, а на анализе всех факторов, сопутствующих созданию произведения. Основную задачу интерпретации он видит не в реконструкции замысла, а в конструкции смысла.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что применение герменевтического метода к изучению исторического нарратива помогает понять человека прошлого, взглянуть на мир ЕГО глазами, что крайне важно при изучении мотивов, побуждающих людей к тем или иным действиям. Использование герменевтики в первую очередь необходимо там, где есть текст, который нужно понять и перевести с языка ЕГО времени на «метаязык» науки. Особенно это важно для изучения человека средневековья и раннего нового времени. Однако данный метод имеет очень существенный недостаток: в процессе понимания слишком силен субъективный момент, влияние на интерпретацию источника личных качеств исследователя.

**М.В. Кирчанов.** Вы сказали, что герменевтика зародилась, как способ комментария исключительно религиозных текстов. А Вам не кажется, что она таковой и осталась?

**Д.М. Бородин.** Мне так не кажется. Во-первых, герменевтика зародилась как дисциплина, толкущая религиозные тексты потому, что именно их толкование имело первоочередное значение. На мой взгляд, толковать можно не только религиозные тексты, но в принципе любой другой текст.

**А.А. Астрединов (2 курс в/о ист. ф-та ВГУ).** Возможно ли в принципе извлечь информацию из средневекового текста, если проблема ставится современным человеком, который мыслит совершенно иначе, иными категориями? Средневековые источники насыщенны специфической терминологией, и если мы ее интерпретируем с помощью понятий нашего времени, еще не значит, что мы ее понимаем.

**Д.М. Бородин.** Герменевты считают важным условием понимания текста освоение языка автора и, по возможности, используя наши знания об эпохе, попытку встать на его место. И попытаться пережить то же, что автор прочувствовал при создании своего произведения.

**Ю.В. Селезнев.** А можем ли мы это сделать?

**Д.М. Бородин.** Чем дальше вглубь веков, тем сложнее, но, на мой взгляд, применительно к новому времени вполне реально.

**А.В. Фененко**. Как Вы относитесь к теории Л. Леви-Брюля о том, что человеческое мышление существенно изменяется на протяжении эпох?

**Д.М. Бородин.** Насколько сильно изменяется, на мой взгляд, сказать сложно, но, несомненно, отличия между сознанием людей разных исторических периодов есть.

**А.В. Фененко.** А обязателен ли элемент сопереживания автору при применении герменевтического метода?

**Д.М. Бородин.** С точки зрения герменевтики — это необходимо.

**А.В. Фененко.** А нет ли в этом аспекте элементов мистики?

**Д.М. Бородин.** Не думаю, что здесь нет элементов мистики. Так или иначе, любой историк становится на место героев своего исследования.

**А.А. Гнеушев.** Сопереживать действительно сложно, поскольку автор источника, живущий в своем времени, также субъективен. Существует несколько уровней субъективизации в герменевтической методике. И вскрыть их непросто. Поэтому сопереживание не панацея, невозможно интерпретатору полностью превратится в автора. И если он полностью превратится, — не возникнет ли ситуация, что теперь нужно будет трактовать уже интерпретатора, слишком «удалившегося от нас»? Здесь опять возникнет проблема перевода языка, теперь уже исследователя, на метаязык науки. Поэтому, без сомнения, достичь истины невозможно. Мы можем только приблизиться к ней.

**Н.В. Амзаракова.** Вы говорили, что далеко не все виды источников поддаются герменевтическому анализу. Автор должен войти в образ. Мне кажется, что если исследователь войдет в образ, то он сможет прочитать любой источник.

**Д.М. Бородин.** Я говорил, что не некоторые виды исторических источников не может изучить герменевтики. Просто некоторые источники тяжело изучать герменевтическими методами. Например, монархистам очень тяжело сопереживать Томасу Пейну.

**М.Д. Долбилов.** Как сопереживать? Вы знаете, работая над кандидатской диссертацией, я занимался бюрократами, которые писали крестьянское законодательство. И мне удалось побывать в кадетском корпусе, где они занимались законотворчеством. Ничего мне это не прибавило. То есть попытки вжиться ничего не дало. Психологизм данного метода ничего положительно не принесет. Результаты будут достаточно субъективны.

**Д.М. Бородин.** Я уже отметил, что в гуманитарных знаниях невозможно без субъективизма и в герменевтике он очень силен. Сопереживание — не только в мистическом «вчувствовании», но и в сборе информации об авторе, в знании его биографии, конкретной ситуации при написании текста и т.д.

**А.В. Макушин.** Я хочу сказать несколько слов в защиту герменевтики. Герменевтика — перспективна. Потому что историк должен чувствовать предмет, что называется, нутром. Классический пример — Василий Осипович Ключевский. Его ученики говорили, что он не мог объяснить на семинаре, как он дошел до той или иной мысли. И это не обязательно должно происходить в какой-то особой обстановке. Это все можно проделать за письменным столом. Это ведь своего рода озарение.

Есть же в теории познания понятие «интуитивизм». Такой интуитивизм — одна из важнейших составляющих работы историка.

**И.В. Иноземцев (5 курс ист. ф-та ВГУ).** ***Методы изучения массовых исторических источников.***

Характерной чертой развития исторической науки является ее углубляющаяся математизация и компьютеризация. Вместе с этим, все большее внимание историков привлекают XIX-XX века — период господства *массовых* источников, изучение которых немыслимо без применения методов количественного и математико-статистического анализа. Парадигму их использования сформулировал И.Д Ковальченко, указавший, что «качественная определенность раскрываема в полной мере только тогда, когда будет выявлена количественная мера данного качества»[1].

Прежде всего, следует определиться какие источники относят к массовым. Это различного рода статистические материалы и обследования, делопроизводственная документация центральных и местных учреждений, документы личного учета и многие другие.

Изучение источников такого рода с помощью описательного метода затруднено. Это связано с невозможностью обобщить всю имеющуюся в них информацию (в основном привлекаются отрывочные данные из них в качестве иллюстрации). Очень трудно выявить абсолютную меру изучаемого явления (например, нельзя определить численность и удельный вес слоев крестьянского населения), измерить силу воздействия одних факторов на другие (можно показать большую степень доходности крупного хозяйства, но нельзя выделить степень этой зависимости).

Рассмотрим в общих чертах три наиболее распространенных метода количественного анализа.

- *Счет* — это простейший метод измерения простых и сложных атрибутивных (качественных) признаков. Он позволяет определить численность объектов с определенным свойством в совокупности однотипных объектов. При изучении массовых источников без такого измерения невозможно обойтись, т.к. только оно может дать не отдельные примеры, а систему количественных показателей о свойствах явлений и процессов, изучаемых на основе этих источников[3].

---

[1] *Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И.* Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М.,1987. С.4.

[1] Признаки бывают количественными и качественными (атрибутивными). Количественные показывают меру определенных свойств (возраст человека). Атрибутивные признаки делятся на сложные и простые. Простые атрибутивные признаки дают представление об однозначных

- *Экспертная оценка* — определение **интенсивности** свойств, присущих объектам и явлениям, то есть их качественной градации. Например, крестьянские выступления XIX - начала XX веков можно разделить на несколько групп (от очень слабых до очень сильных) и присвоить им числовое значение в виде баллов.
- *Контент-анализ,* суть которого заключается в возможности выделить определенную сумму качественных признаков (индикаторов), характеризующих свойства объектов и явлений. Затем производится счет этих объектов и их сочетаний. При необходимости (при обработке на ПК) эти признаки могут кодироваться. Широкое распространение контент-анализ получил в исследованиях двух типов: 1) при сопоставлении текстов одного автора в разные периоды его жизни или произведений разных авторов; 2) при изучении массовых источников.

Описанные выше методы количественного анализа освоены историками еще в 60-70-е годы. «Микрокомпьютерная революция» 80-х дала новый толчок развитию методов математической статистики и количественного анализа и привела к созданию новых отраслей знания — исторической информатики (ИИ) и ее составной части — компьютерного источниковедения (КИ). Естественно, эти дисциплины породили новые задачи и проблемы, важнейшей среди которых является проблема баз и банков данных (БД).

Обрабатывая источники в виде компьютерной модели (обычно берутся массовые материалы), исследователь преследует изучение как традиционных источниковедческих проблем, так и задач, возникших под влиянием теории информации. Среди последних выделяется способность БД позволить историку извлечь скрытую информацию из источника.

В рамках современной исторической информатики развиваются два подхода к построению БД, а, следовательно, и к форме извлечения информации из источника, — *проблемно-ориентированный* и *источнико-ориентированный*. Проблемно-ориентированное программное обеспечение (как, например, программа Qualidate) стремится решить поставленную исследователем конкретно-историческую задачу. Источнико-ориентированная система (например, самая популярная KLEIO, автором которой является д-р Таллер) предоставляет возможности наиболее адекватно перевести источники в машиночитаемую форму.

Создание архивов исторической информации, реализуемых на ПК с помощью специальных программ обеспечения (KLEIO, SOCRATES, WINCENC, Fuzzy-

---

свойствах (пол, национальность, семейное положение),о многоаспектных свойствах (стоимость как внутреннее свойство товара). *См.:* Количественные методы в исторических исследованиях. М.,1984. С.38.

Class, Просис, ТАСТ) значительно повышает «информативную отдачу» массовых источников. Действительно, данные, полученные из массовых источников, хранящиеся в архиве МЧД, позволяют на теоретическом уровне их использовать многократно, а обработка сведений оказывается более оперативной и разносторонней.

Основной проблемой построения полноценной БД является моделирование данных и перевод информации в машиночитаемую форму. Этот процесс во многом зависит от особенностей различных групп материалов.

Так, важным свойством статистических источников является массовый характер первичных сведений, а основная ценность заключается в получении статистических выводов.

Структурированные источники — наиболее популярные. На их материале к настоящему времени создано большинство БД. К ним относятся переписи, книги гражданской или церковной регистрации рождения, крещения, брака и смерти, личные дела и карточки, анкеты, справочники, т.е. непосредственно массовые источники. Формуляр источников — это почти готовая БД. Но даже источники с четкой структурой нуждаются в стандартизации из-за пропусков и искажения данных и т.д. В результате БД представляет собой многотабличные конструкции с закодированными признаками объектов.

Текстовые источники отражают структуру самого языка. Степень их формализации невысока, хотя текст естественным образом разбит на слова. Создаваемая модель источника преследует две задачи — просто хранение текста и его интерпретацию с помощью специальных кодов.

Этап обработки ресурсов БД невозможен без применения методов математической статистики. Все методы математической статистики можно отнести к двум основным ее разделам: теории статистического оценивания параметров (определение величины ошибки выборочной оценки) и теории проверки статистических гипотез (выявление возможности противоречия гипотезы имеющимся статистическим данным). Кроме того, историки-клиометристы успешно применяют методы описательной статистики, статистического анализа взаимосвязей (как количественных, так и качественных признаков), а также кластерный и факторный анализы.

Таким образом, можно обозначить этапы, которые проходит ученый-клиометрист при анализе массовых источников:

I *Историографический*: изучение предмета исследования и работ ученых-предшественников.

II *Методический,* который можно разделить на несколько подэтапов:

- освоение всего многообразия традиционных методик (описательный подход);

- усваивание методов количественного анализа;

- изучение и применение методов математической статистики.

III *Технологический:* адекватное использование возможностей ПК. Два варианта:

1) компьютер как «печатная машинка» (создание электронной копии изучаемых источников);

2) компьютер как аналитический инструмент для решения исследовательских задач. В этом случае построение чувствительной, гибкой. адекватной источнику БД и применение к ней специального программного обеспечения является органичной частью исследования.

IV *Аналитический:* интерпретация и анализ результатов исследования, подтверждение или опровержение результатов гипотез.

Очевидно, клиометристу гораздо труднее, чем традиционалисту, достичь такого уровня квалификации, чтобы его работа не замкнулась на частных задачах — «мелкотемье» или чисто технических аспектах изучения той или иной проблемы.

Необходимо остановиться на серьезных проблемах, которые возникли в ИИ и клиометрии. Они бывают двух видов: затруднения общего характера и практические издержки.

К числу первых относится отсутствие крупных историографических достижений. Это порождает почти полное игнорирование ИИ и клиометрии представителями традиционной исторической науки. Обнаруживаются перекосы и в сфере научных интересов: половина работ специалистов по ИИ и клиометристов посвящена XIX и XX векам (т.е. времени господства массовых источников), объектами исследования являются в основном страны Западной Европы.

К проблемам практической сферы следует отнести:

- слабое внимание клиометристов к предварительной критике массовых источников, что связано с повышенной тягой к решению чисто технических задач;
- невозможность в реальной жизни вторично использовать БД, сделать ссылку на электронную версию источника;
- скудность машиночитаемых источников, которые достаточно сильно уступают реальным;

В заключении, однако, отметим, что постоянное совершенствование методов количественного и математико-статистического анализа, а также, особенно, приемов применения возможностей компьютера в исторической науке может вывести их на

уровень изучения не только массовых, но и всего множества источников. Поэтому методики ИИ и клиометрии дают возможность не только дополнять, корректировать или изменять «традиционные» представления, но и предоставляют средства для серьезного обновления исторической науки в целом.

**А.В. Фененко.** У Вас в докладе прозвучало деление на сильные и слабые источники. Поясните, пожалуйста.

**И.В. Иноземцев.** Этот показатель зависит от степени формализации источников. То есть степень анализа источников количественными методами одних выше, других ниже. Некоторые виды материалов проще структурировать и анализировать. Текстовые исследовать сложнее.

**М.Д. Долбилов.** Какие источники сейчас наиболее перспективны для описанных вами методов?

**И.В. Иноземцев.** На мой взгляд, наиболее перспективны структурированные источники. А спектр и количество источников будет расширяться.

**А.Н. Злобин (5 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Количественные методы определения авторства.***

Долгое время в отечественной историографии атрибутация текстов осуществлялась путем фиксации «субъективно-осознанных» элементов авторского стиля: любимых слов, терминов, фразеологических оборотов, индивидуальных конструкций предложений и текстов. Большое внимание уделялось также содержащейся в тексте информации о политических, идейных религиозных взглядах автора; сведениям о его биографии.

Однако такая атрибутация, основанная на субъективно осознанных автором особенностях не всегда и не везде применима. Ведь индивидуальные обороты и лексика одного и того же лица могут резко изменяться в зависимости от жанра и тематики произведения[1]. К тому же автор может быть компилятором или просто подражать кому-либо. Пренебрежение данными обстоятельствами может привести к неправильному определению авторства, а это в свою очередь влечет за собой более серьезные погрешности, вплоть до искажения картины развития того или иного явления[2].

---

[1] *Романкова Н. В.*Формальные признаки авторского стиля Климента Охридского «Житие Константина – Кирилла» // Советское славяноведение .1986. №2. С .89; *Балашова Е.Н.* Епифаний Премудрый и Пахомий Серб.// Математическме методы и ЭВМ в исторических исследованиях . М.,1985. С. 203.

[2] От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М.,1994. С.6.

Начиная с 1970х годов на кафедре источниковедения МГУ под руководством профессора Л.В. Милова разрабатывается методика атрибутации текстов, основанная на поиске объективных (подсознательных) особенностей языка какого-либо автора, независимых от тематики и жанра произведений и имеющих сугубо личностные характеристики. Как отмечает Л.В. Милов: "Подобные субъективно неосознанные компоненты текста скорее всего могут содержаться в его глубинах и быть обнаруженными в качестве структурных составляющих речевого потока".[1]

Методы анализа частот встречаемости грамматических классов слов и статистические методы изучения лексики авторских текстов, основанные на подсчете и сравнении таких параметров, как число сложносочиненных предложений, число подлежащих, существительных, наречий и т.д., которые успешно применялись при атрибутации текстов XIX-XX веков (в том числе шолоховского «Тихого Дона») были отвергнуты, так как при исследовании средневековых текстов не дали ожидаемых результатов[2].

В процессе поиска наиболее оптимальных методов атрибутации средневековых текстов важным моментом явилась точка зрения Б.В. Сухотина о несущественности факта последовательности слов в «естественных языках», т.е. слова, не расположенные рядом, могут быть гораздо ближе друг к другу, чем слова соседи[3]. Это предположение Сухотина о необычайной гибкости синтаксических связей в предложении было развито в тезис «о возможности существования подсознательной индивидуальной манеры реализации синтаксических связей в речевом потоке, проявляемой по своему практически каждым автором»[1], т.е. для произведений одного и того же автора, различных по времени написания и по жанру, характерно применение определенных грамматических сочетаний слов, отличающих его от других авторов.

Изучение такого рода грамматических сочетаний слов и является основой метода, предложенного Миловым и его коллегами. Для изучения синтаксических связей в предложении ими вводится понятие "грамматические классы слов". Под ними понимаются, например: глагол настоящего времени 3 лица, глагол в имперфекте 2 лица, существительное дательного падежа множественного числа, прилагательное превосходной степени, притяжательное местоимение творительного падежа и т.д.,

---

[1] Там же С.7.

[2] Примером такого рода исследований может служить монография: *Марусенко М. А*. Атрибутация анонимных и псевдоанонимных литературных произведений методами теории распознания образов. Л.,1990; и исследование: *Хьетсо Г., Гуетавссон С., Бекман Б., Гил С.* Кто написал «Тихий Дон». М., 1989.

[3] *Сухотин Б. В*. Исследование грамматики числовыми методами. М.,1990.

т.е. все части речи во всевозможных формах падежах, родах, числах, наклонениях. Всего было выработано 150 грамматических классов слов. каждый из которых получил числовой код (от 1 до 150 соответственно).

Система кодов применялась в двух вариантах: Первая система кодирования – все 150 кодов (Иванова - 154)[2] и Вторая система кодирования – 135 кодов, без учета союзов, предлогов и частиц. В формализованном таким образом тексте выявлялись парные встречаемости, т.е. соседства тех или иных грамматических классов. Затем в рамках простого предложения (для древнерусских текстов – это наиболее рациональная трансформация речевого потока) на основе связи «слева на право» (в направлении развертывания текста) создавалась общая статистика частоты встречаемостей грамматических классов слов.

Затем тексты кодировались и в виде систем кодов представлялись для построения матриц частот парных встречаемостей на ЭВМ. На основании этих матриц строились графы парных встречаемостей. Граф состоит из вершин и дуг, где вершина – грамматический класс, а дуга сильная связь – «ребро» графа ориентированное стрелкой в направлении связи по тексту «слева на право». Вершины с числом дуг не менее трех именуются узлами.

Экспериментальным путем был установлен порог частоты парных встречаемостей – не менее четырех (т.е. два грамматических класса должны соседствовать друг с другом не менее четырех раз в исследуемом тексте; если менее четырех раз, то связь слабая и при построении графа не учитывается). Порог может увеличиваться – чем выше порог, тем устойчивее связь. Минимально допустимый объем исследуемого текста может быть не менее 1000 знаменательных слов (что также установлено экспериментально).

Здесь необходимо отметить следующую особенность: чем выше задаваемый порог парных встречаемостей грамматических классов слов, тем меньше число вершин и дуг в графе.

При анализе графов групп текстов, принадлежащих к какому-либо одному жанру выделяются связи (парные встречаемости), характерные для большинства произведений этого жанра – так называемое «ядро жанра». Подобные общие связи могут «загораживать» собой отличительные особенности графов. Поэтому при построении графов они удаляются.

---

[1] От Нестора до Фонвизина… С.14.

[2] *Иванова Т.В*. Возможности атрибутации текстов второй половины XVIII века на основе количественных методов // Источниковедение массовых источников. М.,1988. С.75.

Чем разнообразнее стиль автора, тем беднее по количеству связей будет граф. Ведь при отсутствии монотонной повторяемости речевых конструкций подавляющее большинство парных встречаемостей не превысит частоту (порог) равный 1-3. И наоборот, чем «беднее» язык автора, тем «богаче» и сложнее граф парных встречаемостей (при бедном языке одни и те же речевые конструкции повторяются по много раз.

Такая диспозиция (насыщенные графы – однообразный стиль; упрощенные графы – утонченный стиль) ведет к применению двух методов кодирования грамматических классов слов.

Первая система фиксирует все элементы речевого потока включая служебные слова (предлоги, союзы, частицы). Она названа Л.В. Миловым «Особенное в общем», так как в ней ярче проявляются глубинные структуры общеязыкового плана в том числе. «ядро жанра» и на этом фоне индивидуальные особенности выглядят как частности.

Вторая система кодирования фиксирует лишь знаменательные части речи. Она направлена на выявление индивидуальных особенностей авторского стиля и в меньшей степени отражает общеязыковые черты. Вторая система кодирования названа Миловым: «Особенное в особенном».

С годами установилась практика одновременного применения к исследуемому тексту обоих методов. И только на основе оценки результатов исследования становится очевидным, какой же из них оказался более результативным[1]. При оценке степени общности изучаемых текстов используется такой показатель, как коэффициент общности (К). Величина этого коэффициента равна отношению числа связей общих для графов, к числу различных связей графов. Принадлежность текста к одному автору считается обоснованной при значении К = 0,20 (0,25). Соответственно между текстами различных авторов величина К уменьшается[2].

Положительной чертой данного метода является то, что, выявляя подсознательные особенности авторского стиля, он действительно способствует объективной атрибутации многих произведений. Так, исследования Милова позволили прекратить более чем вековой спор об авторе «Повести временных лет». Построенные графы парной встречаемости убедительно доказывают, что автором был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Работа исследователя усилила аргументацию в пользу Нестора как автора Введения к ПВЛ[3].

---

[1] От Нестора до Фонвизина… С. 5-39.
[2] *Иванова Т.В.* Указ. Соч. С.75.
[3] От Нестора до Фонвизина С. 40-60.

Исследования Л.В. Милова, И.В. Полянской и Н.В. Романкова окончательно, как думается, доказали принадлежность «Слова о полку Игореве» древнерусской литературе (глубинная структура языка «Слова» соответствует XII веку — никакая подделка на такое не способна)[1].

Работа Е.В. Неберекутиной над атрибутацией Степенной книги опровергла точку зрения некоторых исследователей, считавших, что ее автором являлся митрополит Афанасий. Итогом работы стало выявление Василия Варлаама как одного из бесспорных авторов данного памятника[2].

Однако, данный метод имеет на мой взгляд и ряд недостатков. Один из них — недостаточная согласованность с традиционными методами атрибутации. Примером может служить исследование Г.И. Саркисовой и В.Л. Лейбошицаса по атрибутации повестей Смутного времени, «Словеса дней и царей», «Повести книги сея от прежних лет», «Повести известно сказуемой на память великомученика благоверного царевича Дмитрия» и «Повести о неком Мнисе». Не совсем ясен смысл этих исследований, ведь и без них убедительно доказано, что автором первого произведения является И.А. Хворостинин, второго — И.М. Катырев-Ростовский, а третьего и четвертого — И.С. Шаховской[3].

Г.И. Саркисовой была проведена большая работа по атрибутации произведений Ивана Грозного, Андрея Курбского и Ивана Пересветова. Автор пришла к выводу, что авторами этих произведений являлись соответственно Иван Грозный, Андрей Курбский и Иван Пересветов.

Конечно, нельзя сказать, что данное исследование абсолютно бесполезно. Так, была вскрыта глубинная структура авторских стилей – установлена слабая степень целостности и единства стилей Ивана IV и Андрея Курбского, а также сильная близость формальных характеристик произведений этих авторов. Вскрыв данные особенности количественные методы оказались бессильными ответить на вопрос о причинах их возникновения. Здесь авторам пришлось вернуться к методам традиционной науки. Так слабое стилистическое единство произведений Грозного и Курбского было объяснено использованием авторами канцелярских заготовок, а высокий коэффициент общности между этими произведениями – работой последующих переписчиков. Подобные выводы были сделаны и в отношении сочинений Смутного времени.

---

[1]Там же. С. 104-126.
[2] Там же. С. 126-225.
[3] Там же. С. 282-290.

Сомнение вызывает также повышение порога частоты парных встречаемостей там, где на более низких порогах не удается получить искомого результата, т.к. при увеличении порога уменьшается количество исследуемых связей. Из поля зрения исследователя таким образом могут выпасть важные значимые парные встречаемости, что приведет к уменьшению объективности исследования. Характерно, что минимальный порог частоты парных встречаемостей существует, а максимальный отсутствует. Завышение порога применяется в тех текстах, где большое количество поздних не авторских речевых наслоений (Повести Смутного времени), что, в свою очередь, противоречит утверждению Милова, что «данная методика рассчитана на чисто авторские речевые потоки».

Богатство авторского стиля ставит непреодолимые препятствия на пути ученых. Исследуются только сильные связи, а у талантливого писателя количество стилевых вариаций может быть настолько велико, что данная методика не определит индивидуальных характеристик, поскольку последние будут размыты.

Хотелось бы отметить также, что при атрибутации произведений, заведомо принадлежащих к одному автору, необязательно строить графы парных встречаемостей и подсчитывать коэффициент общности. Достаточно прибегнуть к традиционному методу фиксации «субъективно-осознанных элементов» авторского стиля (например, сочинения Ивана Пересветова).

Таким образом, метод парных встречаемостей грамматических классов слов, при всех его безусловных достоинствах не везде применим и не всегда необходим. Его лучше всего использовать при анализе тех произведений автора, которые нельзя атрибутировать традиционным методом, или, в крайнем случае, для проверки результатов, полученных традиционным способом.

Эффективен метод также в определении принадлежности текста той или иной эпохе и может использоваться при необходимости определить стилистическую структуру текста, первичность/вторичность редакции, процесс появления изводов. При этом порог парных встречаемостей должен быть не очень высоким, чтобы не страдала объективность атрибутации.

**М.В. Кирчанов.** Вы упоминали произведения Курбского и Грозного. Но известный американский исследователь Эдвард Киннан написал монографию, на страницах которой активно оспаривал принадлежность переписки Курбского и Грозного перу этих авторов ?

**А.Н. Злобин.** Доказать аутентичность переписки Курбского и Грозного можно и традиционными способами, для этого не нужны какие-то особые методики.

**Д.В. Акимов (асп. ВГУ).** На основании чего в эти классы были выделены перечисленные части речи?

**А.Н. Злобин.** Были привлечены все возможные формы, которые могут находиться в русском языке. Их выделено 150.

**И.В. Иноземцев.** Существуют ли другие количественные методы определения подлинности автора?

**А.Н. Злобин.** Конечно, существуют. В качестве примера могу привести методику В.П. и Т.Г. Фоменко (родители одиозно известного академика А.Т. Фоменко). Авторы в качестве основного критерия атрибутации предлагают выделение авторского инварианта, под которым они понимают параметр, не контролируемый автором на сознательном уровне и имеющий в его произведениях постоянное значение. При этом инвариант должен быть общим параметром для всех групп нарративных текстов большого по объему периода (т.е. быть наиболее стабильным внутри произведений всех авторов). Так экспериментальным путем для текстов XVIII-XX вв. был установлен инвариант – частота употребления служебных слов: предлогов, союзов, частиц. Данный параметр имеет наименьшее отклонение в текстах русских писателей.

**И.В. Иноземцев.** Можно ли считать метод парной встречаемости подвидом контент-анализа?

**А.Н. Злобин.** Можно.

**М.Н. Шмойлов (2 курс ист. ф-та ВГПУ)** Вы сказали, что «Слово о полку Игореве» относится к XII в. и невозможность его подделки в XVIII в. доказана. А можно ли, используя описанный вами метод, написать подделку XII в.?

**А.Н. Злобин.** Если использовать современные компьютерные программы, то я допускаю такую возможность.

**А.А. Гнеушев (2 курс ист. ф-та ВГУ).** Насколько мне известно,. наиболее успешно данная методика применяется к наследию Н.М. Карамзина. Существуют ряд работ, которые выделяют ряд применяемых им форм, слов и т.д., которые позволяют наиболее четко определять авторство. На мой взгляд, именно к XVIII-XIX вв. данный метод применим в большей степени, чем к средневековью, потому что в новое время формы повествования становятся более авторскими, а в более раннее время они шаблонны. Средневековый этикет просто обязывал автора следовать общепринятым образцам, поэтому часто персональную составляющую создателя нарратива выделить трудно.

**Д.В. Акимов (асп. ВГУ)** ***Археологический источник: теория, происхождение, проблемы.***

В структуре исторического познания исторический источник является исходным и важнейшим звеном, ибо именно посредством его отражается объективная реальность. В археологии термин: «археологические источники» принадлежит к числу фундаментальных понятий[1]. К этому можно добавить, что оно также оказывается одним из наиболее сложных. Такая ситуация объясняется тем, что археологические источники стоят особняком в корпусе исторических источников, имеют свою собственную сущность и специфику.

Археология – это область исторической науки, занимающаяся изучением прошлого человеческого общества по вещественным ископаемым остаткам с помощью присущих ей методов. Как известно, за археологией «закреплен» целый пласт исторических эпох и культур, не оставивших памятников письменности. Любые проявления деятельности древних коллективов являются объективным фактом исторической действительности, то есть существуют независимо от нашего познания. Вероятно, большинство произошедших уже в истории фактов для нас утрачено навсегда, и лишь их незначительная часть в виде ископаемых следов дошла до наших дней. Однако и они ущербны и неполны по сравнению с их первоначальным состоянием. Но именно эти остатки живой действительности становятся объектом исследования и в археологии.

Переход от живой действительности к археологической сложен и многоэтапен[2]. Первый этап представляет собой собственно сам исторический факт, результатом которого становятся совершение определенных действий и выпадение части материальных предметов. По прошествии времени факты действительности становятся остатками, следами деятельности древнего сообщества.

После этого наступает следующий этап – трансформация объекта социальной деятельности в объект природы и его консервация в ней. Дальнейшее его существование – это объективный процесс, связанный с изменением его первоначальных качеств под воздействием сил природы. В этих условиях большая часть первоначальных качеств объекта либо исчезают бесследно, либо преображаются в некую новую реальность.

Последним этапом археологизации исторической действительности являются раскопки, в результате которых преобразованные природой исторические факты

---

[1] *Клейн Л.С.* Археологические источники. СПб, 1995. С.16.

[2] *Генинг В.Ф.* Структура археологического познания. Киев, 1989. С. 59-60; *Клейн Л.С.* Археологические источники. табл. III.

превращаются в археологические. Этот процесс также не однозначен, ибо напрямую зависит как от уровня развития методов и материально-технической базы исследования, так и от профессиональных качеств исследователя. Таким образом, мы получаем археологические факты – ту археологическую реальность, которая включает преобразованные объекты прошлой исторической действительности, опосредованные научной деятельностью археолога.

Является ли археологический факт уже фактом научным? Исходя из определения научного факта как суждения об объективной реальности, включенного в систему научного знания, археологический факт сам по себе не является законченно научным. Специфика археологии такова, что непосредственно сам памятник неизбежно разрушается в ходе исследования. Поэтому в данном случае археологический факт в виде научного описания сам становится объектом наблюдения. И уже из совокупности наблюдений, как правило, над некоторым множеством археологических материалов рождается научный факт археологического познания. То есть описание объекта по отношению к самому объекту является его отражением, а по отношению к другим исследованиям само выступает в качестве источника.

Насколько же объективно отражает археологический факт историческую действительность? Здесь отмечается определенная двойственность. Так, В.Ф. Генинг утверждает, что хотя «археологический факт – это остатки … деятельности прошлых обществ, т.е. объективной реальности, но в то же время это уже в известной мере «произведение рук исследователя», поэтому объективность данных фактов частично утрачена»[1].

Трудно поспорить с этой мыслью, высказанной крупным ученым-археологом. Однако нельзя не отметить и его излишний скептицизм. Археолог-профессионал не творец археологических фактов, а их добытчик, «интерпретатор», и притом, что субъективность их отражения неизбежна, все же эти факты значительно более объективны, нежели субъективны.

По мнению М.А. Барга, в «письменной истории» образование источника проходит следующие фазы: исторический факт – его отражение древним автором текста – прочтение текста ученым-историком. Археологизация имеет следующую схему: исторический факт – его преобразованный след – археологический факт. Как отметил Е.М. Колпаков, при формировании текста сначала происходит отражение действительности в сознании автора, а затем автор текста кодирует это отражение при помощи специальной знаковой системы. Вещи же непосредственно отражают действительность. Таким образом, в текстах информация *кодируется*, а в вещах она

*отражается*[2]. Поскольку преобразование остатков исторической действительности на второй фазе – процесс объективный, то правомерно утверждать, что личностный фактор в археологическом исследовании вступает в силу позже, нежели в ходе исследования по письменным источникам.

Следует заметить, что отнюдь не все виды археологических источников утрачиваются в ходе полевых исследований. Наоборот, таким образом происходит их выявление. Вообще археологические источники разделяют на два вида: предметы и остатки сооружений. Предметы относят к мобильным видам археологических источников. Они способны перемещаться в пространстве и времени, а в настоящее время могут быть многократно описаны и изучены. По мере развития методологии науки из них можно неоднократно извлекать все новую и новую информацию.

Остатки древних сооружений всегда имеют пространственную привязку к конкретной местности и чаще всего разрушаются в процессе раскопок. Этот вид остатков обычно называют монументальными памятниками. Особый класс источников в археологии составляют результаты эмпирических наблюдений (стратиграфия, взаимное расположение предметов), осуществляемых исследователем в процессе изучения археологических памятников[3]. Данный вид источников существует не сам по себе, а всегда соотносится с определенными предметами или сооружениями и становится их свойством.

В 70-е гг. в среде археологов возникла дискуссия о том, считать ли археологию наукой источниковедческой или исторической[4]. Одни исследователи (Г.П. Григорьев, В.А. Булкин, Г.С. Лебедев, Л.С. Клейн) считают археологию наукой сугубо источниковедческой. Ее предметом они видят археологический источник, а целью – извлечение из него информации о прошлом. Исторические же обобщения, по их мнению, на основе археологических источников и с помощью археологических методов сделать нельзя.

Другие ученые (В.Ф. Генинг, Ю.Н. Захарук, М.В. Аникович) утверждают, что на основе археологических источников историческая реконструкция возможна, хотя

---

[1] *Генинг В.Ф.* Указ. соч. С.61.

[2] *Колпаков Е.М.* Проблема специфичности понятия «археологические источники» // Категории исторических наук. Л., 1988. С.104.

[3] *Генинг В.Ф.* Указ. соч. С.61.

[4] Подробнее см.: *Клейн Л.С.* Археологические источники; *Григорьев Г.П.* О предмете археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С.25; *Захарук Ю.Н.* Об одной концепции археологического источниковедения // Советская археология. 1983. № 3. С.72-81; *его же* Археология: наука историческая или источниковедческая? // Советская археология. 1989. № 3. С.207-214.

без привлечения дополнительных данных смежных дисциплин она получится односторонней.

На мой взгляд, истина лежит посередине. Действительно, возможности археологии в познании прошлого ограничены. Чаще всего, по археологическим данным возможно судить лишь о наиболее общих социальных и этнокультурных процессах. Между тем, каждая из исторических и смежных им дисциплин обладает своим кругом источников. Если целью этих наук ставить только изучение последних, то основной предмет истории останется за их пределами.

Смысла же в создании какой-то одной специальной синтезирующей «сверхнауки» истории, как предлагал Л.С. Клейн, по-моему, нет. Просто на определенном профессиональном уровне ученый, будь то историк или археолог, должен выходить на соответствующий ранг исследования, обобщения. Ведь любая реконструкция без привлечения всей имеющейся на ее счет информации, без преодоления противоречивости источников всех видов обречена на односторонность и недостоверность. Конечной же целью изысканий как историка, так и археолога должен быть все-таки выход на максимально полную реконструкцию исторических процессов. И в этом археологические источники могут органично дополнять письменные, лингвистические, этнографические и иные данные.

**А.В. Фененко.** Можно ли по археологическим источникам восстановить событийную историю? Или это только история материальной культуры?

**Д.В. Акимов.** В общем-то, возможности археологии в восстановлении конкретной истории достаточно ограничены. Видимо, достоверно ее установить нельзя. Однако предметом изучения археологии на основе специфического анализа могут стать этнокультурные процессы, экономические процессы и т.д., которые также являются историческими.

**М.Д. Долбилов** Но ведь без событий нет и истории, а без письменных источников их реконструкция невозможна.

**Д.В. Акимов.** Я бы не стал утверждать так категорически. Например, раскапывая памятники, мы может находить следы событий — битв, нашествий и т.д.

**Ю.В. Селезнев**. Однако эта реконструкция в высшей степени несовершенна — как пример можно привести Золотую Орду. Архивов Орды и вообще монгольских письменных источников не сохранилось. И, несмотря на значительный собранный археологический материал, мы не в состоянии восстановить ее внутреннюю историю.

**И.В. Иноземцев.** Как в археологии решается проблема вторичного использования источника? Ведь памятник-то при раскопках уничтожается. Откуда мы можем быть уверены, что производивший раскопки исследователь сделал все, как надо?

**Д.В. Акимов.** Вы наступили на любимую мозоль археологов. Адекватного ответа на этот вопрос нет, есть только один выход — надежда на добросовестность описания, отчета. Хотя есть фотографии, иллюстративный материал и т.д., с помощью которых можно обратиться к использованию собранных материалов еще не раз.

**М.А. Борисова (4 курс ист. ф-та ВГУ).** Я хочу возразить против того, что археологический источник якобы может быть изучен всего один раз, в процессе раскопок. Ведь письменный памятник мы можем интерпретировать много раз, что же мешает то же самое делать с найденными вещами ?

**Ю.А. Дубровский (5 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Принадлежат ли археологические источники исторической науке?***

Представление об «археологическом источнике» принадлежит к числу фундаментальных понятий археологии. Однако, как это не покажется странным, теоретико-методологическому обоснованию основных археологических понятий не уделялось должного внимания. Неразработанность вопроса о природе и значении археологических источников (в дальнейшем — АИ) обусловило его дискуссионность. Долгое время считалось, что АИ являются одной из разновидностей исторических источников (в дальнейшем — ИИ). Такова была традиционная точка зрения советской археологической науки. Покоилась она на убеждении, что археология является исторической наукой, а ее источники объективно отражают реалии прошлого. Развитие научной мысли поставило под сомнение оба этих положения.

Дело в том, что изучение исторического процесса в археологии проходит три ступени: *факт – материальный след – интерпретация факта через его след археологом*. Как видим, личностный фактор присутствует только на заключительном этапе, в то время как письменный источник «грешит» субъективностью на всех стадиях, которые он проходит в своем развитии: *факт – очевидец – информатор – древний автор – переписчик – современный историк*. Поэтому до недавнего времени преобладало мнение, что АИ более объективны, чем письменные источники.

Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что АИ слишком уж односторонни и фрагментированы, и не могут адекватно отражать историческое прошлое. В США, например, разочарование в АИ привело к тому, что историческая наука порвала с археологией, а последняя вошла в состав антропологии. АИ пере-

стали считаться историческими, соответственно, история лишилась помощи археологии. Схожая позиция, отрицающая значение АИ как ИИ, была обоснована в советской науке Г.П. Григорьевым: «… ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические. В них исторической информации не содержится. Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка. Другое дело, что историк, взяв из рук археолога исторические выводы, может их использовать как исторический источник, но это ни в какой мере не означает, что наши источники – исторические»[1]. Такая трактовка АИ представляется очень уязвимой, так как непонятно, откуда археолог берет историческую информацию, если в АИ ее нет. Видимо, поэтому позиция Г.П. Григорьева не получила широкого признания.

Более «конкурентоспособной» по отношению к традиционной концепции оказалась точка зрения Л.С. Клейна, занявшего «среднюю» позицию между двумя крайностями. Согласно его суждениям, «археологические источники – и не безоговорочно исторические, и не только исторические»[2].

Уже сама формулировка проблемы противопоставляет термины «археологический источник» и «исторический источник». Правильно ли это? В традиционной советской археологии указанные понятия, как уже было сказано, считались родственными. Клейн, давая определение этим источникам, лишает их какой-либо связи. Если исторический источник у Клейна – это объект, существующий к моменту исследовательского восприятия (доступный исследователю) и содержащий для этого восприятия информацию о фактах прошлого, имеющих познавательно-историческое значение[3], то археологический источник для него – это древний вещественный источник, вещь (или комплекс вещей), относительно которой информация о ее (его) функциях, связях, близко родственных вещах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению (для восстановления требуется особая система методических средств)[4].

Близким к понятию «исторический источник» автор видит термин «исторический письменный источник» – первичные надежные изложения важных для истории сведений знающими людьми или участниками событий и авторами идей (летописи, хроники, анналы, документы и т.п.), а так же поздние переложения при условии, что

---

[1] *Григорьев Г. П.* О предмете археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 41.
[2] *Клейн Л. С.* Археологические источники. С. 53.
[3] Там же. С. 254.
[4] Там же. С.257.

более ранние переложения и оригиналы утрачены. То, что Л. С. Клейн отдает предпочтение письменным источникам, неслучайно. По его мнению «археологические источники не стоят вровень с письменными в исследовательском процессе… Они не в праве претендовать на статус исторических»[1]. В приведенном отрывке, а так же в ряде других прямо или косвенно говориться, что историческими могут быть лишь письменные источники. Вроде бы позиция автора в этом вопросе ясна: АИ не являются письменными, следовательно, не являются ИИ.

Однако не будем спешить с выводами. Открыв монографию Клейна на странице 279, мы узнаем, что ИИ делятся на 3 группы:

1. Речевые или словесные (письменные и устные).
2. Поведенческие (обряды, обычаи).
3. Вещественные (к которым принадлежат и АИ)

Выходит, что все-таки АИ являются историческими! Для чего же требовалось так запутывать читателя? Видимо для того, чтобы оправдать неопределенность своей позиции: археологические источники не всегда исторические, но и не только исторические. Попытка Клейна вырваться из круга традиционного понимания АИ как ИИ не увенчалась успехом.

Казалось бы, ответ очевиден: АИ суть ИИ, те в свою очередь находятся в ведении истории, следовательно, АИ принадлежат исторической науке. Однако в действительности все оказывается гораздо сложнее. Дело в том, что историку-неархеологу трудно извлечь из АИ историческую информацию в силу их специфичности. Информация о прошлом закодирована здесь по-иному, нежели в письменных свидетельствах. Классификация источников по способу кодирования уже была приведена выше. Из нее видно, что одним из специфических признаков АИ является их вещественность, материальность (по Клейну — разрыв между «миром вещей» и «миром идей»). Он отделяет АИ от нарративных памятников. Второй признак – древность источников (разрыв во времени) — проводит границу между АИ с одной стороны и этнографическим материалом с другой.

Ю.Н. Захарук советует включить сюда еще и третий признак — погребенность или ископаемость. Во-первых, подавляющее большинство АИ находится под землей или под водой. Во-вторых, признак вещественности не может по определению включить в себя такие важные АИ, как, например, ориентировка погребений и жилищ, взаиморасположение вещей, столбовые ямки, стратиграфическое описание,

[1] Там же. С. 144-145, 257.

стратиграфия памятников и т.п. Деление АИ на вещественные (или «останки») и невещественные («следы») составляет их важную классификацию по степени материальности. Наконец, в-третьих, ископаемость способствует объяснению таких свойств АИ как фрагментарность, выборность, неполная диагностичность (т.е. определяемость предназначения вещи)[1]. Таким образом, неархеологу невозможно иметь дело с древними ископаемыми вещественными источниками. При соответствующем подходе к вопросу о принадлежности АИ к исторической науке напрашивается уже не положительный, а отрицательный ответ.

Из перечисленных специфичных признаков АИ наибольшую проблематичность для неспециалиста составляет их вещественность. По мнению Л.С. Клейна, разрыв между «миром вещей» и «миром идей» — это разрыв между АИ и сферой научного мышления. Необходим «перевод» с «языка вещей» на обычный. В связи с этим Клейн пытается поставить еще одну проблему: что считать АИ – ископаемые материалы или результаты их первичной обработки – описание, отчеты, более склоняясь в пользу последних[2].

Однако и эта претензия на оригинальность терпит у Клейна полный крах, во многом опять «благодаря» противоречивой манере изложения. Соображения автора в пользу того, что не сами древности, а их научные описания являются АИ, базируется на том, что именно описания функционируют в «мире идей». В свою очередь, материальным древностям отводится роль всего лишь предысточника, которому так же далеко до настоящего источника, как хлебу, растущему на полях, далеко до хлеба, лежащего у нас на столе (сравнение Клейна). Однако в целом под АИ автор продолжает считать ископаемые находки (см. признаки АИ). Таким образом, и здесь Клейну не удалось выйти за рамки традиционного понимания АИ.

На одном лишь основании, что АИ недоступны неспециалисту, делать вывод об их принадлежности (вернее, не принадлежности) к исторической науке преждевременно. Археологическими источниками ведает археология, поэтому в конечном итоге вопрос о статусе АИ – это вопрос о статусе самой археологии в системе исторических наук. Дискуссия по этой проблеме обнаружила две крайних позиции. Первая, господствовавшая в советской науке, утверждала принадлежность археологии к историческим наукам (т.н. «социологическое направление»: М.В. Аникович, В.Ф.

---

[1] *Захарук Ю.Н.* Об одной концепции археологического источниковедения // Советская археология. 1983. № 3. С. 72-81.

[2] *Клейн Л.С.* Археологические источники С. 145.

Генинг, Ю.Н. Захарук)[1]; вторая, выдвинутая Л.С. Клейном и группой его коллег, отводила археологии роль исключительно источниковедческой науки[2].

Расхождение во взглядах произошло при рассмотрении предмета и задач археологии. Социологическое направление видело в них не только изыскание и обработку материальных древностей, но и изучение древних обществ, их истории и закономерности развития. Критикуя господствующую концепцию, Клейн писал, что такое понимание задач «сжимает процесс познания, побуждает перескакивать через промежуточные этапы и стимулирует упрощенные трактовки».

Что здесь имеется ввиду? В процессе исторического познания выделяется три этапа: *а) – источниковедческий, б) – реконструктивный, в) – синтетический*. Согласно концепции Клейна, археология, по причине ущербности своих источников, не имеет права на реконструкцию исторического процесса и его закономерностей. Только одна наука, по его мнению, «в силу специфики своих источников, очень разносторонних и имеющих один код с историей, вправе (и то в определенных границах) реконструировать весь исторический процесс – та, что ведает письменными источниками»[1]. В схеме исторического познания это выглядит так:

| | **Концепция Клейна** | **Традиционная концепция** |
|---|---|---|
| ***Этапы Исторического познания*** | *Источниковедческий*<br>↓<br>*Синтетический*<br>↓<br>*Реконструктивный* | *Источниковедческий*<br>↓<br>*Реконструктивный*<br>↓<br>*Синтетический* |

Сравнив обе схемы, мы поймем, что имел ввиду Л. Клейн, говоря о «сжатии процесса» и перескакивании через промежуточные этапы: в традиционной концепции реконструктивный этап идет сразу после источниковедческого. Этим археология допускается до исторических реконструкций, минуя синтетический этап. Обоснованием своего подхода Клейн выдвинул тезис об «односторонности, лакунарности, фрагментарности» АИ, на основе которых реконструированный исторический процесс будет искаженным и недостоверным. Социологическое направление, на-

---

[1] *Аникович М.В.* О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторических наук. Л., 1988. С. 73-98; *Генинг В.Ф.* Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // Советская археология. 1989. № 3. С. 215-228; *Захарук Ю.Н.* Археология: наука историческая или источниковедческая С. 207-214

[2] *Клейн Л.С.* О предмете археологии. // Советская археология. 1986. № 3. С. 209-219.

оборот, утверждало, что ИИ (вместе или по отдельности) дают неискаженную информацию об историческом прошлом.

Нельзя согласиться ни с одной из высказанных оценок. К примеру, возникает сразу несколько вопросов к Л.С. Клейну: а разве другие источники не односторонни и фрагментарны? Если исторический процесс реконструировать на основе другого источника, будет ли такая реконструкция более достоверной?

Шатким оказалось и утверждение Клейна, будто только история имеет право на синтез исторических знаний (как все же велико в археологе доверие к письменным источникам!). А ведь эпоха письменности в истории человечества занимает ничтожную часть. И вот уже Клейн вынужден признать, что для дописьменного периода синтетической наукой является не история, а «преистория». Может быть, лучше для его концепции было бы четкое разделение истории на источниковедческую (занимающуюся изучением письменных источников) и собственно историю (занимающуюся обобщением всех ИИ)?

Подводя итог, хочется еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день вопрос о принадлежности АИ к исторической науке однозначно не решается. Пока что противопоставление АИ и ИИ остается надуманным, т.к. все аргументы авторов, разделяющих эти понятия, сводятся к сравнению АИ и письменных источников, но не АИ и ИИ. Таким образом, нельзя отрицать, что АИ выступают одним из видов ИИ, наравне с письменными, лингвистическими, этнографическими. Их объединяет наличие исторической информации. То, что АИ имеют специфические черты, никак не должно изолировать их от исторической науки. Связующим звеном здесь обязана служить сама археология, стоящая на стыке источниковедения и истории.

**М.В. Кирчанов.** Может ли археологический источник стать историческим ? Например, берестяные грамоты — исторический или археологический источник ? И наоборот: может ли исторический источник стать археологическим ?

**Ю.А. Дубровский.** Возможен и тот, и другой процесс, также берестяные грамоты обладают признаками обоих видов источников: содержащееся в них сообщения — исторический источник, сама береста — археологический.

**И.В. Иноземцев.** Что объективнее — исторический или археологический источник?

**Ю.А. Дубровский.** Вряд ли корректно так ставить вопрос, но несомненно, что в археологическом источнике субъективный момент вступает позднее: в археологии: *факт – материальный след – интерпретация факта через его след археоло-*

---

[1] Там же. С.211.

*гом*, а в письменной истории: *факт – очевидец – информатор – древний автор – переписчик – интерпретация современного историка.*

**Комментатор М.Д. Долбилов (к.и.н., преп. ВГУ).** Тема нашего «круглого стола», которая так удачно продолжает дискуссию, начатую год назад, имеет исключительное значение для современной исторической науки в России. Источниковедение — это, прошу прощения за каламбур, один из источников эпистемологической независимости исторической науки. Во многом благодаря именно этой отрасли знания и ее методам история ныне идентифицирует себя и самоутверждается в окружении более молодых, более «агрессивных» и, чего уж скрывать, более престижных общественных дисциплин, таких как политология, культурология, art studies, nationalism studies, гендерные исследования и т.д. Что бы ни говорилось о привлекательности и перспективности этих направлений, но природу сложнейших взаимоотношений гуманитария с исследуемым им объектом глубже всего разрабатывает историческое источниковедение.

Выступления И.Ю. Иголкина и А.В. Фененко задали и тематическую рамку и, наверное, эмоциональный тон сегодняшнему обсуждению. На мой взгляд, первый из докладчиков хорошо показал как архаичность многих позитивистских приемов работы с источником, так и неоправданность полного отрицания позитивистского наследия. Здесь важно не подражать в постмодернистском радикализме западным исследователям. У них гораздо больше законных оснований снисходительно отзываться о позитивизме, чем у российских ученых. Там эмпирическая база исторической науки не в пример мощнее нашей, она накапливалась веками, и она действительно позволяет смело экспериментировать в области теории истории. А мы до сих очень отстаем в освоении огромных источниковых богатств, — не только в их выявлении, но в их систематическом, планомерном издании, без чего альтернативные истолкования той или иной проблемы или события зачастую превращаются в самодостаточные реплики.

Боюсь ошибиться, но по XIX веку на данный момент не существует ни одного действительно серьезного издательского источниковедческого проекта, подобного, например, почившему «Восстанию декабристов». Это очень грустная ситуация. Огромные неиспользованные резервы информационной отдачи обнаруживаются сейчас в количественно не столь уж большом корпусе источников по русскому средневековью, даже в распаханных, казалось бы, вдоль и поперек летописях. Так что пример терпеливого и въедливого позитивиста, «бумажного червя», бережного к букве документа и не боящегося архивной пыли, — этот пример очень поучителен.

Этот в лучшем смысле слова *позитивист* должен бы быть вполне современной фигурой.

Парадоксально, но, может быть, в российской исторической науке существуют предпосылки для осторожного соединения позитивистских методов с постмодернистским эвристическим зарядом. На такую мысль наводят интересные замечания в докладе А.В. Фененко. Я бы обратил особое внимание на своеобразный анархизм постмодернистов, на их похвальную беспощадность в разоблачении зависимости историографических построений от власти глубинных, потаенных структур мышления и речи.

В России вот уже десять лет, как полностью рухнул прямой диктат идеологии, но достаточно почитать наши унылые, тоскливые учебники по истории, чтобы понять: далеко не только вульгаризованный марксизм обеднял и обедняет наши возможности постижения собственного прошлого. В сущности, любой обобщающий рассказ о русской истории, — будь он апологетический или негативистский, — насквозь пропитан той или иной разновидностью навязчивого дидактизма. Постмодернистский подход позволяет увидеть, что во многих случаях этот псевдогражданственный пафос не стоит ломаного гроша, абсолютно вненаучен и порождается субъективной леностью ума, закосневшего в обкатанных схемах — даже не мышления, а рассказывания, «говорения», нанизывания слов, понятий и образов, складывания текста. С позиции источниковедения это есть не что иное, как диалог с источником по вытверженной заранее шпаргалке. Нам не мешало бы позаимствовать у постмодернистов их эпистемологическую дерзость (конечно же, заранее заручившись надежным противовесом), столь необходимую для создания новаторского нарратива русской истории.

В этой связи я хотел бы прокомментировать и замечание И.В. Иноземцева о том, что «описательными методами владеют все историки, а количественными - не все». Сам докладчик убедительно продемонстрировал свои навыки «количественника», и это тем более отрадно, что они находят применение в сфере аграрной истории, которая в последние годы остается все более и более в небрежении и забросе.

Замечу вскользь, что это и есть один из примеров, когда неумеренный антипозитивистский настрой приводит к огульному делению исторической проблематики и сюжетов на «модерн» и «старье», на работу «изящную» и работу «пыльную», на «оригинальные» *проекты* и «банальные» *планы* и т.д. Перефразируя Пьера Бурдье, можно было бы сказать, что с точки зрения многих молодых историков заниматься аграрной историей сегодня «нешикарно»: это сколько же надо горбиться в архивах,

и это же как долго придется ждать первых публикаций. Вот тут-то и требуется позитивистское противоядие!

Однако, соглашаясь с тем, что хороших «количественников» у нас маловато, позволю себе поделиться с аудиторией сомнением: а столь ли уж многие историки владеют «описательными методами»? Увы, очень часто приходится слышать мнение, что литературный «стиль» (слово обычно произносится с насмешливой интонацией), вообще литературная сторона историописания — это что-то поверхностное, внеположенное нашим концепциям, реконструкциям, т.е. работе с историческим материалом как таковым.

В этом смысле постмодернизм — очень хорошее напоминание о том, что осмысление факта неотделимо от его описания, это, в общем-то, два взаимозависимых процесса. А потому опыт разносторонней, многослойной или, если угодно, «густой» интерпретации источника столь важен: без этого нет интеллектуального богатства, подлинной игры смыслов, изобретательности доказательных приемов, а в конечном счете «читаемости» и долговечности нашего собственного текста. Об этом по-своему свидетельствует каждая из источниковедческих методологий, о которых говорилось в докладах А.Ю. Золотарева, Д.М. Бородина, И.В. Иноземцева и А.Н. Злобина.

Наконец, несколько слов по поводу интересных выступлений Д.В. Акимова и Ю.А. Дубровского. В них поставлена чрезвычайно сложная теоретическая проблема сущности археологического источника, соотношения в нем объективного и субъективного. Безусловно, здравый смысл подсказывает, что коль скоро археология — составная часть исторической науки, то и не может быть жесткого отделения источника археологического от всех остальных, не должно быть его абсолютного изъятия из сферы общеисточниковедческих методов. Я, тем не менее, не рискну высказать какое-либо прямое суждение, а вместо того завершу свое выступление воспоминанием об одном рассказе покойного Владимира Ивановича Беседина, чудесного человека и первоклассного археолога. Какое страстное участие он мог бы принять в этой дискуссии!

Рассказ очень прост: однажды зимой Владимир Иванович шел из музея археологии в главный корпус университета и нес в сумке весьма древний (да простят мне археологи этот в высшей степени дилетантский оборот) сосуд, незадолго до того им с большим трудом отреставрированный. Внезапно он поскользнулся на гололеде, начал падать и с ужасом осознал, что при падении должен безвозвратно погубить транспортируемое сокровище.

Я не случайно назвал эту притчу воспоминанием о рассказе: само повествование Владимира Ивановича о том, как он группировался, акробатически изворачивался, отчаянно перехватывал сосуд обеими руками и прижимал его к себе, подставляя под удар об лед плечо и спину, — это повествование занимало несколько минут. Естественно, слушатель с облегчением узнавал о том, что источник был спасен...

И вот вопрос: кто, например, из историков — специалистов по XVIII - XIX вв., оказавшись в подобной ситуации с ветхим фолиантом в руках, подвергнул бы себя риску перелома руки? Прошу считать это не столько аргументом в пользу мнения о субъективном характере и конструируемости археологического источника, сколько заключительным аккордом моего комментария, навеянным общей постмодернистской атмосферой нашей встречи.

## Дневное заседание
## *Применение новых источниковедческих методик в исторических исследованиях*

**Л.Ю. Гончарова (асп. ВГУ).** ***Звериный стиль скифского времени как источник для изучения мировоззрения ираноязычных кочевников.***

Духовной жизни древних обществ на определенной стадии их развития был присущ своеобразный синкретизм всех сфер общественного сознания. Его суть заключается во взаимопроникновении различных элементов идеологии, религии и искусства, их тесной связи с особенностями психологии, мышления, поведения, восприятия окружающего мира, свойственными человеку, жившему в тех или иных конкретно-исторических условиях[1].

В этом свете произведения древнего искусства предлагается рассматривать не только как памятники художественного творчества, но и как своего рода «пластические идеограммы»[2] — изобразительные понятия, служившие для воплощения различных идей, мировоззренческих представлений, ценностных ориентаций людей. Исследование их семантики, идейного содержания является важным этапом рекон-

---

[1] *Barbu Z.* Problems of Historical Psychology. New York, 1960.

[2] *Мириманов В.Б.* Первобытное и традиционное искусство // Малая история искусств. М., 1973. С.60-61.

струкции всей идеологической системы народов, чье пребывание на исторической сцене отделено от сегодняшнего дня многими столетиями.

Звериный стиль скифского времени как один из видов «понятийного» искусства древности активно используется учеными для изучения мировоззрения создавшего его населения — кочевых ираноязычных племен степной Евразии VII-III вв. до н.э. Вполне очевидно, что этот источник обладает большой долей своеобразия. Сами по себе скифские изображения зверей для человека нашего времени являются лишь некой «загадочной картинкой», поскольку, в силу особого символизма мышления древних индоиранцев, семантическая нагрузка звериных образов была понятна только тем, кто владел «языком» этих символов, в чьем сознании они рождали соответствующие ассоциативные связи[1].

Современные исследователи, люди с совершенно иной системой мышления, пытаясь интерпретировать зооморфные изображения скифского искусства, воссоздать утраченные связи, вынуждены широко привлекать для этого свидетельства других источников: письменные памятники индийской и иранской религии и мифологии — Ригведу и Авесту, данные эпоса, языка, этнографические ретроспекции. И здесь открывается простор для многочисленных дискуссий. Впрочем, иначе и быть, наверное, не может: слишком неоднозначен, во-первых, собственно феномен звериного стиля, а во-вторых, сам процесс синтеза данных различных источников является сложной междисциплинарной проблемой[2].

Одной из первых в нашей исторической науке была сформулирована гипотеза, возводящая звериный стиль к пережиткам древних тотемистических представлений о родстве между группами людей и определенными видами животных[3]. Согласно ей скифы и родственные им племена, находившиеся на последней стадии развития родового строя — «военной демократии», в образах зооморфных божеств

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.54.

[2] *Клейн Л.С.* Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу // Советская этнография. 1988. № 5. С.13-23; *Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С.26-72.

[3] *Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М., 1965. С.56; *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры М., 1967. С.129.

продолжали почитать своих тотемных предков[1]. Одним из лингвистических доказательств этого служит тот факт, что слово «сака», являвшееся самоназванием многих близких скифам кочевых племен, имеет иранский корень, означающий также «олень». Как известно, именно образ оленя в «летящем галопе», с ветвистыми преувеличенными рогами, был одним из самых популярных в скифо-сибирском мире[2] (рис. 1, *2-4, 8*).

Данную гипотезу на материале звериного стиля лесостепного Подонья развил П.Д. Либеров. Используя метод ретроспективного сравнения, в частности, проводя этнографические параллели между уровнями общественного и материально культурного развития племен Среднего Дона , а равно и Скифии, и северо-западных индейцев Северной Америки XIX в., исследователь пришел к выводу, что, хотя первые и занимали более высокую ступень соответствующего развития, их религиозные представления также были тотемистическими.

Иллюстрацией подобного заключения может быть существовавший у американских индейцев обычай при объединении нескольких родов в один наравне почитать все тотемы объединившихся родов. Отражением этого обычая у скифов является, по мнению ученого, совмещение на одном предмете нескольких образов животных, как это наблюдается на поясных крючках (рис. 1, *4*), деревянных сосудах, в частности на известной деревянной чаше из Частых курганов под Воронежем (рис. 1, *1-2*), многочисленных изображениях с зооморфными превращениями (рис. 1, *3,5*) [3].

Однако, как справедливо отметили многие исследователи, тотемистическая теория имеет слабую доказательную базу и обладает рядом существенных недостатков. Во-первых, тотемизм как комплекс верований и обрядов родового общества, характерен лишь для ранних этапов развития человеческого общества, которые ски-

---

[1] *Артамонов М.И.* Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. Вып.2. С.83.

[2] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т.I. С.37, 179; *Грязнов М.П.* Саяно-алтайский олень. Этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля // Проблемы археологии. Л., 1978.

[3] *Либеров П.Д.* Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.145.

фы уже миновали. Во-вторых, с позиций тотемизма невозможно объяснить стилистическое своеобразие скифского искусства, преувеличение отдельных частей тела животного, канонический набор поз, а также размещение звериных образов на определенных предметах материальной культуры, преимущественно на принадлежностях конской узды и оружии. В-третьих, сам репертуар образов звериного стиля в основных чертах стабилен на территории всего скифо-сибирского мира, чего не могло бы случиться, будь изображения зверей тотемами — ведь у различных племен они должны были быть разными. Наконец, единственное «надежное» доказательство сторонников тотемизма — самоназвание «сака – олень», отнюдь не является общепризнанным толкованием[1].

В целом можно сказать, что тотемистическая теория не выдержала испытания временем и в наши дни не имеет приверженцев. Гораздо более обоснованной стоит признать точку зрения, основное внимание уделяющую магическому характеру звериного стиля. Ее разработке посвятили свои исследования Б.Н. Граков, А.М. Хазанов, А.И. Шкурко[2].

В их понимании изображения сильных, быстрых и чутких животных идеально отражали стремление скифа-кочевника, всадника, воина быстро настигнуть и смертельно поразить врага, быть всегда настороже, готовым к опасной схватке. Преувеличение органов поражения и чувств еще более акцентировало данные качества (рис. 1, *3-5*).

Помещенные на различных предметах вооружения и конской упряжи, эти изображения, согласно правилам магии, способствовали перенесению на всадника и коня присущих животным свойств[3]. Выступали они и в роли амулетов-оберегов, обещавших их обладателям покровительство божеств и связанных с ними спутников-животных. Распространение в зверином стиле изображений только отдельной части тела зверя: головы, лапы, уха, копыта, рогов — трактуется как воплощение

---

[1] *Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С.45.
[2] *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971. С. 98-100; *Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Указ. соч. С.45-46.
[3] *Токарев С.А.* Сущность и происхождение магии. ТИЭ. М., 1959. Т.LI. С.16.

знакомого индоиранцам принципа парциальной магии *pars pro toto* (часть выражает целое)[1].

Дальнейшее развитие процессов классообразования и разрушение традиционных идеалов скифского кочевнического общества привело к потере звериным стилем своих изначальных функций. На первый план стали выходить соображения социального престижа, что обусловило все больший парадный блеск, декоративную «красивость» зооморфных изображений и, как следствие, распад исходных образов и превращение их в орнаментальные схемы[2].

Однако сущность звериного стиля не исчерпывается его магическим характером. Довольно распространенным в современной науке является мнение о его связи с религиозными и мифологическими представлениями скифских племен. Согласно такой трактовке, их искусство является отображением общеиранских понятий о зооморфных перевоплощениях героизированных предков и богов[3]. Подобное мнение вполне закономерно, поскольку давно доказано, что религиозная сторона являлась неотъемлемой частью мировоззрения варварского общества в любых его проявлениях[4].

Опираясь на всевозможные параллели и аналогии из Авесты и Ригведы, ученые трактуют изображения звериного стиля как многочисленные инкарнации и ипостаси различных божеств индоиранского пантеона. Причем характерный для мышления древних людей полисемантизм образов обусловил такое необычное для восприятия современного человека явление, когда один и тот же персонаж воплощается в нескольких животных и наоборот, животные одного зоологического вида символизируют несколько богов и героев.

Так, скифские мастера, изображая звериный облик одного из своих божеств, часто снабжали его атрибутами других возможных перевоплощений, что стало причиной появления в скифском искусстве различных синкретических образов и ориги-

---

[1] *Кузьмина Е.Е.* Указ.соч. С.59.
[2] *Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Указ. соч. С.48-49.
[3] *Кузьмина Е.Е.* Указ. соч. С.58.
[4] *Токарев С.А.* Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.

нального приема зооморфных превращений (рис. 1, *3,5*). К примеру, в популярном раннескифском образе барано-грифона, сочетающем элементы хищной птицы, барана и коня (рис. 1, *9*), ученые видят традиционные трансформации Фарна, божества победы, величия и славы, и бога грома и победы Веретрагны[1]. Специфика скифского звериного стиля с этих позиций объясняется синкретизмом и особой динамикой изображений, передающих одновременно несколько образов в момент борьбы и порывистого движения и обусловлена она не художественными вкусами или эстетическими идеалами скифов-кочевников, а определенными чертами их религиозных воззрений.

Наконец, в последнее время все больше сторонников приобретает подход к рассмотрению изобразительных памятников древности как знаковых систем, структурно организованных текстов, элементы которых являются носителями определенной информации и нуждаются в соответствующем прочтении[2].

Сущность структурно-семиотического метода применительно к звериному стилю скифского времени наиболее полно изложена в работах Д.С. Раевского и Е.В. Переводчиковой[3]. Образы животных в скифском искусстве предстают здесь в качестве особого зооморфного кода, служившего для фиксации структур мифологической модели мира евразийских кочевников.

Традиционное иранское космогоническое представление о трех уровнях мироздания связывалось в сознании древних номадов с разделением окружающего животного мира на три группы. Согласно ему птицы символизировали верхний небесный мир, копытные — средний земной, рыбы и пресмыкающиеся — нижний подземный. Скифский зооморфный код отличался от универсального тем, что в нем нижний мир обозначали, в первую очередь, хищные звери.

---

[1] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964. С.246; *Литвинский Б.А*. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968; *Кузьмина Е.Е*. Указ. соч. С.59.

[2] *Лотман Ю.М*. Структура художественного текста. М., 1970; *Успенский Б.А.* К исследованию древней живописи // *Жегин Л.Ф*. Язык живописного произведения. Условность древнего искусства. М., 1970; *Чертов Л.Ф.* Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., 1993.

[3] *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985; *Переводчикова Е.В.* О возможности исследования скифского звериного стиля как изобразительной системы // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1980.

Ярким примером отражения идеи вертикальной структуры мироздания в искусстве звериного стиля может являться принцип размещения изображений животных на предметах материальной культуры, а именно: ритуальные скифские навершия всегда увенчаны фигурой птицы, грифона, либо копытного и никогда — хищника (рис. 1, *7-8*). Копытное животное также обычно помещается на верхнем конце ручки зеркала, в то время как хищник располагается на нижнем (рис. 1, *6*). Наконец,

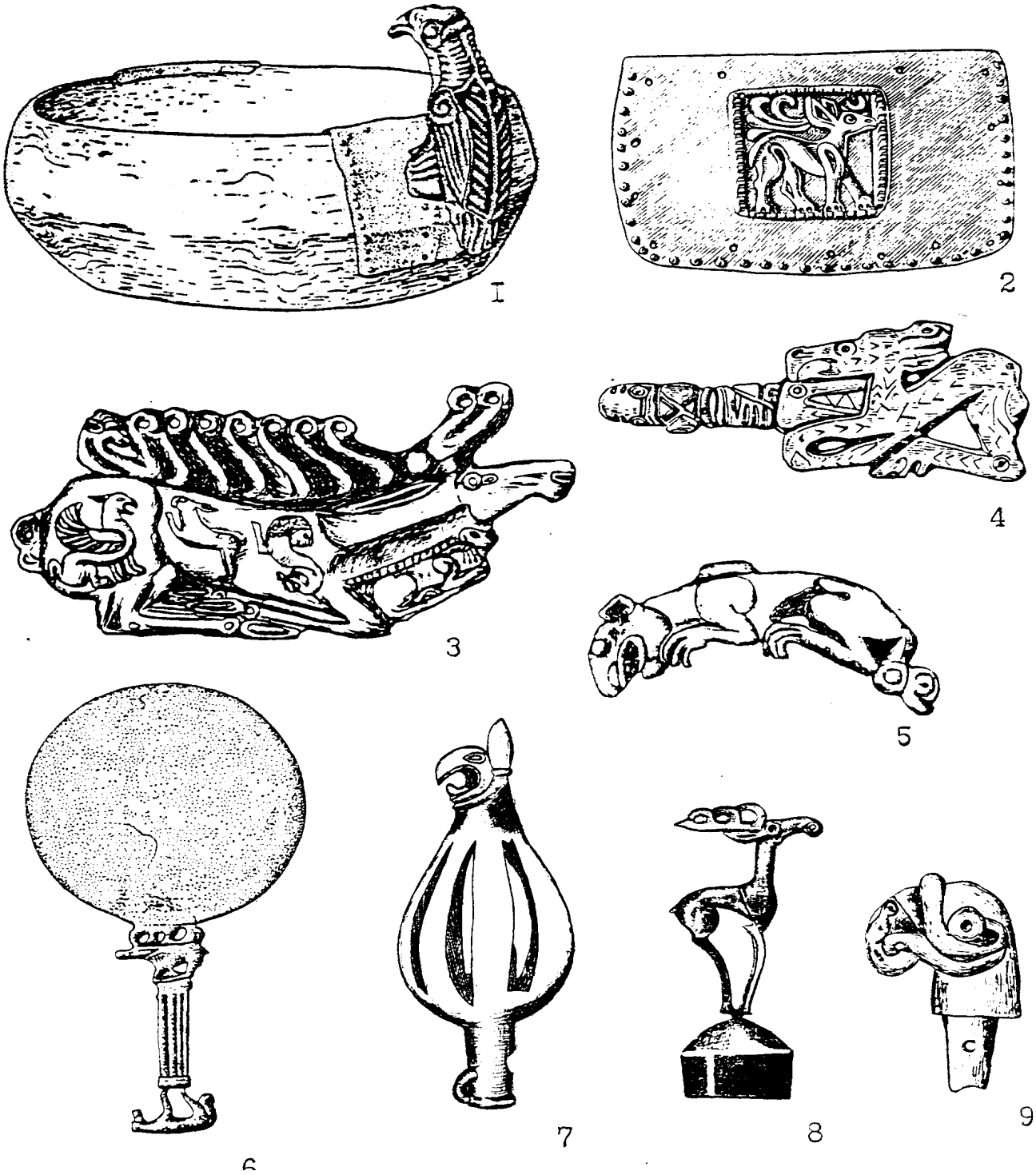

**Рис. 1. Отражение различных мировоззренческих концепций в искусстве звериного стиля.**

1-2 - деревянный сосуд с золотыми обкладками, Частые курганы, 3 - золотая бляха, Куль-Оба, 4 - костяной крючок, с. Мастюгино, 5 - бронзовое украшение, с. Журовка, 6 - бронзовое зеркало, г. Пятигорск, 7 - бронзовое навершие, Келермес, 8 - бронзовое навершие, Минусинская степь, 9 - костяной предмет, Кармир-Блур.

в этом же плане можно интерпретировать сочетание образов оленя и хищной птицы на уже упоминавшейся деревянной чаше из Частых курганов (рис. 1, *1-2*).

Таким образом, звериный стиль скифского времени как источник для изучения мировоззрения создавшего его народа может и должен рассматриваться лишь в совокупности с данными других источников, в первую очередь — письменных, лингвистических, этнографических. Различие предложенных учеными гипотез во многом обусловлено разными подходами к исследуемому материалу, преимущественным вниманием к какому-либо одному виду источников, неодинаковым пониманием специфики содержащейся в нем информации.

Как отмечено А.П. Медведевым, выполнение ряда обязательных условий, необходимых для продуктивного междисциплинарного синтеза источниковых данных, способно придать археологическую и историческую конкретность реконструкциям идеологических и мировоззренческих концепций древних индоиранских кочевников[1]. Само искусство звериного стиля является важным свидетельством проявления своеобразного феномена «материализации мифа».

**В.А. Иванов (5 курс ист. ф-та ВГУ).** Какой еще народ в период древней истории обладал сходной и столь же сложной системой образов, как скифы ?

**Л.Ю. Гончарова.** Параллели можно найти в древнем искусстве Китая и Индии, но столь развитой системы зооморфных образов у них тоже нет.

**Ю.А. Чекменев (научн. сотр. ВГПУ).** Какие методы археологических исследований используются при изучении «звериного стиля» ?

---

[1] *Медведев А.П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысяччелетия до н.э. М., 1999. С.129.

**Л.Ю. Гончарова.** Его образы анализируется сравнительно-типологическими методами, их реконструкция осуществляется с помощью структурно-семиотического подхода. Но проблема в том, что проверить полученные результаты практически невозможно.

**Ю.А. Чекменев**. Убедительную типологию «звериного стиля» дает метод картографии. Кстати, стоит заметить, что на демонстрировавшемся Вами рисунке изображен не олень, а лось, а применительно к Средней Азии это ближе к антилопе. Мой второй вопрос заключается в следующем: все ли упомянутые Вами образы носили сакральный характер, не было ли это просто модой ?

**Л.Ю. Гончарова.** Модой это стало в конце рассматриваемого периода, с V-IV вв. до н.э. Это особый пласт памятников, который заслуживает отдельного изучения.

**В.В. Зубков (2 курс в/о ист. ф-та ВГУ).** ***Семиотика реки в «Слове о полку Игореве»***

Порой складывается впечатление, что прежние исследователи обращались со «Словом...» как с бутылкой старого, доброго вина. Они отерли с нее пыль, оценили качество бутылочного стекла, взболтали содержимое, посмотрели на свет, восхитились преломлением золотистых лучей солнца, а после этого, кивая, друг другу головами, восхищенно цокали языком. Однако бутылка оставалась не вскрытой, при этом ощущался лишь запах тлена, покрывавший стенки снаружи.

Предложим же взыскательному читателю откупорить ее, ощутить аромат содержимого, опьянеть от него. Если этот вкус окажется новым, то, продолжив исследования, можно выпустить настоящего Джина!

Исследование литературных памятников связано прежде всего с изучением нарратива. По определению И.Н. Данилевского, наибольшую трудность представляет перекодировка содержащейся информации в привычные для нас, коммуникативные системы, ее «перевод» на «нормальный» язык[1]. Текст «Слова…» также закодирован; только «сняв» оригинальную культурную оболочку, перекодировав его на язык нашей культуры, мы сможем лучше понять этот памятник.

---

[1] *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII.вв.): Курс лекций. Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999.С.184, 187.

Чтобы произведение было лучше понято, автор и читатель, то есть тот, кто создал текст, и тот, для кого создан текст, должны говорить на одном языке символов. В процессе синхронного (прямого) общения автор, то есть тот, кто создал текст, видя, что его не понимает читатель, всегда может изменить свой «язык», если только захочет, чтобы читатель его понимал. Но, как быть, если автор умер сотни лет назад, и, в данном случае, у автора и у читателя разные языки? На наш взгляд, существуют два варианта:

1) *наиболее легкий*: читатель начинает произвольно изменять текст, вставлять в него буквы, слова и т. п. В данном случае, самолюбивый читатель, не желая учиться понимать язык автора, не меняя своего языка, меняет текст, тем самым, делая его «удобоваримым»;
2) *наиболее сложный*: это современному читателю заставить переломить себя, заставить себя учиться говорить на языке символов, используемом автором, самым тщательным образом оберегая текст от всяческого вмешательства извне, и, в первую очередь, со стороны самого читателя. Никакие коррекции недопустимы.

В настоящей работе мы предпринимаем попытку прочтения этого кода на примере узкого сюжета — символики реки в «Слове…», используя для этого семиотический метод. По мнению Ю.М. Лотмана, символ «может выступать посредником между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора»[1].

От внимания современного читателя «Слова…» за грандиозным описанием битв, громким перечислением имен, возможно, ускользает значимость символа «воды» в представлении людей прошлого об окружающем мире. Но вода — это одна из фундаментальных стихий мироздания, «эквивалент первобытного хаоса», который присутствует в «Слове...» наряду с землей, воздухом, огнем. В мифах встречается мотив подъема земли со дна первичного океана. Вода также является аналогом материнского (женского) начала. Наконец, представляя собой основу многих вещей, в эсхатологических мифах с ней связан мотив потопа[2]. Для более четкого восприятия символа воды необходимо определить космологические функции воды и, в частно-

---

[1] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С.160.

[2] Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. М., 1998. Т.1. С.240 (*далее — МНМ*).

сти, рек, которые встречаются в мифах разных народов[1]. Надо установить, пересекаются ли их семиотические коды и как они соотносятся с символикой «Слова…».

## Вода карающая

Наиболее ранний пример символики реки, рассматриваемый в данной работе — древнеегипетские мифы о воскресающем боге Осирисе. В представлении египтян он много сделал для благополучия их страны: научил людей выращивать хлеб, учредил культ богов, создал государство. Осирис отправился покорять мир, увещеваниями и добротой завоевывая сердца людей. Его извечному противнику Сету, олицетворяющему бесплодную пылающую пустыню, удалось обманом запереть Осириса в саркофаг и бросить в реку Нил. Лишившись соперника, Сет восседает на троне Осириса[2].

Итак, вода в данном случае первоначально связана с гибелью героя.

Далее обратим внимание на иудейскую и библейскую литературу. Согласно Агаде, разделу Талмуда, который содержит в себе поучения религиозного и нравственного характера, а также легенды и проповеди, изначально воды прославляли Всевышнего, а потом именно эта стихия вдохновила Господа на сотворение человека[3]. Однако вода могла выступать не только как священное начало, но и как источник смерти[4]. Этот мотив предстает в Ветхом Завете во время Всемирного потопа. Вся земля погрязла в грехе, и она должна погибнуть во главе с основным виновником — человечеством (*Бытие. 4: 17*).

Как отмечено в комментариях к Ветхому Завету, потопом «впервые определенно называется средство или орудие Божественного наказания над первобытным, растленным миром, каковым был всемирный потоп»[5]. Но, строго говоря, это не было искоренением жизни на земле (так как праведный Ной и его семья спаслись и возродили ее), а лишь устранением царившего на земле зла омытием в водах Всемирного потопа, дабы жизнь возродилась на новых началах. В книге Бытия после

---

[1] *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. I. Семиотика истории — семиотика культуры. М., 1996. С.26-31.

[2] *Нажель Ж.* «Мистерии» Осириса в Древнем Египте // *Бадж Э.И.* Легенды о египетских богах.. «Мистерии» Осириса в Древнем Египте. *Нажель Ж.* О символе и символическом М.; Киев, 1997. С.149-180.

[3] Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000. С.33

[4] *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С.76.

[5] Толковая Библия или комментарий на все книги Св. Писания. Стокгольм, 1984. Т.1. (*далее — ТБ*).С.49.

прекращения потопа уходит и сам факт кары — воды, и состоялся завет уже со всем очистившимся миром, даже с животными, что больше никто от воды не погибнет[13]. Водная бездна или олицетворяющее эту бездну чудище являются синонимами опасности или метафорами смерти. Сопоставим мотив пророка Ионы (*Иона, 1-2*), где чрево водного чудовища — преисподняя, а выход из чрева — воскресение.

Издревле вода олицетворяет собой женское начало, и напрашиваются схожие моменты в мифологических образах карающей воды и женщины. Ева, соблазненная змеем, лично погубила Адама, в результате весь род человеческий отпал от Бога. Юдифь, беззаветно преданная своему народу, соблазнила Олоферна, собственноручно отрубила ему голову, тем самым Израиль был спасен. Ирод Антипа по наущению Иродиады и Саломеи приказал обезглавить Иоанна Крестителя.

В западноевропейской литературе раннего средневековья мотив противостояния героя водному миру предстает в эпосах «Беовульф» (VII-VIII вв.) и «Песне о Нибелунгах» (около 1200 г.). Беовульф побеждает Гренделя — чудовище, которое ассоциируется с застойными водами болот (стихи 810-830). В приведенном эпосе "Беовульф" герой с еще большим упорством сражается с матерью Гренделя, решившей отомстить за своего отпрыска. В этом образе слились воедино водное чудовище и женщина.

Беовульфу приходится погружаться в мутные воды, дабы победить ее, но возвращается он на сушу уже по чистой воде, после чего заявил:

То была не простая
служба ратная,
Но подводная битва,
непосильный труд. —
Шел на смерть я,
на верную гибель
В бурной бездне,
да Бог упас!
Стихи 1655-1658[1].

Какие аналогии данной символике можно найти в «Слове...»? Здесь князь Игорь сражается за родную землю, попадает в плен, а после чудесным образом возвращается. Т.С. Голиченко связывает эти перипетии с «мифологическим нисхожде-

[1] Беовульф / Пер. с древнеанглийского В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Под ред. С. Шлапоберской. М., 1975. С.27-180.

нием в страну смерти»[1] и последующим воскрешением героя. Как заметил М.М. Маковский, «понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / рекой» (согласно другим представлениям, души умерших переправлялись в загробный мир по воде)»[2]. В мифах «не только путь «туда», нот и путь «обратно» сопряжен с переходом, преодолением водной границы»[3], что связано с воскресением и началом новой жизни. В тексте «Слова...» Ярославна молит реку вернуть ей Игоря. Если сопоставить это с мотивом Ионы или Беовульфа, то водная стихия в данный момент находится в переходном состоянии от карающей ипостаси (враждебное чудовище) к душеспасительной, очистительной.

Часто поединок между добром и злом ассоциируется в мифах с речными заторами, запрудами, которые вызывают угрозу плодородию, передвижению и жизни. Например, былинный богатырь Илья Муромец строит мосты через реки и стелет гати по болотам на пути к Соловью-разбойнику[4].

Схожий мотив бедствия мы встречаем в «Золотом слове Святослава»: «Уже бо Сула не течетъ сребреными струями с граду Переяславлю, и Двина болотамъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ».

После поражения Игоря русские вдовы оплакивают потоки крови, пролитые их мужьями за родную землю: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати».

И далее слова, как нельзя точно передающие безысходность трагедии:

«Тоска разлияся по Русской земли, печаль жирна тече средь земли Рускый».

Ярославна, наряду с другими женщинами, скорбит о павших:

«На Дунаи Ярославнынъ гласъ слишитъ, зензицею незнаема рана кычетъ. «Полечю, — рече, — зензицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцемъ его теле».

Примечательная деталь: не сама Ярославна находится на Дунае, но там лишь слышится ее голос. Как заметил Д.А. Мачинский, «женский комплекс» реки Дунай не связан с историко-географическими представлениями о реальной реке, но тесно переплетается «с древними языческими мифо-обрядовыми представлениями и действиями, преимущественно связанными вообще с водной стихией (любой рекой или

---

[1] *Голиченко Т.С.* Мифологическая онтология «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи / Отв. ред. В.С. Горский. Киев, 1990. С.83.
[2] *Маковский М.М.* Указ. соч. С.44.
[3] *Голиченко Т.С.* Указ. соч. С.83.
[4] *Миллер О.* Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб, 1869. С.278.

озером, морем)»[1]. Далее, в русских былинах упоминается богатырь Дунай, который не выдержал гибели возлюбленной Настасьи, ударил себя ножом в грудь и бросился в реку. Кроме того, О. Миллер указывал, что, либо имя Дунай, либо функция одноименного богатыря в былинах иногда применялись к рекам Самородина, Днепр, Дон, а Д.А. Мачинский добавляет к этому списку также Волхов и Москву-реку[2].

Следовательно, в тексте «Слова...» через образ Дуная передан не столько географический ареал распространения трагедии, сколько подчеркивается ее эмоциональная атмосфера: душевное сострадание женщины княжеского рода с рядовыми соплеменниками.

## Вода спасающая

Продолжая проводить параллели между текстом «Слова...» и схожими мифологическими сюжетами, обратимся вновь к Древнему Египту.

После того, как Сет бросил саркофаг с Осирисом в реку, Исида взмолилась к богу солнца Ра, дабы он помог ей. Саркофаг выбросило на берег, посланный Ра шакал Анубис помог воскресить Осириса, который стал царем в стране мертвых[3].

В библейской литературе также можно выделить новую функцию воды. В то время, когда по приказу фараона уничтожались еврейские младенцы, родители могли укрывать Моисея дома, так как дом был отрезан от остального мира разлившимися водами реки[4]. Очевидно, что полярность «воды» меняется на противоположную. Если раньше наводнение губило человека, то теперь оно спасает его с младенчества.

Когда же вода спала и возникла угроза жизни Моисея, мать положила его в осмоленную асфальтом корзину, а сестра отнесла ее к реке, где дочь фараона обнаружила младенца и взяла с собой. Таким образом, к спасению имеют отношение как река, так и женщина царского рода (*Исход 2: 1-10*).

Показательна в этой связи этимология самоназвания евреев, предложенная М.М. Маковским: «Сравним арамейское ibray, ebray, древнееврейское ibhri — «тот,

---

[1] *Мачинский Д.А.* «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С.153.

[2] *Миллер О.* Указ. соч. С.278, 333, 345-351; *Мачинский Д.А.* Указ. соч. С.151.

[3] *Нажель Ж.* Указ. соч. С.187-188.

[4] ТБ. Т.1. С.278. Причем в Ветхом завете нет прямого упоминания о рождении Моисея во время наводнения. В ТБ приведены данные позднейших исследований, но в Агаде сказано, что укрытых от гнева фараона младенцев сама земля вскармливала молоком и медом, т.е. налицо пережитки хтонической мифологии. См.: Агада. С.84-86; *Тахо-годин А.А., Лосев А.Ф.* Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб., 1999. С.24-25.

кто пришел из-за реки, тот, кто переплыл на другой берег реки», т.е. переселившийся в «Землю обетованную, в Рай»; сравним древнееврейское ebera — «переходить, пересекать» (сравним древнееврейское eber hanahar – «с той стороны реки») <...> В ностратическом плане сравним индоевропейское ebhros — «мокрый». Типологически сравним армянское draht — «ад», но литовское dreghas — «сырой, влажный»[1].

Вождем евреев, т.е. народа, судя по самоназванию, пришедшего из-за реки, стал тот, кого спасла река. Вероятно, это тождество: Моисей — «спасшийся в реке» и еврей — «пришедший из-за реки». Заметим, что у евреев и Ноев ковчег, и Моисеева корзина обозначены одним словом «ТЕБА»[2].

Осмелимся предположить следующее: поскольку слово одно, то и функции карающая / спасающая сосуществовали изначально одновременно (синхронно), т.е. «карающая» являлась (мыслилась) таковой потому, что она не являлась (не мыслилась) «спасающей», и наоборот[3]. Корзину, в варианте у европейцев, можно объяснить следующим образом: «Значение «вода» соотносится со значением «плести» («гнуть»); речь идет о мифопоэтическом образе тканья, плетения вод, образе воды как сети <...> от wata — «вода». К тому же корню относится и русская *ветка, ветвь* (ветка как материал для плетения); ветка, кроме того, символизировала религиозное действие, составной частью которого были: сакральное возлияние (ср. англ. wet — «мокрый»), заклание жертвенного животного (ср. нем. wetzen, англ. whet — «править, точить»)[4].

Приведем весьма интересное сравнение, которое присутствует в античной мифологии, где Афина выигрывает спор у Посейдона за влияние в Афинах, подарив горожанам оливковое дерево. Выражаясь предельно четко, здесь вода (в образе По-

---

[1] *Маковский М.М.* Указ. соч. С.280.
[2] ТБ. Т.1. С.278.
[3] Ср. у Пушкина:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Извести ее хотят...
Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод...
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в окиян...

(*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 17 т. М., 1995. Т.3. Кн.1. С.508-509).
[4] *Маковский М.М.* Указ. соч. С.77

сейдона) отступила под действием женщины (в образе Афины). В индийской мифологии есть мотив преодоления водного затора, сходный с символикой «Слова…»:

| **Ригведа: Гимн Индре (I, 32)** | **«Слово...»** |
|---|---|
| Ст.8. Через него, лежащего, как тростник разрезанный, текут-перекатываются воды Ману. Некогда Вритра сковал их величиной своей. | Галичкы осмысле Ярославе! Подперъ горы Угорскыи своими железными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота. |

Герой «Ригведы» Индра убивает дракона Вритру («запруду»), сверлит отверстия для рек, рассекает горы:

Ст.11. Выход водам, закрытый накрепко,
Индра дал, убивший Вритру.

Имя же матери Вритры — Дану означает «водный поток».

Победа над Вритрой приравнивается к космогоническому акту перехода от хаоса к космосу, от потенциальных благ к актуальным, процветанию и плодородию[1].

Беовульф в начале повествования похваляется своим превосходством над чудовищной стихией[2].

| | |
|---|---|
| Стал безопасен | Святославъ грозный великый |
| путь мореходный | Киевскый грозою <...> |
| Над теми безднами. | Наступи на землю половецкую, |
| Божий светоч | Притопта хлени и яругы, |
| Взошел с востока, | Взмути реки и озеры, |
| утихла буря. | Иссуши потоки и болота. |

В обоих случаях авторы ставят в заслугу героям покорение враждебных вод и обеспечение, возможно, транспортных путей на вражеской территории.

В итоге после того, как Беовульф избавил морские воды от всякой нечисти, автор награждает его эпитетом «пловец искусный»:

Но спасся Беовульф! —
Пловец искусный.
Он вплавь через хляби
Один возвратился.

---

[1] МНМ. Т.1. С.255; Т.2. С.376.
[2] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С.570-572

В финале «Слова...» водная стихия (река) уступает мольбам героини:

Ярославна рано плачетъ<...>: «О, Днепре Славутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю половецкую<...> Взлелей, господине, мою ладу къ мне, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Силы природы оказались благосклонны, и возвращение Игоря происходит сразу же после «плача Ярославны»: «А Игорь князь поскачи горностаемъ къ тростию, и белымъ гоголемъ на воду».

Преодоление водной преграды является переломным моментом в судьбе героя. И тут прослеживается удивительное совпадение с «Песней о Нибелунгах», где описывается роковая охота Зигфрида, в ходе которой его убивают:

| **«Песнь о Нибелунгах»** | **Последовательность** | | **«Слово...»** |
|---|---|---|---|
| 934-962 Идет охота на зверей | I | 1 | Поражение и плен |
| 963-969 Далее следует поедание зверей | II | 2 | Плач Ярославны |
| 972-976 Забег к воде | III | 3 | Слуга помогает Игорю |
| 976-980 Зигфрид достигает воды | IV | 4 | Игорь достигает воды |
| 981 Покушение слуги | V | 5 | Погоня верхом после выхода из воды |
| 982-998 Смерть Зигфрида | VI | 6 | Только теперь началась охота на птиц |
| 1007-1072 Плач Кримхильды | VII | 7 | Поедание птиц |

Для большей наглядности сопоставим перечисленные события, используя символы цифр, которыми обозначены последовательные этапы происходящих событий.

| **«Песнь о Нибелунгах»** | | **«Слово...»** |
|---|---|---|
| на зверей ОХОТА | I = 6 | ОХОТА на птиц |
| ЕДА | II = 7 | ЕДА |
| бегом ГОНКА | III = 5 | ГОНКА верхом |
| ВОДА | IV = 4 | ВОДА |
| СЛУГА | V = 3 | СЛУГА |
| СМЕРТЬ | VI = 1 | ПЛЕН |
| ПЛАЧ | VII = 2 | ПЛАЧ |

Запишем полученные цифры в линию:

**«Песнь о Нибелунгах»** **«Слово...»**

I II III IV V VI VII 6 7 5 4 3 1 2

Если в первом случае цифры идут на увеличение, то во втором на уменьшение, причем ряд цифр напоминает обратный порядок. в середине ряда он таковым и является.

...III IV V... ...5 4 3...

Несоответствие обратному порядку в начале ряда:

I = 6 } можно объяснить тем, что еду надо сначала добыть,
II = 7 а потом употреблять

Несоответствие в конце ряда:

VI = 1 } можно объяснить тем, что героя сначала теряют,
VII = 2 } а потом оплакивают

Если пренебречь указанными обстоятельствами, то цифры выстроятся в обратной последовательности:

I II III IV V VI VII 7 ←→ 6 5 4 3 2 ←→ 1

Но ввиду вышесказанного, абсолютно обратный порядок цифр все же невозможен.

Как читатель может убедиться, в символических кодах текстов находится масса совпадений. Но вот последовательность описываемых событий почти полностью не совпадает. Если представить, что изложение «Нибелунгов» заснято на кинопленку, то, прокрутив ее в обратную сторону, во многом можно увидеть совпадение со «Словом...». Мы видим все словно в зеркальном отображении.

Можно предположить, что в «Песне о Нибелунгах» изложенная последовательность событий обусловлена тем, что герой должен погибнуть. В «Слове...» же обратная последовательность событий по отношению к «Нибелунгам», возможно, также не случайна, она должна предполагать именно возвращение Игоря из небытия вражеской неволи. Уход Зигфрида из жизни и возвращение Игоря к нормальной жизни наступает в тот момент, как только они прикоснулись к водной поверхности, которая в данном случае является некоей квинтэссенцией изменения судьбы героя. Возможно, с помощью такого приема «водной зеркальности» в «Слове...» подчеркнута исключительность князя Игоря, сумевшего как победить смерть на поле брани,

так и вырваться из плена, для чего автору надо было поменять последовательность событий.

**А.А. Гнеушев.** Тема доклада обозначалась как «символика реки». Однако собственно «река» прозвучала в последних строках. Замечательно, что были найдены параллели между ранними памятниками, но все же: Вы рассматривали «воду» или «реку»?

**В.В. Зубков.** Реку и воду по «Слову» очень сложно различить.

**А.А. Гнеушев.** Я приведу пример. В памятниках «Куликовского цикла» очень часто приводится в качестве аргументации необходимости перехода Дона перед боем часто привлекается историческая память. В частности, в совете братьев Ольгердовичей упоминаются переход реки Альты Ярославом Мудрым и переход реки Ижоры Александром Невским в 1240 г. Символика реки здесь выступает (если сопоставлять традицию античную и русскую средневековую, что вообще-то не совсем корректно) как переход Рубикона Цезарем. Есть нечто подобное в «Слове»?.

**В.В. Зубков.** Рубежом, который надо достигнуть, можно считать Дон, из которого надо «зачерпнуть шеломом воду»

**А.А. Астрединов** Возможно, я выступлю профаном, но мне интересно. Вот приводились примеры из Библии, связанные с символикой реки и сходные с отрывками из «Слова…». Полагаете Вы, что автор «Слова…» был знаком с данными фрагментами, хорошо знал Библию?

**В.В. Зубков.** Я полагаю, что автору были известны библейские сюжеты, но вовсе не обязательно они лежали в основе «Слова…». Речь здесь идет о чисто типологическом сходстве.

**Д.М. Бородин.** Вы в самом начале говорили о необходимости реконструкции системы символов и знаков, которыми пользовались люди в прошлом. Однако однако она несет в себе большой субъективизм. Вы уверены, что смогли его преодолеть в Вашем исследовании и предлагаете именно объективное прочтение, а не свою личную точку зрения.

**В.В. Зубков.** Субъективизм и проблема «навязывания смысла» — вообще наиболее слабое место семиотического подхода. Насколько это у меня получилось — судить не мне.

**Ю.А. Чекменев.** Если мы посмотрим на карту, вряд ли возможно преодолеть даже небольшое расстояние, к примеру, по Воронежской области, не форсируя ни одной реки. В этой связи, возможно, восприятие «воды-реки» как какой-то символической мифологемы несколько надумано. То есть Игорь просто-напросто дейст-

вительно бежал из плена, форсировал при этом реки. И не стоит искать глубокий смысл там, где его нет. А то, что река всегда являлась границей — так это общеизвестно.

**Ю.В. Селезнёв (асп. ВГПУ).** ***Компаративистский подход к изучению Золотой Орды.***

Для изучения межгосударственных и межэтнических контактов наиболее плодотворным является компаративистский метод. Он заключается в сравнительном анализе, сопоставлении известий об одном и том же событии в разнородных источниках.

Изучение истории Золотой Орды имеет определенную специфику: в большинстве работ оно носит откровенно однобокий характер. Это объясняется тем, что собственно ордынских источников практически не сохранилось. В результате создалась парадоксальная ситуация: историю Орды мы изучаем по источникам, написанным в порабощенном ей и откровенно враждебно настроенном государстве.

В этой связи особо ценными являются те сюжеты, когда существует возможность привлечения источников иного происхождения: персидских, арабских, армянских хроник, записок западноевропейских путешественников, эпических произведений. При их компаративистском анализе удается уточнить последовательность событий, их датировку, а также сравнить различные оценки происходящего.

В качестве примера мы представляем сюжет о походе в конце XIV в. русских войск на Булгарский улус.

По данному вопросу в нашем распоряжении имеется сведения татарского народного эпоса «Идегей», а также известия русских летописей: Московского летописного свода 1479 г.[1], Никоновского свода[2], Тверской[3], Софийской первой[4], Софийской второй[5], Ермолинской[6], Типографской летописей[7], Казанской истории[8].

Среди указанных источников мы видим эпос, а также летописные источники. Основной характеристикой эпических произведений является их художественность. Поэтому их сведения необходимо использовать, прежде всего, как оценочные. Ле-

---

[1] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т.XXV. С.225-226.
[2] ПСРЛ. М., 1965. Т. XI-XII. С.164.
[3] ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Стб. 446.
[4] ПСРЛ. СПб., 1851. Т.V. С.247.
[5] ПСРЛ. СПБ., 1862. Т.VI. С.130.
[6] ПСРЛ. СПб., 1910. Т.XXIII. С.137.
[7] ПСРЛ. Пг., 1921. Т.XXIV. С.167.
[8] Казанская история. М.; Л., 1954. С.48-49.

тописные известия, призванные сохранять информацию в строгой хронологии, несут в себе главную событийную канву. При сопоставлении данных указанных категорий источников мы получаем наиболее подробную картину происходившего, ее оценок и характеристик. Исследователь, таким образом, получает возможность более детально выяснить причинно-следственные связи и последовательный ряд фактов.

Итак, татарский народный эпос «Идегей» донес до нас известие о походе русских войск на Булгарский улус сразу же после похода на Золотую Орду войск Тимура (Тамерлана) в 1395 г. В частности, в произведении отмечается:

Там, где травы были густы,
Растоптал Токтамыш цветы,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар,
И ему подчиненный Сувар,
И высоковратный Казан,
Джуке-Тау над гладью речной
И Сабы в глубине лесной,
И земель Ашлы закрома, —
Он спалил, сломал все дома.
Отбирал он кожу, сафьян,
Загребал лопатами хан
Множество монет золотых.
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым[1].

Источник рассматривает поход русских войск однозначно, как «беду». Города цветущей страны превращены «в пепел и дым». Устами своего главного героя эмира Идигу (Едигея) эпос обещает отомстить за разорение:

С бородою обросшим ртом
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом,
И лопатами загребал
Множество золотых монет, —
Я заставлю держать ответ:

[1] Идегей: татарский народный эпос. Казань, 1990. С.162.

Злато вернуть заставлю я,
И врага обезглавлю я[1].

По мнению М. Усманова, данное упоминание о походе русских на Булгарский улус относится к «одному из многочисленных грабительских набегов новгородских ушкуйников»[2]. Однако набеги новгородской вольницы никогда не приносили столь разорительных последствий (эпос называет цифру разоренных городов — 14). В то же время, летописи сохранили лишь два упоминания о набегах ушкуйников на Булгарский улус в близкое к описываемому в эпосе времени — в 1391 и 1409 гг. Причем первый поход был произведен из Вятки по Каме и Волге и не носил столь разорительных последствий. Второй поход вообще кончился неудачей.

Более того, в эпосе четко обозначен статус возглавлявшего поход человека — князь (в другом месте он назван даже ханом). Нет сведений о том, чтобы во главе отрядов ушкуйников стоял какой-либо князь.

В то же время, в ряде русских летописей под 1395 или 1399 гг. упоминается поход князя Юрия Дмитриевича (брата великого князя Василия Московского) на Булгарский улус. Военная операция была произведена в ответ на набег Семена Дмитриевича Суздальского с ордынским отрядом во главе с царевичем Ентяком на Нижний Новгород.

М.Г. Сафаргалиев склонен считать, что указанные события произошли в 1399 г. Аргументирует он свой вывод тем, что «в Московском летописном своде конца XV в., служившего основанием другим Московским летописным сводам XV и XVI вв., — есть следующие весьма интересные записи под 1399 г.: «В то же лето взять быст Новгород Нижнея и на Болгары князь Юрьи ходил, а писано назади в лето 903, зане опись в летописце была»»[3].

Однако в других летописях данное событие датируется 1395 г. (Софийская первая летопись[4], Никоновский свод). Лишь Казанская история относит поход к 1392 г., а Тверская летопись — к 1399 г. Причем обе летописи составлены в XVI в. Тогда как Софийская I — летопись XV в., то есть наиболее ранний источник, повествующий нам о событиях конца XIV в.

Кроме того, логика политических событий в степи подсказывает нам, что поход был совершен именно осенью 1395 г. Прежде всего, необходимо отметить, что в

---

[1] Там же. С.163.

[2] *Усманов М.* О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей: татарский народный эпос. Казань, 1990. С.250.

[3] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций…(из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 423.

[4] ПСРЛ. Т. XI. С.164, ПСРЛ. Т. V. С. 247.

условиях разгрома Орды Тимуром (Тамерланом) создавались благоприятные условия для набегов разрозненных ордынских отрядов на соседние государства.

Во-вторых, активный участник событий царевич Ентяк в 1403 году выступает как посол хана Шадибека[1]. То есть он поддерживает правительство эмира Идигу (Едигея). Оно захватывает власть в степи в 1398 г., вытеснив Токтамыша (Тохтамыша). С этого времени вплоть до декабря 1408 г. никаких военных мероприятий против Москвы Идигу (Едигей) не предпринимает (по крайней мере, в источниках упоминаний о них не сохранилось). То есть относить набег на Нижний Новгород к 1399 г., на наш взгляд, нет никаких оснований.

Итак, по данным русских летописей в сентябре-октябре 1395 года «князь Семен Дмитриевич Суздальский прииде ратью ко Новгороду Нижнему, а с ним царевич Ентяк с тысячью татар»[2]. Здесь возможно допустить, что набег был совершен по приказу Тохтамыша. Но, вероятнее всего, последний к этому времени покинул Булгар (поход совершался оттуда). Ентяк же в 1403 году являлся послом Шадибека.[3] Вероятно, и в 1395 году он выполнял поручение правительства Едигея, а, возможно, Корейчака. Необходимо помнить, что русские летописи отмечают, что князь Семен служил и Тимуру. Однако о пребывании Семена при дворе последнего нет никаких сведений. Возможность формального подчинения Суздальского князя Тимуру могла быть лишь в данный период (1395 - 1396 гг.), причем в случае службы Семена Едигею, а скорее всего Корейчаку.

Войска князя Семена и татары осадили Нижний Новгород. В городе было три воеводы московского князя: Владимир Данилович, Григорий Владимирович и Иван Лихорь. В течение трех дней татары оставались под стенами города и «много людей от стрел паде»[4]. Однако сил для штурма явно не хватало. Тогда татары пошли на хитрость: было заключено ложное перемирие. Князь Семен, как и в 1382 году под Москвой, выступил посредником в переговорах. 25 октября татары ворвались в Нижний Новгород и «быша ту две недели»[5]. Затем войска покинули пределы княжества.

Получив сведения о случившимся, великий князь Василий послал «брата своего князя Юрья Дмитриевич, а с ним и старейших бояр и силу многу»[6]. Русские войска взяли города Булгар, Жукотин (Джакетау), Казань, Кременчуг «и прибыша тамо

---

[1] ПСРЛ. Т. XXV. С.232.
[2] ПСРЛ. Т. XXV. С.225-226.
[3] ПСРЛ. Т. XXV. С.232.
[4] ПСРЛ. Т. XI. С.164
[5] ПСРЛ. Т. XI. С.164.
[6] ПСРЛ. Т. XXV. С.225-226.

три месяца, воююще и пленяюще землю их»[1]. «Никто же не помнит, (чтобы) толь долече воевала Русь татарскую землю»[2].

Татарский народный эпос «Идегей» среди разоренных городов называет три города, указанных и русскими летописцами — Булгар, Казань, Джакетау. А также ряд городов, не упоминаемых в хрониках — Сувар, Сабы Ашлы.

На наш взгляд, в приведенных выше отрывках из татарского эпоса речь идет о походе Юрия Дмитриевича на Булгарский улус в конце XIV в.. Источник относит данный поход ко времени непосредственно после поражения войск Токтамыша от Тимура в 1395 г. То есть, если в русских летописях и татарском эпосе речь идет об одном и том же событии, то данные «Идегея» косвенно подтверждают время похода на Булгарский улус зимой 1395-1396 гг.

Сведения о данном военном столкновении отложились как в русских летописях, так и в устной традиции татар — народном эпосе. Данное обстоятельство дает уникальную возможность сравнить оценки одного и того же события двумя противоположными сторонами. Если русские источники рассматривают поход как ответный удар на вероломное вторжение противника, то татарский эпос воспринимает вторжение русских войск как страшное бедствие.

Необходимо отметить, что в историографии укоренилось мнение о том, что только русские земли страдали от ордынских вторжений. Несомненно, это так. Однако и русские войска совершали походы на территорию ордынских владений. Особенно часто мы это наблюдаем в конце XIV — начале XV вв. Не учитывая грабительских набегов новгородских ушкуйников, русские полки выдвигались на территорию татарских улусов в 1370 г., весной 1377 г. (оба на Булгарский улус), зимой 1377 г. (на Мордовский улус), зимой 1395-1396 гг. (на Булгарский улус), 1400 г. (на Червленый Яр), 1431 г. (на Булгарский улус).

В этой связи сведения татарского эпоса о походе русских войск на Булгарский улус представляют собой уникальную возможность составить представление об оценках русско-ордынских военных конфликтов ордынской стороной.

Т. о., компаративистский метод, применяемый к изучению Золотой Орды, позволяет исследователям уточнить последовательность событий, их хронологию, а также выяснить и сопоставить сведения оценочного характера.

**Ю.А. Дубровский.** Вы упоминали русские набеги на татарские земли. Нельзя ли уточнить, куда именно совершали походы русские войска?

---

[1] ПСРЛ. Т. XI. С.164.
[2] ПСРЛ. Т.IV. Вып. 2. С.380.

**Ю.В. Селезнев.** Районы походов русских войск достаточно четко обрисовываются по источникам: Булгарский улус, Мордовский улус, Червленый Яр. То есть это соседние с русскими княжествами территории. Иногда создается впечатление, что русские и ордынские войска действовали в рамках перманентной пограничной войны.

**Ю.А. Дубровский**. Не кажется ли вам, что это начало русской экспансии на восток, на юг?

**Ю.В. Селезнев.** Так однозначно утверждать нельзя. Дело в том, что зафиксирована лишь одна попытка государственного закрепления русских в Булгарском улусе, когда там были поставлены таможенник и даруга.

**Ю.А. Дубровский**. Может быть, стоит различать государственный и этнический вопросы. Не начала ли Русь экспансию?

**Ю.В. Селезнев.** Можно рассматривать данные походы как начало экспансии? Такая точка зрения имеет право на существование, но все же заметим, что, как правило, русские походы носят характер либо ответного удара, либо удары татар следуют как ответные. То есть процесс носит двусторонний характер. В этой связи почему бы не рассматривать набеги татар как продолжение экспансии степи, Орды на русские княжества? Я не считаю, что данные походы в указанное время можно однозначно рассматривать как государственную, этническую или какую-либо иную экспансию.

**И.Ю. Иголкин**. Вы сказали, что основным источником по истории Орды являются русские летописи, которые страдают определенным субъективизмом. Затем упоминаются различные хроники: арабские, персидские и т.д. А почему в докладе не использованы данные этих хроник?

**Ю.В. Селезнев.** К сожалению, сведений о данном походе русских войск в других источниках, кроме тех которые упоминаются в докладе, не сохранилось.

**В.А. Иванов**. Что такое «компаративистский подход» и что он дал для изучения этой темы?

**Ю.В. Селезнев.** Компаративистский подход — сравнительный анализ источников. Дело в том, что история Орды изучается, прежде всего, по русским летописям. Тогда как огромный пласт прямых и косвенных сведений сохранился в арабских, персидских, армянских хрониках, в эпосе. Данные сведения необходимо подробно анализировать, что я и попытался сделать на конкретном сюжете.

**Н.В. Амзаракова**. Вы сопоставляли летописи и эпическое произведение. Однако для эпоса характерны заранее заданная форма подачи материала, какие-то обобщения. Его трудно сравнить с конкретными данными летописей.

**Ю.В. Селезнев.** Несомненно, здесь существуют серьезные проблемы. У каждого народа эпические произведения имеют свои особенности. К сожалению, в татарском эпосе их выявить трудно, так как не с чем сравнивать (эпос «Идегей» — единственный из сохранившихся). Конечно, в нем нет четкой хронологии. Поэтому его сведения следует проверять по другим источникам. И в данном сюжете четкой привязкой является поход Тимура на Орду в 1395 г. Дальнейшее повествование идет в связи с поражением Тохтамыша в битве на Тереке.

**А.И. Селиверстова (2 курс ист. ф-та ВГПУ).** Как татары относились к набегам русских? Дело в том, что существует спор о том, входила ли Русь в состав Золотой Орды. Как татары рассматривали набеги: как восстание покоренных людей или как набеги разбойничьих шаек?

**Ю.В. Селезнев.** Прежде всего, необходимо отметить, что упоминание в эпосе «Идегей» русских войск в связи с их походом на Булгарский улус является единственным их упоминанием во всем произведении. В данном конкретном случае татары и русские выступают как равноправные этнические и государственные единицы. То есть Русь не включается в состав Орды. Однако необходимо помнить, что эпос был составлен во второй половине XV в., а наибольшее распространение получил в XVI в., когда такое положение дел стало реальностью. Поэтому выяснить то, как татары воспринимали Русь в XIII-XIV вв., просто нет возможности из-за состояния источниковой базы.

**А.А. Гнеушев (2 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Хронология Куликовской битвы: герменевтический анализ памятников «Куликовского цикла».***

Герменевтический метод в применении к нарративному источнику по русскому средневековью выглядит следующим образом. Рассматриваемый текст «разбивается» на определенные сюжеты (например, говоря о данной теме, «поединок Пересвета и Челубея», «атака засадного полка» и т.д.). Далее сюжеты проверяются с целью выяснить, являются ли они отражением исторической реальности или плодом авторского вымысла. В последнем случае необходимо выяснить, перед нами факт случайной или преднамеренной ошибки. В случае обнаружения таковой надо проанализировать сюжет, руководствуясь вопросом: «Почему автор написал неправду?» На основании анализа происхождения всех сюжетов делается вывод о целях написания данного произведения, исходя из современных ему реалий, а не из миропонимания человека конца XX века.

Под «Куликовским циклом» следует понимать комплекс произведений, посвященных Куликовской битве: Краткую летописную повесть по Рогожскому лето-

писцу (40-е гг. XV в.), Пространную летописную повесть по тексту Строевского списка Новгородской IV летописи (последняя четверть XV в.), Краткую (70-90-е гг. XV в.) и Пространную редакции «Задонщины», Основную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище» (XVI в.).

В данном сообщении мы рассмотрим вопрос о времени битвы. В источниках оно указывается по-разному. Рогожский летописец ничего о нем не сообщает, кроме того, что битва была «до обеда»[1]. Пространная редакция «Задонщины» продолжает сравнение уже «до полудни»[2].

Наиболее заслужившие доверие исследователей часы битвы упоминаются в Пространной летописной повести (по Строевскому списку Новгородской IV летописи): «...и бысть в шестую годину дни начаша появлившися погании измалтянъ», «бысть сеча зла и велика и брань крепка трус велик зело, якоже от начала миру сега не было такова великим княземъ руским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9»[3]. «Сказание о Мамаевом побоище» времени начала и окончания битвы не знает. Встречаются лишь упоминания о том, что поединок закончился до третьего часа, в седьмом часу «божиимъ попущениемъ наших ради греховъ» татары начали одолевать русских, а в восьмом часу засадный полк вступил в битву[4].

Обратимся к тому, как исследователи оценивают время битвы. В отечественной историографии прочно утвердилось мнение о том, что указанные часы абсолютно реальны. В своих работах исследователи уделяют этому моменту очень незначительное внимание, переводя время XIV века в наше часоисчисление, при этом ссылаясь на одну единственную страницу книги Л.В. Черепнина «Русская хронология»[5].

Многие исследователи (в том числе В.А. Кучкин) на основе приведенной в книге таблицы определяют время битвы между 10 ч. 35 м. и 13 ч. 35 м. (т.е. между шестью и девятью часами). Однако самый старший источник (Рогожский летописец) относит битву к дообеденному времени. Необходимо также учесть, что любые ссылки на таблицу Л.В. Черепнина в данном случае довольно сомнительны, так как в ней приведено «соответствие часов по древнерусскому измерению времени, при-

---

[1] Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. (*далее — Сказания...*). С.14.
[2] «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С.538.
[3] Сказания... С.21.
[4] Там же. С. 43, 44.
[5] *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С.50.

нятому в XVI-XVII вв. и позднейшему исчислению (XIX в.)»[1]. О XIV веке — ни слова!

Интересная гипотеза предложена В.Н. Рудаковым. Суть ее состоит в том, что русские воины, находясь за пределами своих территорий, где не было церквей и, следовательно, служб и колокольного звона не могли точно высчитывать время[2].

Можно возразить, предположив, что в походе время могло измеряться по Солнцу. Однако это все равно не объясняет, откуда взялась вышеназванная хронологическая привязка битвы. Подозрительно то, что ранние памятники «Куликовского цикла» этих часов не знают, и из какого источника они взяты в более поздних произведениях — неизвестно. В связи с этим встает вопрос о самом характере изучаемого нарратива. А.Л. Юрганов отмечает, что «Сказание...» является литературным произведением в жанре повести, предназначенным для назидательного и поучительного чтения. Поэтому многие события в нем изображены не как они были в реальности, а как это было необходимо для воплощения художественного замысла автора. Древнерусский книжник «обманывал честно», свято веря, что от него ждут не той «правды», которая показывает, как было «на самом деле», а той, которая, вопреки нашим знаниям о «действительности», должна была быть[3].

В таком случае, откуда в «Сказании…» могли появиться данные часы, и если они несли в себе не фактографическую, а символическую нагрузку, то где стоит искать аналогии данной символике? Прежде всего, необходимо обратиться к основе средневекового мировоззрения — христианскому вероучению.

Корнилий ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему (*Деяния 10: 3*). Содержание упомянутых временных рамок раскрывается в Евангелии от Матфея, когда речь идет о распятом Христе: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого. А около девятого часа возопил Иисус громким гласом: Или, Или, лама савахфани?» То есть: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня оставил?» (*От Матфея 27: 45,46; От Марка 15: 33-37*). После этого произошел знаменитый эпизод с губкой, пропитанной уксусом, за которым последовала смерть Христа.

Как все это можно трактовать? По нашему мнению, в «Сказании…» страдания Христа за все человечество отождествляются со страданиями русских воинов на поле боя (во искупление своих и, как следует из сравнения, чужих грехов) между ше-

---

[1] Там же. С.49.

[2] *Рудаков В.Н.* «Духъ южный» и «осьмый час» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб.9. С.145-146.

[3] *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С.11.

стью и девятью часами. Неопределенность кончается, когда в девятом часу Христос умирает, а на поле битвы происходит следующее: «И по сих же, въ 9 час дни, призри Господь милостивыма очима на вси князи рустии и на крепкыа воеводы и на вся крестьяны и дръзнувше за крестьянство и не устрашившеся, яко велиции ратници. Видиша бо вернии, яко в 9 часъ бьющеся ангели помагають крестьяном и святых мученикъ полк, воина Георгиа и славнаго Димитриа и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершеннаго полка небесных вой архистратиг Михаил»[1]. И в том, и в другом случае Бог смилостивился над праведными мучениками и положил конец их страданиям. Христу дал умереть, как человеку, русским же даровал победу над безбожными татарами.

Здесь мы вплотную подходим к проблеме восприятия битвы русскими книжниками XV-X вв.. Куликовская битва, по нашему мнению, понималась ими как нечто более глобальное, чем военное столкновение. Обратимся к популярным на Руси эсхатологическим сочинениям, а именно к «Откровению» Мефодия Патарского, священномученика и епископа III-IV вв. История мира в этом произведении разбита по тысячелетиям. Главная страница — борьба израильтян и измаильтян в седьмом тысячелетии (упоминания о происхождении татар от Измаила или его жены Агари встречаются в произведениях «Куликовского цикла» довольно часто).

Измаильтяне бегут в Етривскую пустыню. Место это особое, там они находятся вплоть до седьмого тысячелетия, когда выйдут оттуда и поработят многие народы. Наступит время беззакония. Но греческий царь одолеет их, и наступит время благоденствия[2].

Здесь можно увидеть аналогии с первым нападением кочевников на Русь, их ослаблением и возвышением Москвы как центра русских земель. Но человечеству придется испытать новые потрясения: нечистые народы, которые еще Александр Македонский затворил в горах, выйдут и покорят весь мир. Чтобы спасти человечество, Бог напустит на захватчиков своего архистратига — архангела Михаила, который уничтожит эти народы. Сравнение Куликовской битвы с «послеждним сражением», фактически Армагеддоном встречаются в Пространной летописной повести, датируемой последней четвертью XV в.[3] Но в «Сказании..» XVI в. они исчезают, так как никакого конца света в ожидаемый срок — 7000 год (1492) — не произошло, и надо было искать другие идеологемы.

---

[1] Сказания... С.21.
[2] Подробнее см.: *Юрганов А.Л.* Указ. соч. С.315.
[3] Сказания... С.374.

Таким образом, учтя, что после описанного сражения с нечистыми народами должен был рано или поздно произойти конец света, можно утверждать, что Летописную повесть превратили в обоснование всемирно-исторической роли русского государства. И.Н. Данилевский отмечает, что конец света — «доминирующая тема русского летописания, оригинальной древнерусской литературы в целом», «ожидание неизбежного конца и Страшного суда..., видимо, придавало весьма специфическую окраску всей жизни государственных образований Восточной Европы, сказываясь буквально на всех ее сторонах»[1]. Исследователем обосновывается тезис о Киевской Руси (равно как и последующих государственных образованиях) как о милленаристском государстве (милленаризм — учение о тысячелетнем царстве Христовом, предшествующем концу света). Символика часов в «Сказании…», на наш взгляд, подтверждает данную идеологическую составляющую истории средневековой Руси.

**А.П. Медведев (д.и.н., проф. ист. ф-та ВГУ).** В чем Вы видите отличие вашей герменевтики от традиционных методов исследования?

**А.А. Гнеушев.** Отличие яркое. Позитивистские исследователи понимают источник буквально, воспринимают все, что в нем написано, как непреложный факт. При герменевтическом анализе текст воспринимается как некая совокупность смыслов, закодированных в понятиях и представлениях эпохи, в которой жил автор. Таким образом, первичной выступает реконструкция мировоззрения автора, системы его смыслополагания. Для средневековья для этого необходимо, прежде всего, обращение к библейской символике. В нашей стране практически нет работ, основанных на сравнении средневекового нарратива с Библией. Наоборот, господствуют подходы, как у А.Н. Кирпичникова, когда данные источников XVI в. ( ! ) воспринимаются как заслуживающее стопроцентного доверия свидетельство о событиях XIV в.. Мой доклад — это попытка понять, что именно хотел донести до современников книжник XVI в., это попытка истолковать представления автора и приблизить нас к истине.

**А.А. Астрединов**. Однако, исходя из Вашего подхода, часа сражения мы все равно не узнаем. Ваш автор заимствует указанные цифры как символы из Библии, фактической нагрузки они не несут. И тогда получается, что мы лишь приближаемся к пониманию, но не можем его достичь.

**А.А. Гнеушев.** Согласен.

**А.В. Фененко.** А существует ли возможность в принципе узнать время битвы?

---

[1] *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков. М., 1998. С.180.

**А.А. Гнеушев.** Если битва была до обеда, то необходимо учитывать, что русским войскам нужно было время для преследования и для возвращения, а Дон они перешли ночью. Однако все это достаточно умозрительно.

**Н.В. Амзаракова (3 курс ист. ф-та ВГУ)** ***«Человек русского средневековья»: перспективы применения источниковедческой методологии исторической антропологии.***

Историческая антропология – это одно из направлений во французской исторической науке, которое сформировалось в конце 70-х гг. в русле Школы «Анналов». Его отцом-основателем был известный французский историк Жорж Дюби (1919 – 1996). На сегодняшний день, помимо Франции, она получила признание во всем мире (особенно в США, Англии, Италии, в какой-то мере в Германии).

Что же представляет собой историческая антропология? Это своего рода слияние истории (в традиционном понимании ее Школой «Анналов») и антропологии (или этнологии). От «Анналов» она унаследовала хронологические рамки исследования (поздняя античность, средние века, Новое время) и его основной объект – «человеческий фактор в истории». Однако задачи, которые она перед собой ставит, несколько отличаются. Историческая антропология отказалась от попыток воссоздать «тотальную историю» и вернулась к изучению Человека, но не через проявления его деятельности (экономическая, общественная и политическая активность), а посредствам изучения его мировоззрения, менталитета. Влияние же этнологии ярче всего проявилось в методах работы с источниками.

Выработанная исторической антропологией методика работы с источниками заключается в следующем:

- Из этнологии был заимствован тезис об «инаковости», несхожести культуры исследователя и автора источника, который описывает события не механически фиксируя информацию, а отражая мировосприятие определенного социального слоя и культурной среды. Поэтому историческая антропология указывает на *необходимость «перевода» информации источника на современный язык*;
- *необходимость воссоздания мировоззрения автора текста* признается одним из условий его правильного «перевода» (трансляции), а для этого историк должен опираться на терминологию источника, категории, нормы, термины изучаемой эпохи (их осознание автором текста);

- Сторонники этого направления придают большое значение *повседневной жизни людей изучаемой эпохи*, так как только через нее можно исследовать менталитет. Они стали первыми, кто обратил внимание на *символику обыденной жизни* (ежедневные ритуалы, обычаи, жесты, манера одеваться, общаться и т.п.).
- Для того, чтобы иметь возможность изучать эту самую «повседневность» задействуются *все разновидности письменных источников, а также типичные объекты исследования этнологии:* одежда, орудия труда, предметы обихода, устные придания, поговорки и т.п.

Попытаемся применить вышеописанные принципы к изучению «Домостроя» — «устава русской домашней жизни», памятника середины XVI в. Цель анализа – если можно так выразится, нарисовать приблизительный портрет основного читателя «Домостроя» (для кого, собственно, и было написано это произведение). Как мне кажется, необходимо проследить его взаимоотношения с государством (светской властью), церковью, окружающими его людьми, родственниками, семьей.

В то время, когда предположительно был создан «Домострой», а это середина XVI в., вырабатывается новая идеология, новое отношение к царской власти. Власть царя признавалась священной (и как мне кажется не потому, что «вся власть от Бога учинена суть», а, скорее потому, что он ответственен перед Богом за все государство, за весь свой народ) он как бы поднимается на одну ступень над всеми остальными смертными, являясь «помазанником божьим». Роль царя даже возрастала в связи с всплеском эсхатологических настроений и приближением ожидаемого Конца света. Царь находится намного выше и светской и церковной властей – он над ними и не принадлежит (полностью) ни к одной из них, он приравнен к самому Богу: «царя бойся и служи ему верою…истину отвечай ему, как самому Богу и во всем повинуйся ему, если земному царю правдой служишь и боишься его, то научишься и небесного царя бояться».

В числе светских властей «Домострой» упоминает бояр (статьи 10,64), вельмож (статья 7), начальника и служащих приказа (статья 27, 62, 64). По отношению к ним действует принцип: «если кто противится властителю, тот божию повелению противится».

Однако их власть тоже облагалась ответственностью – они должны были соответствовать определенной социальной роли. «Домострой» характеризует ее, поставив на место начальника своего читателя и перечисляя, что он должен делать, а чего нет. Так он должен был отвечать за своих подчиненных и перед Богом и перед царем («душевредной бы твоя служба не была государю ни в чем…»). Кроме того, он представлял все государство (как начальник государственного учреждения), по-

этому он должен был быть образцом точности и беспристрастности: «а случится суд…свое дело истинно и праведно без волокиты и безо всякой хитрости соверши»).

По отношению к служителям церкви «Домострой» предписывает смиренное подчинение: «…веру и любовь, и повиновение, и всякое покорение перед ними имей». Священника (духовного отца) следовало «чтить и повиноваться ему во всем, и каяться перед ним… и исповедовать грехи свои», так как он должен был учить прихожан праведной жизни («он учитель наш и наставник… советуйтесь с ним часто о житии правильном и (как) удержаться от грехов»). Получается, что он в своих функциях советчика и наставника дублирует «Домострой». Священник также должен был представлять собой образец поведения, если же его поведение, мягко говоря, оставляли желать лучшего (статья 14 советует выбирать духовного отца «не потаковника пьяницу, не сребролюбивого (т.е. алчного), не гневливого»), следовало прибегать к тексту «Домостроя».

Однако власть служителей церкви так же была связана с их ответственностью перед Богом за прихожан, например, священникам следует подчиняться, потому что они «имеют дерзновение просить у Господа доброго и полезного душа наши, и отпущения грехов, и жизни вечной».

Касаясь экономических отношений, можно сказать, что по тексту «Домостроя» можно определить социальный статус его потенциального читателя и сделать некоторые выводы о его «повседневной жизни». «Домострой» содержит массу указаний на размеры его хозяйства, род занятий:

- Его хозяйство ни в коем случае не натуральное, оно связано с рынком и даже зависит от него (так хороший хозяин должен был прекрасно ориентироваться в ценах, чтобы иметь возможность провернуть выгодные торговые сделки: «коли чего изобильно запасено в дешевую пору, ино в дороговлю и продаст»).
- Это явно городское хозяйство. Оно могло быть связано с деревней, а могло быть и полностью автономным (но такое хозяйство не обеспечивало себя сельскохозяйственной продукцией, ее приходилось покупать: «у кого поместья и пашни, сел и вотчин нет, ино прикупить годовой запас…»).
- Размер хозяйства и составляющие его части (сельские и городские владения). Размер и состав сельских угодий определить трудно: от вотчины с селом (или даже селами), до скромного участка земли (пашни). В любом случае их владелец, скорее всего, постоянно находился в городе, так как «Домострой» ничего не говорит об управлении вотчиной или поместьем (этот вопрос его явно не интересует) и, наоборот, заостряет внимание на управлении городским хозяйством.

Что касается социального статуса нашего героя, то это житель крупного (или среднего) города. Скорее всего, он находится на государственной службе («служи верою и правдою безо всякой хитрости и безо всякого лукавства государю»), причем он не мелкая сошка и занимает достаточно высокий пост (в тексте упомянуты взятки, посулы, «неправедный суд»). Возможно, он имеет отношение к торговле (упомянуты лавки, торговые пошлины).

Говоря об отношениях в семье, нужно обратить внимание на то, что по «Домострою» семья – это особый мир со своей иерархией и системой взаимоотношений ее членов.

Глава семьи (хозяин, государь) реально возглавляет всю хозяйственную деятельность и представляет интересы семьи за ее пределами. Он обладает властью вмешиваться как в материальную, так и в духовную жизнь членов семьи, слуг, подчиненных («а домочадцев своих учи страху божию и всякой добродетели»). Однако его власть – это не тирания или произвол, а следствие лежащей на нем ответственности за благосостояние семьи в материальном плане, за ее благоденствие в духовном. Если он пренебрегал своими обязанностями «поучать и наказывать» своих близких, как это приписывает «Домострой», его самого и его семью ожидало наказание после смерти («…он сам погублен в будущем и дом свой погубит»).

Его жена отвечает за воспитание детей, домашнее хозяйство наравне с ним. По «Домострою» женщина мыслилась полноценной хозяйкой дома, поэтому отношения между супругами строились на принципах любви, супружеской верности («а законный брак со всяким опасением храни до кончины живота своего») и уважения (запрет унижать жену публично: «наказуй наедине»). Такое высокое положение женщины в семье объясняется тем, что в общем хозяйстве были отрасли, которыми она распоряжалась сама, независимо от мужа «если же (слуги) сделают больше потребного… то и продаст, а взамен что нужно, то и купит, а потому у мужа денег не просит».

Муж должен был советовать, помогать своей жене, именно этот смысл вкладывался в предписание «поучать и наказывать» («а что муж накажет, то с любовью принимать и творить по его наказанию»). Грубое обращение с ней могло быть спровоцировано только ее поведением. «Домострое» даже пытается защитить ее здоровье: в той же статье содержится предписание «…ни кулаком, ни пинком, ни посохом не бить, ничем железным или деревянным не бить», ее следовало «соймя рубашку, плеткой вежливенько побить».

По отношению к родителям «Домострой» предписывал уважение, почтение и почти полное подчинение им (статья 18: «…делом и словом угождайте родителям

своим… любите отца своего и матерь свою, и послушайте их, и повинуйтесь им во всем, и старость их чтите»).

Что касается методов воспитания детей (статьи 15-17), то для современного человека они кажутся неоправданно суровыми и даже жестокими («не ослабляй бья младенца: аще бо жезлом бьешь его, не умрет, но здравие будет… любя же сына своего учащай ему раны»). Но для того времени они были достаточно гуманными: детей предписывалось «любить и беречь и страхом спасать, уча и наказуя (в значении «поучая»). Телесные наказания предполагалось применять не по наитию или в гневе, а разобравшись в ситуации («рассужая, раны возлагати»).

По мнению автора «Домостроя», при воспитании детей образцом для подражания должны было служить поведение самих родителей, а на последних, в свою очередь, влияла ответственность перед Богом за поступки детей (статья 15: «аще что дети согрешат отцовым и матерним небрежением, им (т.е. родителям) о тех грехах ответ дать в день Страшного суда»).

Определенные правила действовали и в отношении слуг. Глава семьи отвечал за них перед Богом так же, как за жену и детей и обязан был и их «поучать и наказывать». Наказывать слуг предписывалось за какие-либо проступки, а не за то, что слуга, что называется, подвернулся под горячую руку: «и слуг, и детей так же посмотря по вине и по делу наказывать и раны возлагать, да наказав, пожаловать» (статья 38). Слишком суровое наказание или чрезмерная эксплуатация осуждались: (статья 1) «тако же и домочадцев своих наказуй ни нужею (насилием), ни ранами, ни работою тяжкой…».

Так как, согласно «Домострою», вся ответственность за поступки слуг в конечном итоге лежала на их хозяине. Для того, чтобы пользоваться всеми вышеназванными привилегиями, слуге было необходимо соответствовать определенным требованиям. Он должен был быть «научен страху божию, и вежеству (вежливости), и смирения, и всяким добродетелям, и доброму промыслу (т.е. ремеслам)», желательно было еще и знание грамоты, но это не обязательное условие. Но самое главное – это, конечно, «усердная и праведная служба» и рачительное отношение к господскому хозяйству (статья 22: «а государского бы берегли все заодно»).

Однако, нельзя забывать, что семья не существовала изолированно от всего остального мира. В средневековье общественное мнение было мощнейшим фактором, влиявшим на сознание отдельного человека. Общество (а под ним можно понимать соседей, дальних родственников, торговых партнеров хозяина, знакомых или просто «людей с улицы») серьезно влияло на отношения внутри семьи. Оно накла-

дывало на каждого члена семьи определенную, выработанную многовековыми традициями, социальную роль, которой он должен был соответствовать.

Общество было своего рода «третьей силой», наблюдателем со стороны, судьей, оценивающим каждый поступок человека, его *образ жизни:* «если кто… учнет, на людей глядя, жить не по силе… от людей посмех (насмешка)» и даже *отношения в семье:* «а дети… если что согрешат или что сотворят и отцам и матерям от Бога грех, а от людей укор и посмех». Общество выдвигало свои требования, которые поневоле приходилось принимать. Причем он довольно серьезно влияло на жизнь человека, иначе как тогда можно объяснить то, что «Домострой» каждый контакт с окружающими возводит в ранг чуть ли ни ритуала. Подробно описывается то, как себя следует вести на пиру, в церкви («ни с кем не беседовать, с молчанием и послушанием стоять никуда не обзираясь…»), на торгу («торгуй полюбовно, а деньги плати из рук в руки»), регламентируется поведение слуг, детей, жены и самого главы семьи.

Еще одна очень интересная иллюстрация вышесказанного – статья 35 с показательным названием «Как слуг наказывать, как в люди посылать и с чем». Составитель «Домостроя» подошел к этому вопросу творчески. Он подробнейшим образом расписал, как слуга должен вести себя, что он должен говорить и т.п. («как впустят, ино в ту пору носа не копать перстом, не кашлять, не сморкать, вежливенько стоять и на сторону не смотреть, да что наказано, то исправить, а об ином ни о чем не беседовать…». Возможно, это была попытка борьбы со сплетнями.

Автор «Домостроя» осознал необходимость каких-либо перемен и то, что прежние христианские предписания и поучения, которые казались почти универсальными, не исполняются. При этом он не просто старался поставить жизнь человека под контроль церкви, он признал, что светская жизнь человека не просто имеет право на существование (как считала церковь), но и является достаточной ценностью, чтобы ее регулировать, поучать тому, как правильно ее вести. Возможно, автор заметил, что быт, повседневная жизнь и отношения между людьми значительно отличаются от того, что хотела бы видеть церковь, и попытался их изменить, улучшить. Но, внося эти изменения, он учитывал и реальные запросы своих современников.

**М.В. Кирчанов.** Насколько применима сугубо западная французская методика Школы «Анналов» к изучению русского человека? И каким он там предстает: западным или восточным? Не кажется ли Вам, что она слишком социологизирует рус-

ского человека? Мы получаем минимум истории и максимум социологии и экономики.

**Н.В. Амзаракова.** Одной из слабостей Школы «Анналов», действительно, является социологизация, увлечение созданием обобщенного образа человека. В то же время, постановка вопроса о необходимости принципиально разных подходов к изучению западного и восточного человека мне представляется надуманной.

**А.П. Медведев.** Около 40 лет назад был принят «Моральный кодекс строителя коммунизма», который, безусловно, является памятником и источником своего времени. На мой взгляд, он и «Домострой» в чем-то близки. Какова мера адекватности отражения реальности в такого рода источниках? Что можно из них узнать: как оно было на самом деле или то, как это хотели видеть авторы?

**Н.В. Амзаракова.** «Домострой» несет в себе определенную идеальную модель. Для определения меры ее удаленности от реальности необходимо его сравнение со всем комплексом источников по средневековой русской «истории повседневности». Но, видимо, в большей степени речь все же должна идти об идеальных, конструируемых представлениях. Хотя, судя по популярности памятника у древнерусского читателя («Домострой» сохранился в десятках списков), этим идеалам хоть в какой-то степени стремились соответствовать.

**Д.В. Акимов.** Такие документы, несомненно, являются специфическими источниками по истории средневековья. Но источниками, как это не странно, не прямого действия, а обратного. То есть в них предостерегали против того, что имело место. И, может быть, человек русского средневековья был прямо противоположен тому, как он изображен в «Домострое».

**Д.А. Артемов (2 курс ист. ф-та ВГПУ)** ***О возможности использования эпоса как исторического источника (на примере одного из памятников древнеанглийской поэзии)***

«Видсид» – древнеанглийское стихотворение, дошедшее до нас в составе Экстерской книги (the Exeter Book), которая была подарена в 1072 г. епископом Леофриком библиотеке собора в Эксетере, где она находится и поныне[1]. Ее факсимильное издание осуществлено в 1933 г. Содержание книги можно разбить на несколько частей, включающих сходные по жанру и содержанию произведения. Так непосредственно перед «Видсидом» следуют «Скиталец», «О дарованиях человека» и «Морестранник», довольно близкие ему по сюжету и стилю. А за ним помещены «Гно-

мические стихи» — зарифмованные наставления и поучения, которые относятся уже к следующему, природоописательному блоку произведений. Скорее всего, переписчик, создававший рукопись, стремился для удобства читателя объединить эти произведения по содержанию[2].

В тексте «Видсида» выделяются несколько структурных компонентов: вступление, в котором автор дает информацию о себе; перечисление известных автору героических сюжетов; перечисление известных автору названий народов и имен их правителей; рассказы из готского эпоса и заключение. Основная часть поэмы состоит из трех пространных перечислений – тул. Уравновешенность, плавность этих тул подчеркивается стройностью композиции поэмы, её своеобразной симметричностью: краткое вступление и заключение (по 9 строк) обрамляют тулы, небольшие «автобиографические» пассажи соединяют их и придают им завершенность. Представляют интерес автобиографические фрагменты, повествующие о жизни дружинного певца. Здесь содержится информация о социальном положении Видсида.

Героический идеал определяет внешний облик эпического мира и характер событий, происходящих в нем. Другие свойства эпического мира – это пространство, занимаемое им, и время, которое в нем протекает. Время в «Видсиде», как во многих англосаксонских элегиях, содержит противопоставление настоящего и прошлого. Мир прошлого – это бург англосаксонского вождя или правителя небольшого государства, где в соответствии с эпическим идеалом проходит жизнь вождя и его дружины[3]. В воспоминаниях героя элегий редко встречаются периоды мира. В основном это время битв и нашествий. Принципиально иным предстает мир настоящего. Это — мир одного человека. Показательно, что излюбленная форма повествования – монолог, рассказ героя о своих собственных переживаниях, о своей судьбе. Вещественное окружение сведено к минимуму.

Одним из наиболее ярких свидетельств связи «Видсида» с западноевропейским эпосом является упоминание имен из последнего. Об историчности персоналий мы не можем судить по нескольким причинам. Во-первых, мы видим в одном ряду имена исторических лиц и имена героев эпических сказаний. Во-вторых, четко прослеживается влияние эпической традиции[4].

Применение древнейшего жанра тул говорит о цели упоминания имен. Имена собственные, в первую очередь наименования героев, являются символами героиче-

---

[1] *Мельникова Е.А.* Меч и лира. М.,1989. С.100.
[2] Древнеанглийская поэзия. М., 1982. С. 176.
[3] *Мельникова Е.А*. Указ. соч. С.91.
[4] *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986. С.161.

ской эпохи. Образованные сложными существительными, они также служили средством героизации. Как показал Г.Шрамм, эти имена в древности придумывались каждый раз заново. Sigehere, Oswine, Heaboric, Wulfhere – эти имена, подобающие вождям, внушали пиетет, даже если забывались те, кто носил их когда-то[1].

Тулы – это свод знаний о героях прошлого, построенный по строгим правилам аллитерационного стиха. Его строки обычно объединяются попарно в так называемые долгие строки. В каждой краткой строке имеется по два сильных ударения, между которыми различным образом распределяются безударные слоги. В аллитерационном стихе находят идеализированное воплощение особенности древнегерманской акцентной системы. Словесное ударение отличалось большой силой, было фиксировано на первом слоге и, в связи с этим, приходилось, как правило, на корневую морфему, из чего вытекает изначальная связь звучания со значением. Таким образом, аллитерация скрепляет в «Видсиде» не только стих, но и сам героический мир.

В первой же туле мы находим такие исторические имена, как Аттила, Эрманарих, но рядом с ними назван герой финского эпоса Калев (в тексте-Кэлик). Скорее всего, традиция требовала начинать тулы с этих имен. Но имена исторических лиц, видимо, взяты также из сказаний. Рядом с именем Эрманарика Бекка, вариант имени его советника Бикки из скандинавского сказания о Сванхильд. Все вышесказанное делает необходимым обозначить «круг чтения» автора «Видсида». В таблице предлагаются имена героев, которые, как можно предположить, сопоставляя со сходными, встречаются в других источниках. Но также встречается немало имен, аналогии которым не могут быть найдены. Для наглядности представим собранные нами данные в виде таблицы:

| Имена героев, упоминающиеся в «Видсиде» | Номера стихов | Источники, где встречаются аналогии имен или сходные сюжеты |
|---|---|---|
| Беадека - приближенный Эорманрика | 112 | Иордан |
| Бекка - правитель банингов | 19 | сказание о Сванхильд |
| Бреока - правитель брондингов | 25 | "Беовульф" |
| Видергильд - воин хеадобардов | 124 | «Беовульф» |
| Витта - правитель свевов | 23 | Бэда «Церковная история» |
| Вудья=Видья | 125 | «Вальдере» |
| Гисльхере - вождь бургундов | 123 | «Песнь о Нибелунгах» |
| Гудхере - бургундский король | 66 | «Вальдере» |
| Ингельд - правитель хеадобардов | 48 | «Беовульф» |
| Ингентеов - сын Хеадорика, правителя го- | 116 | «Песнь о Хледе» |

[1] Подробнее см.: *Schramm G.* Namensatz und Dichtersprache. Gotingen, 1957.

| | | |
|---|---|---|
| тов | | |
| Кэлик - правитель финнов | 20 | Скандинавский эпос |
| Онгендтеов - правитель свеев | 31 | "Беовульф" |
| Оффа - легендарный родоначальник анг-лов | 35 | Саксон Грамматик |
| Сеавола - приближенный Теодрика | 116 | Иордан |
| Сигехере - правитель Сэ-данов | 28 | сказание о Хагбарде |
| Сифека - советник Эорманрика | 116 | Хроника 11в |
| Скеафа - праитель лангобардов | 32 | "Беовульф" |
| Скеафтхере - правитель умбров | 31 | "Битва в Финнсбурге" |
| Сэферт - правитель сюггов | 31 | «Битва в Финннсбурге» |
| Теодрик - король франков | 24 | «Деор» |
| Теодрик (Теодрик Великий) | 116 | «Деор», «Вальдере» |
| Унвене - сын Эастготы | 114 | Иордан |
| Фреодерик - сын Эорманрика? | 124 | Поздние латинские источники |
| Фридла - племянник Эорманрика | 113 | Хроника 11вИ |
| Хагена - правитель хорльмрюггов | 21 | «Деор» |
| Хама | 125 | «Беовульф» |
| Хвала - правитель лангобардов | 14 | Генеалогии уэссекских правителей |
| Хеадорик - правитель готов | 29 | "Беовульф" |
| Хлиде - сын хеадорика | 116 | «Песнь о Хледе» |
| Хнэф -правитель хокингов | 29 | «Битва в Финнсбурге» |
| Хродгар - правител данов | 45 | «Беовульф» |
| Хэтка - приближенный Эорманрика | 112 | Иордан |
| Эальххильд - жена Эорманрика | 6,97 | Иордан |
| Эастгота - правитель остроготов | 113 | Иордан |
| Эгельмунд - правитель лангобардов | 117 | Павел Диакон |
| Эльфвине - правитель лангобардов | 70 | «Битва при Мэлдоне» |
| Эмерка - племянник Эорманрика | 113 | Хроника 11в |
| Эорманрик - правитель остроготов | 88 | «Деор» |
| Этла - правитель гуннов | 18,122 | «Вальдере» |

Древнеанглийское стихотворение «Видсид» еще раз подтверждает общеевропейский характер эпических сюжетов и их сюжетную стабильность. Одноплановость характеристики героев эпических сюжетов указывает на их «литературность», несмотря на то, что среди них мы встречаем реальных исторических персонажей. Эта искусственность сюжета еще больше подчеркивается совмещением разновременных событий и героев через формирование так называемого эпического времени. Герои героических сюжетов уже имели, не зависимо от времени, места жизни автора, определенные черты характера. Следовательно, они в первую очередь сближаются с образами духовной, морально-нравственной литературы, чем с персонажами исторических хроник.

**В.В. Зубков.** Насколько я понял, тема Вашего доклада посвящена эпосу как историческому источнику. Вы упомянули, что в эпосе присутствует много художественного вымысла. Как достоверно отделить мифологическое содержание эпоса от событийного? Как различать событие и миф?

**Д.А. Артемов.** Эпос порождается осмыслением исторических событий — это не подвергается сомнению. Но в нем присутствуют мифологемы и стереотипы легендарного характера. И, чтобы разделить их, необходимо изучение событий по другим источникам.

**Ю.В. Селезнев.** Можно ли в принципе рассматривать эпос и эпические произведения: как историческую память? Можно ли выделить в эпосе какие-то традиции политические, государственные, культурные и т.д.? Проще говоря, можно ли по эпосам изучать историю?

**Д.А. Артемов.** Эпос — это народно-историческая память, и в этом плане он также является источником, хотя и специфическим. Только по эпосам, конечно же, изучать историю нельзя.

**Ю.В. Селезнев.** В докладе прозвучало, что эпос и эпические произведения существуют долгое время без изменений. Как-либо это можно проверить? Ведь эпос — устная традиция, которая часто меняется, происходят потери и добавления.

**Д.А. Артемов.** Конечно, изменения были. Но после записи эпоса он фиксирован.

**А.И. Филюшкин.** А откуда это известно? Где гарантии того, что в записи содержатся оценки именно XII в., когда, к примеру, создано произведение, а не поздние накладки — XIII, XIV, XV вв.? И что мы тогда изучаем ?

**Д.А. Артемов.** Здесь путь один — многосторонняя проверка эпоса по всем возможным источникам, установление истории его развития и записи.

**А.И. Гусак (2 курс ист. ф-та ВГУ)** ***Репрессии 30-х годов: мифология историографии и правда источников***

В советской историографии существует ряд дискурсов, которые по-разному оценивают деятельность военачальников, репрессированных в 1937-1938 гг. Первый миф был создан в 1930-х годах, когда таких командиров, как М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, обвиняли в шпионаже и измене Родине. После XX съезда партии в феврале 1956 года был создан новый миф. Доклад Н.С. Хрущева распахнул шлюзы гласности в отношении некогда репрессированных военачальников, и в какие-нибудь пять-шесть лет пресса, радио и телевидение в нашей стране создали настоящий культ личности Тухачевского и его коллег. Начали активно муссировать-

ся идеи, что репрессированные военачальники могли бы выиграть эту войну быстрее и с меньшими потерями. В отечественной историографии стал господствовать тезис о репрессиях 1937-1938 годов, как об одной из основных причин поражения нашей армии в начале Великой Отечественной войны. Считается, что репрессированные в этот период военачальники в совершенстве владели военным искусством, и если бы их не уничтожили в 1937-1938 годах, то СССР не был бы разбит в 1941 году.

Маршала Советского союза М.Н. Тухачевского советская историография называет «советским Бонапартом», «красным Наполеоном», «гигантом военной мысли», «звездой первой величины» и «спасителем красной революции». Историки рисуют образ выдающегося военного руководителя, «одного из самых талантливых советских военных теоретиков, который великолепно разбирался в области тактики и в стратегических вопросах»[1].

И.Э. Якира показывают как человека с железной волей, большой личной храбростью, огромной энергией. Его называют «талантливым самородком, богато одаренным от природы»[2]. Отмечаются также выдающиеся организаторские способности Якира, глубокое знание теории и практики военного дела, умение руководить большими массами войск.

Ни у кого из ученых не вызывает сомнения большая роль И.П. Уборевича в укреплении обороны страны и повышении боеспособности войск. По словам В. Савостьянова и П. Егорова, «Верный сын партии И.П. Уборевич относится к числу славных военачальников, выросших и закаленных в огне гражданской войны». Его «высокая партийность основывалась на глубоких политических знаниях и сочеталась с научной эрудицией в области военного искусства»[3].

Советская историография в 60-е годы создала образ гениальных военачальников, репрессированных в 1937 году. Но действительно ли они были такими выдающимися полководцами, какими их старается показать историческая литература? Сопоставляя историографические мифы с источниками, повествующими о военных кампаниях с участием этих командиров, с уверенностью можно говорить о несостоятельности таких утверждений.

И.Э. Якир начал свою военную карьеру с обороны Кишинева в январе 1918 года. Он воевал в составе Тираспольского отряда, который под напором румынских интервентов вынужден был уйти из Тирасполя. В мае 1918 года, когда часть была

---

[1] *Горелик Я.М.* Маршал М.Н.Тухачевский. Саратов, 1986. С. 72.
[2] *Ройтман Н.Д. , Цетлин В.Л.* Полководец – коммунист. Кишинев, 1967. С .51.
[3] *Савостьянов В., Егоров П.* Командарм первого ранга. М., 1966. С. 127, 212.

расформирована, отдельные бойцы попали в Воронеж, в их составе находился и Якир.

Осенью 1918 года Якир становится членом Реввоенсовета 8-й Армии Южного фронта. В октябре – ноябре 1918 года, «благодаря личной храбрости и железной воле Якира», белогвардейцам удалось глубоко вторгнуться в пределы Воронежской губернии и выйти на линию Валуйки – Острогожск – Лиски – Бобров – Абрамовск – Новохоперск. Таким образом, враги Советской власти оказались в непосредственной близости от Воронежа. 7 июля 1919 года Якир был назначен начальником 45-й стрелковой дивизии, которая находилась на левом берегу Днестра. В конце августа 1919 года эта дивизия оказалась отрезанной белогвардейцами от основных сил Красной Армии и тем самым вынуждена была с жестокими боями пробираться на соединение с основными частями 12-й Армии. Эта операция получила название Южного похода. В октябре 1919 года Якир воевал с Деникиным на Украине, в ноябре 1919 года с Юденичем под Петроградом, вел борьбу с махновцами, а в феврале 1920 года участвовал в освобождении Молдавии.

Активное участие в гражданской войне принял и И.П. Уборевич. В 1918 – 1919 годах он воевал против английских интервентов на Северном фронте в районе Архангельска, затем в сентябре 1919 года был назначен на Южный фронт во главе 14-й Армии и сражался там против Деникина. В это время Воронеж уже был объявлен на осадном положении, а Мамонтов продолжал свое движение к городу. Но войскам под командованием И.П. Уборевича так и не удалось остановить его, и 2 октября 1919 года Воронеж был захвачен войсками генералов Мамонтова и Шкуро. Однако ценой невероятных усилий и большим количеством жертв (в дивизиях оставалось до тысячи сабель, потеряно было до 40% личного состава), что не смущало Уборевича, подступы к Москве удалось отстоять. Затем в декабре 1919 года он участвовал во взятии Харькова, в начале 1920 года возглавлял 9-ю Армию на Кавказском фронте, а потом снова оказался на Юго – Западном, где в начале июля 1920 года боролся с Врангелем, участвовал в разгроме Петлюры и Махно на Украине.

Военная карьера М.Н. Тухачевского началась в сентябре 1914 года, когда он в чине подпоручика отбыл на Западный фронт. Но уже 21 февраля 1915 года, провоевав всего 5 месяцев, попал в плен, где пробыл два с половиной года, и только пятый побег в октябре 1917 года был удачным. Казалось бы, ну что героического можно найти в этом трехлетнем периоде жизни Тухачевского? Здоровым и невредимым попал в плен.… В плену провел в пять раз больше времени, чем на фронте.… В чине выше поручика не продвинулся… Но советская историография отмечает: «К концу

своей боевой деятельности в русской армии Тухачевский пришел признанным героем».[1]

Среди полководцев гражданской войны Михаил Николаевич является одной из самых ярких фигур. Его называют «завоевателем Сибири и победителем Колчака». Но в военной биографии Тухачевского бывали не только победы. Так, например, весной 1920 года на Северном Кавказе ему было поручено отрезать деникинской армии пути отхода в Новороссийск. Цель не была достигнута. И основным силам белогвардейцев удалось уйти в Новороссийск и эвакуироваться. Это привело к созданию врангелевского фронта в Крыму.

Можно привести и другой пример. Войска Западного фронта, которыми командовал М.Н. Тухачевский, в 1920 году потерпели поражение в Варшавской операции. Михаил Николаевич рвался к Варшаве и далеко ушел от своих тылов, что привело к окружению 165-тысячной группировки советских войск. В отечественной историографии принято списывать эту неудачу «красного маршала» на И.В. Сталина, который, являясь членом РВС на Юго – Западном фронте, отклонил директиву главнокомандующего о передаче 1-й Конной армии в оперативное подчинение Западному фронту.

Но советские полководцы прославились не только в сражениях с белогвардейцами и интервентами на фронтах гражданской войны. Многие из них участвовали в карательных экспедициях, направленных на погашение антисоветских выступлений. Так, летом 1919 года И.Э. Якир жестоко подавил восстание кулаков немецких колоний Одесского и многих Тираспольских уездов. При этом производился артиллерийский огонь по селам, где находились и мирные жители.

В ликвидации антоновского мятежа, как его называет советская историография, а по сути крестьянской войны в Тамбовской губернии, принимали участие М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборевич. В Тамбовской губернии находилась 120-тысячная группировка лучших частей Красной Армии. А непосредственно против антоновцев должны были действовать 53 тысячи бойцов. Для борьбы с восставшими применялись методы массового устрашения населения – взятие заложников, расстрелы родственников бандитов, высылка на север целых деревень. Начали использоваться и новые средства – химическое оружие для выкуривания мятежников из лесов.

Кронштадский мятеж также был подавлен с большим трудом и немалой кровью. На штурм Кронштадта была брошена 45-тысячная 7-я Армия во главе с Тухачевским. Такая огромная сила была направлена против 16-тысячного гарнизона сол-

---

[1] *Тодорский А.М.* Маршал Тухачевский. М., 1963. С. 18.

дат и матросов линейных кораблей. В результате штурма была убита одна тысяча восставших, две тысячи ранены, а две с половиной тысячи попали в плен. Остальным удалось по льду уйти в Финляндию.

Таким образом, видно, что величайшие полководцы РККА большей частью проявляли свои стратегические таланты в полицейских акциях, усмиряя недовольных Советской властью. Их карьерный рост был обусловлен не военными и полководческими талантами, а поддержкой видных партийных деятелей. Так, например, И.Э. Якир был близок с Троцким, И.П. Уборевич с Орджоникидзе, М.Н. Тухачевский с Фрунзе.

Советская историография утверждает, что военачальники СССР, пострадавшие от репрессий 1937 – 1938 годов, владели передовым оперативным тактическим искусством и умели хорошо готовить войска. Историческая литература говорит, что военные маневры 1935 – 1936 годов «продемонстрировали высочайший уровень боевой и политической подготовки войск»[1].

На самом деле источники рисуют ситуацию с точностью до наоборот. Это можно утверждать на основании документов, хранящихся в Российском государственном военном архиве. К ним относятся заключения членов Управления боевой подготовки РККА А.И. Седякина, В.Ф. Герасимова, С.Н. Богомякова и некоторых других, присутствовавших на маневрах, стенограммы совещаний при ЦК ВКП(б), на которых обсуждался опыт ведения боев, а также документы активов Наркомата обороны. Осенние маневры 1936 года в БВО и КВО показали полную несостоятельность советских войск.

Полесские и Шепелевские маневры должны были на практике продемонстрировать взаимодействие всех родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии, танков, авиации и воздушного десанта. Результаты маневров оказались плачевными. Не организована была связь с авиационными и танковыми штабами, с артиллерией. Плохо действовала разведка, танки и пехота наступали вслепую, натыкались на засады, Проявилась недостаточная подготовка танкистов – водителей. Многие командиры не умели пользоваться радиосвязью, а значит, не могли и управлять своими подразделениями; отсюда наметилось несогласование действий рот и батальонов. Хромала и индивидуальная подготовка бойцов, они не знали, когда им залегать, окапываться или идти в атаку. Стреляли они так же плохо: по 5 – балльной системе им можно было поставить от 2,5 до 3,5 баллов. Наступающая пехота не заботилась ни об организации разведки, ни об охранении своих флангов. Такая картина подготовки воинского состава не изменилась и в 1937 году.

Но в чем же причина столь плачевного состояния РККА? Она заключается в слабой подготовке и крайне слабом воинском воспитании личного состава от отделенного командира (современный младший сержант) до полковника. Низок был уровень общего образования командиров РККА. У многих принятых в военные школы было только начальное образование или не было вовсе никакого. Более половины командного состава дивизий БВО и КВО не имели среднего образования.

Добавим к этому быстрый рост численности РККА: в 1932 году она составляла 565 тысяч, а к 1 июня 1941 года доходила уже до 5 млн. 200 тысяч человек. Обучить достаточное количество командиров было очень сложно, поэтому приходилось производить в среднее командование младший командный состав. В свою очередь, они не могли обучить рядовой состав армии. В целом учеба бойцов была плохо спланированной. Масса красноармейцев часто отвлекалась на хозработы.

Плохая выучка войск во время Якира и Уборевича была обусловлена не только низкой квалификацией командиров РККА, но и недостаточным воинским воспитанием. «Командиров, утверждавших, что с новобранцами надо начинать не с бесед на политические темы, а с метания гранаты, Якир называл аполитическими дилетантами».[2] Таким образом, большое внимание уделяли политическому воспитанию бойцов. Командира взвода и старшину боец мог критиковать на комсомольском собрании. Это, безусловно, подрывало дисциплину в РККА. Таким образом, командиры, репрессированные в 1937 году, не сумели подготовить Красную Армию к войне, так как не сумели обучить свои войска[3].

Мы не находим ни одного свидетельства, доказывающего гениальность этих полководцев. Помимо того, что они потерпели ряд поражений во времена гражданской войны, участвовали в карательных экспедициях против восставших матросов и крестьян, они еще не смогли обучить вверенные им войска, подготовить их к будущей войне. Единственной их заслугой является то, что они стали жертвами сталинского произвола и «культа личности», который их уничтожил и опорочил добрые имена.

**И.Ю. Иголкин.** Хотите ли Вы утверждать, что репрессии 30-х гг. были своего рода ротацией кадров советской армии?

**А.И. Гусак.** Да. Поскольку в армию пришли те полководцы, благодаря которым удалось выиграть Великую Отечественную войну.

---

[1] *Ройтман Н.Д. , Цетлин В.Л.* Указ. соч. С. 55.
[2] Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963. С. 14.
[3] Подробнее см.: *Смирнов А.* Большие маневры // Родина. 2000. № 4. С. 86-93.

**А.А. Гнеушев.** Исходя из того, что все репрессии начинались с обвинений лиц вышестоящих, за которыми следовали обвинения лицам нижестоящим, можно ли предполагать, что ротация военных кадров были вызваны исключительно военными нуждами? То есть справедливо обвинение, что Тухачевский и другие просто развалили Красную армию. Или же репрессии можно объяснить другими причинами?

**А.И. Гусак.** Мое мнение состоит в следующем. Решающую роль играли политические причины. С другой стороны, в историографии существует мнение, что репрессии были уничтожением пятой колонны в преддверии войны.

**Ю.А. Чекменев.** У меня не вопрос. У меня реплика. Последние доклады меня навели на интересное заключение. Вам не кажется, что у нас история состоит из мифов и наше современное восприятие реальной действительности переносится на восприятие исторического материала. 10 лет назад во всех репрессиях обвиняют Сталина, Берию — культовые фигуры. Возникает вопрос: а не занимаемся ли мы сами мифотворчеством? Не делаем ли мы сейчас новый исторический миф?

**А.И. Гусак.** Мифы создаются для того общества, в котором мы живем. Это как бы своеобразная национальная идея. Я считаю, то, что происходящий сейчас пересмотр нашего отношения к сталинским репрессиям связан с тем, что Россия вступила в новый виток развития.

**А.И. Филюшкин.** Реанимируется идея сильной власти.

**Ю.А. Чекменев.** Мы должны каждые 10 лет переписывать нашу историю?

**А.И. Гусак**. Я надеюсь, что рано или поздно это будет сделано на научной основе, на источниках, все зависимости от политической конъюнктуры.

**А.Н. Злобин.** Как Вы оцениваете реальный размах репрессий 30х гг.? А то создается впечатление, что не было уголовников. Были одни политические.

**А.И. Гусак.** Это еще один миф. Историк Бородин на основе обращения к архивным материалам отстаивает точку зрения, что репрессированных среди командного состава было не так уж и много. По его данным, 37-40 тысяч человек. Однако данная цифра включает в себя не только репрессированных, но и уволенных из армии, из которых 8 тысяч — по болезни, по смерти, по старости, за моральное разложение, 29 тысяч — по политическим мотивам. Но нужно учитывать, что к 1 января 1941 г. 13 тысяч было возвращено в армию. Т. о., по политическим мотивом было уволено лишь 16 тысяч, а арестованных из них было 6-8 тысяч, расстреляно 3-4 тысячи.

**А.И. Филюшкин.** То есть наблюдается подмена понятий. Есть совершенно реальная трагедия, которая разыгралась в 30-е гг. и связана с гибелью конкретных людей. И ей прикрывается другая проблема: в 1941 г. Красная армия оказалась не-

боеспособной. В чем причина? Исходя из принципа, что сначала были репрессии, а потом военное поражение, первые объявляются причиной последнего. Но так ли это? Может, причина кроется в самой организации армии после гражданской войны?

**Ю.А. Чекменев.** Причины неудач 1941 г. выходят за плоскость репрессий. Но у нас творится очередной миф. Дело в том, что пока объективно с цифрами в руках мы не подойдем к советской истории, а будем выхватывать персоналии и фрагменты из их биографий — Тухачевский раньше был хороший, потому что его посадил Сталин, теперь он стал плохой, потому что убивал крестьян. Когда возьмем статистику и посмотрим, что из себя представляла страна до 1917 г., что страна представляет сейчас. И когда мы это посмотрим — то можем получить объективные оценки.

**Ю.А. Дубровский.** Почему критикуя Тухачевского, как полководца, Вы переходите на личности и критикуете его как человека? По-моему, эти вещи не сопоставимы.

**А.И. Гусак**. В своих действиях Тухачевский неоднократно оказывался перед выбором, насколько ревностно исполнять отданный ему бесчеловечный приказ (например, о применении химического оружия против тамбовских крестьян). И то, какой выбор он делал, по-моему, очень его характеризует и как исторического персонажа.

**И.В. Иноземцев.** Если указанные люди были столь бездарны и репрессированы справедливо, то кто же выиграл гражданскую войну? А почему именно этих людей подвергли репрессиям, а не каких-либо других?

**А.И. Гусак.** Слабостью Тухачевского было то, что в решающий момент на него нельзя было положиться. Я считаю, что именно это и решило его участь. В нем и его соратниках видели возможную «пятую колонну». Что касается гражданской войны, то, помимо полководцев, ее выиграл восставший народ

**В.М. Абакумов (старший библиограф ОРК ЗНБ ВГУ)**. Я хочу заступиться за Тухачевского. По-моему, Вы фрагментарно осветили его боевой путь в годы Гражданской войны. Он один не мог развалить армию, обвинения в его адрес были откровенно несправедливы. А об авторитете Тухачевского как выдающегося полководца писали многие современники.

**М.В. Кирчанов (3 курс ист. ф-та ВГУ).** ***Современные проблемы источниковедения советской истории: «старые» и «новые» источники.***

Под источниковедением советской истории понимается, как правило, сбор, классификация, анализ и научная обработка, а так же издание историче-

ских источников, которые возникли между октябрем 1917 и августом 1991 года.

В данном выступлении мы попытаемся коснуться в основном теоретических проблем советского источниковедения. Нас будет интересовать ряд вопросов, а именно : что такое советский источник, каковы его особенности и отличия от источников более раннего времени. Мы попытаемся дать периодизацию советских источников и осветить некоторые проблемы их изучения.

Во – первых, однозначного мнения, что такое «советский источник», в отечественной науке не существует. В 1920-е г.г. значительную роль играла точка зрения ***М.Н. Покровского***, считавшего, что источники это продукты классовой борьбы. В 1930-е г.г. ***С.Н. Быковский*** рассматривал источник как «двусмысловое » понятие, имеющее узкий и широкий смысл : под первым он понимал всякий памятник прошлого, а под вторым – связанный с конкретными событиями. В 1970-е г.г. под источником понимали исторический факт (теоретическое значение события) и собственно источник (остатки материальной деятельности). Именно тогда понятие стало иметь явно двойственный характер: исследователи ***Варшавчик*** и ***Стрельский*** решили, что из всего определения можно выделить две категории – источник гражданской и источник партийной истории.

Рассматривая источники советского времени, нам всегда следует принимать во внимание то, что они никогда не отражают историю объективно. Это, в общем-то, черта всех источников. Но мировосприятие авторов и создателей данных источников в значительной мере строилось на марксистском мышлении и преломлялось через призму коммунистической идеологии.

Ответим на вопрос какой комплекс источников по истории Советского Союза следует считать наиболее важным и значимым ?

В их состав следует включать различные законодательные акты ( декреты, указы, советские конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 годов ), программные и уставные документы политических партий и организаций ( РСДРП/б/ — РКП(б) — ВКП(б)—КПСС), делопроизводственные материалы государственных учреждений (народных комиссариатов, министерств и т.п.), статистику народонаселения и данные по экономике (о пятилетних планах и т.п.), публицистику (мемуары, записки, воспоминания) и периодику (журналы: ***«Борьба классов», «Антирелигиозник», «Историк – марксист», «Коммунистический интернационал»***; партийную печать : ***«Правда», «Коммунист», «Вопросы***

***истории КПСС», «Вопросы научного коммунизма», «Коммунист Советской Латвии»*** и т.п.).

Подчеркнем еще раз, что все вышеперечисленные источники отличны от более ранних. Они, как правило, своим появлением обязаны государству или его различным структурам, их характер сугубо официален или официозен. Они выполняли роль опосредованных инструментов государственной политики и тиражировались для этого в очень больших количествах, предназначенных для распространения (речь идет о таких специфических источниках, как материалы съездов КПСС), т.е. заранее предполагалось, что их будут использовать для получения представлений о прошлом и настоящем, и поэтому история в них «моделировалась».

На наш взгляд, можно выделить несколько этапов, в ходе которых советские источники претерпели значительную эволюцию. Первый пришелся на 1917-1922 г.г. – время октябрьского переворота и становления советской власти. Отличительной чертой этих документов является некоторый революционный пафос (призывность, апелляция к чувству классовой солидарности), социальная направленность ( обращение к группам, занятым в революции – солдатам, матросам, беднейшему крестьянству ), обилие новых терминов, слов, рожденных революцией и ломкой старого ( ЦИК, ВЦИК, ЧК, ВЧК, УЧК, ВСНХ и т.п.).

Второй этап мы датируем 1922-1939 годом – это эволюция государственного строя в условиях диктатуры И.В. Сталина. Источники этого времени носят на себе отпечаток тоталитаризма, имея однотипный характер и структуру. В них сильны элементы «культа личности», особенно в нарративных памятниках.

Третий этап можно рассматривать между 1939 и 1945 г.г. Это многочисленные документы по внешней политике и по истории Великой Отечественной войны. В последних силен военно-стратегический и национально-патриотический аспект.

Оставшиеся материалы можно относить к трем хронологическим периодам: к 1945-1985 гг. (история СССР от завершения Великой Отечественной войны до прихода к власти М.С. Горбачева), 1985-1990 гг. (горбачевская «перестройка») и 1990-1991 г.г. (кризис и распад СССР). Источники этого периода однотипны по своей структуре, имеют, как правило, государственное происхождение, в них сильна идеология. Правда, на последних этапах ее роль падает и возрастает персонально-личностный аспект.

Кроме этого, возможно подразделение названных источников на две группы. Первую составляют т.н. «старые» источники – изданные до 1991 г. Ко второй можно относить опубликованные уже в РФ, т.е. после 1991 года. Материалы первой группы сами по себе не несли угрозы существующему строю. Их издание лишь способствовало развитию научно-исследовательской деятельности. Документы, относимые к «новым», хранилось в закрытых архивах, т.к. считалось, что они могут сыграть деструктивную роль. Поэтому они увидели свет лишь после 1991 года.

Отметим, что в настоящее время присутствует тенденция использовать в основном «новые» источники, отвергая и игнорируя при этом « старые ». Это не способствует созданию объективной картины советского прошлого, а наоборот приводит к ошибкам и искажениям исторической действительности.

Ярким примером использования лишь «новых» источников мы можем назвать книгу ***Б.В. Соколова «Правда о Великой Отечественной войне».*** Кроме этого оправдываются коллаборационисты. Автор, например, утверждает: *«Сталин собирался напасть на Гитлера в 1940 году ... функционирование советской железнодорожной сети без лend-лиза было невозможно ... без западной помощи СССР не мог выиграть войну, был не в состоянии противостоять германскому вторжению ... многие народы СССР видели в немцах своих освободителей и не проявляли желания сражаться на стороне Красной Армии ... для большинства нерусских народов сотрудничество с Германией было попыткой противостоять руссификации ... при немцах белоруссы для развития своего языка и культуры имели такие же возможности как и 1970-1980-е годы ... под Прохоровкой вермахт потерял пять танков…»*[3].

Такие ошибки под влиянием « новых » источников проникли не только в научно-популярную литературу, но и в учебные пособия для студентов-историков. Так, в ***«Новейшей истории Отечества» под редакцией А.М. Киселева и Э.А. Щагина*** предпринята попытка показать А. Власова как освободителя.[4] Схож и учебник ***А.К. Соколова «Курс Советской истории. 1917-1940»***. После его прочтения возникает вопрос на основе каких источников он написан, если в нем не рассматривается такая тема как иностранная

---

[3] *Соколов Б.В.* Правда о Великой Отечественной войне. СПб.,1997. С.17-22, 69, 166-167, 169, 181, 185, 320, 327, 330.

[4] Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для ВУЗов: в 2-х т.т. / Ред. *А.М. Киселев, Э.М. Щагин*. М. 1999. Т.2.

интервенция в годы гражданской войны, но зато репрессиям отведена целая глава[5].

Другой существенной особенностью советских источников является материал их носителей, которые отличны от более ранних аналогов: в данном случае исследователь может использовать значительные фонды кино и фотодокументов.

**А.Н. Злобин.** Вы сказали: есть старые источники, есть новые. А есть ли закрытые, не рассекреченные источники и если есть, то какие?

**М.В. Кирчанов.** Есть. Это в основном документы по внешней политике СССР. Архив МИДа — самый закрытый и в него очень сложно получить доступ для работы.

**А.П. Медведев.** Считаете ли Вы, что действительно есть доступная источниковедческая база для написание истории России после 1917? И как Вы считаете, возможно ли в принципе сегодня создание такой истории? Не как сборника мифологем, а как науки?

**М.В. Кирчанов.** Для написания объективной истории доступных источников, на мой взгляд, сегодня недостаточно. Есть только иллюстративные публикации по отдельным сюжетам. Думаю, можно создать объективные работы, но они будут носить узкий характер. А написание всеобъемлющей объективной советской истории — дело более отдаленного будущего.

**Комментатор В.А. Иванов (5 курс ист. ф-та ВГУ).** Я хотел бы обозначить тенденции, которые присущи всем докладам, заслушанным на втором заседании. Главной задачей данной части семинара было проиллюстрировать конкретными примерами ту методику исследования, которой пользовался автор. И показать на своем материале, что она дает или не дает, каковы результаты ее использования.

Л.Ю. Гончарова осветила нам проблему использования скифского звериного стиля как источника для изучения мировоззрения ираноязычных кочевников. Действительно, проблема достаточно сложная, и такой подход оправдан и необходим. Использование докладчиком искусствоведческих методик, данных этнографии позволяет более детально уяснить сущность вопроса.

---

[5] *Соколов А.К.* Курс Советской истории. 1917-1940. М.,1999.

Доклад В.В. Зубкова сложен для восприятия на слух, почему, на мой взгляд, он нашел понимание не у всей аудитории. Как я заметил, в построениях докладчика существует путаница в понятиях «река» и «вода».

Доклад Ю.В. Селезнева, на мой взгляд, как и все остальные, нужно было начинать именно с характеристики методики, которой пользовался докладчик. В противном случае вся сущность отдельных методик выявлялась не в ходе доклада, а входе обсуждения. Ставились острые вопросы, связанные с сущность, как с конкретными проблемами, так и с методологией их решения. Но раскрывались они лишь в ходе обсуждения.

А.А. Гнеушев, по моему, начал правильно свой доклад с характеристики герменевтического подхода. Однако, как показала дальнейшая дискуссия и обсуждение доклада, в самом содержании наметился определенный отход от использования метода.

Также подробно я хотел бы остановиться на докладе АИ. Гусак. Как показало обсуждение доклада, она является хорошей ученицей А.Г. Сарычева. Доклад поднимает очень важные вопросы. Ведь действительно, нашему народу было навязано определенное чувство вины за советское прошлое, которое не дает объективно, всесторонне рассматривать эту эпоху. Что было хорошо показано в ее докладе.

Последний доклад, доклад М.В. Кирчанова, показал, что существуют два вида источников: источники закрытые властью и источники, которые уже открыты.

Важность проблем, которые ставятся на круглом столе, велика. Методике и методологии в историческом образовании уделяется крайне мало внимания. Очень редко человек, защищающий курсовую или дипломную работу, может связно изложить методы и принципы, которыми он руководствуется. Такие семинары необходимы в учебно-методологическом плане. Они выявляют рабочие возможности различных методик, очерчивают круг тем, в которых перспективно или, напротив, малоэффективно применение той или иной методики.

Хотелось бы также сказать о необходимости сохранения формы данного семинара. Если мы сравним его с ежегодной студенческой конференцией, то заметим ряд существенных положительных моментов именно на круглом столе. Так как на апрельской студенческой конференции сами темы достаточно узки, то это затрудняет возникновение дискуссии. Нет какого-то объединяющего начала. Отсюда — немногочисленность аудитории, присутствующей на данном мероприятии. Круглый стол и поставленные во главу угла задачи объединяют всех, затрагивают основы самого исторического знания. Поэтому важной задачей, кроме познавательной, является консолидирующая функция семинара.

## Итоговые выступления

**А.А. Гнеушев**. Моя ошибка, видимо, состояла в том, что, полагаясь на источники, я посчитал, что все будет понятно. Есть ряд источников, которые написаны в разное время. Самый ранний источник — 40-50 гг. XV в. После этого в каждом более позднем памятнике мы находим новое количество подробностей. Откуда они взялись? Литературных и других источников обнаружить невозможно. И это заставляет меня предлагать собственную версию их происхождения, основанную на мысли, что автор пытался придать источнику некое символическое значение и для этого придумывал сюжеты, заимствуя для них общеизвестную и понятную читателю средневековья символику, в частности, библеизмы.

**Ю.В. Селезнев.** Я полностью согласен с комментатором, что необходимо было в начале докладов во второй части освещать особенности методик. Однако пример А.А. Гнеушева показал, что это практически невозможно. Автор доклада четко уложился в регламент, как раз осветив методику, а тему доклада, собственно, не раскрыл. В результате получилась скомканная дискуссия.

Во-вторых, хотелось бы высказаться по докладу Д.А. Артемова. На мой взгляд, в эпосах содержится информация исторического плана, и по ним историю изучать можно. Вопрос: как эту информацию вычленить? Это просто, если сохранились другие источники, и информацию эпоса по ним можно проверить. А как быть, если сохранился лишь эпос?

Хотелось бы также отметить следующее. Вторая часть семинара была призвана показать, как новые источниковедческие методики применяются на конкретных примерах. Однако, на мой взгляд, это удалось не во всем. Часто за словами о новых подходах скрывались вполне традиционные методы. Это камушек и в мой огород. Ставятся новые вопросы, новые проблемы, под новым углом зрения, которые решаются старыми методами.

**И.В. Иноземцев**. У меня возникло такое ощущение, что время множественности методик, о которых мы имели удовольствие прослушать доклады, наверное, уже уходит. Приходит время новой государственной идеологии, идеи сильной государственной власти, что и показали последние доклады. Не исключено, что мы больше вот так не соберемся. Будем рассуждать по поводу одной методики.

**А.В. Фененко**. Здесь говорилось о создании «патриотической» истории. Хочу отметить, что тот факт, что мы изучаем нашу историю, пытаемся в ней разобраться — и есть патриотизм. Иначе мы уподобляемся Адольфу Гитлеру, который говорил:

«Я утверждаю, что нашим предком питекантроп не был, а мы произошли прямо от древних греков».

**М.В. Кирчанов**. Хочу отметить, что мы рассматриваем русское источниковедение. На мой взгляд, мы злоупотребляем западными теориями: структурализм, «Анналы», постмодернизм — это все не наше.

**А.И. Филюшкин**. Наука не имеет национальностей. Какой национальности законы Ньютона ? Есть источниковедение. Когда оно обретает национальность — это уже не наука, это — идеология.

По поводу «засилья западной методологии» — назовите хотя бы одну общепризнанную и авторитетную отечественную источниковедческую теорию в последнее время. Раньше я тоже считал, что наша гуманитарная наука очень сильна и наше образование — лучшее в мире. Так было до тех пор, пока я не выиграл американский грант по теме: «Методологическая революция в современных российских гуманитарных науках». Для его выполнения мне пришлось прочитать множество иностранной литературы. После чего я убедился, что мы отстали на 20-30 лет, а в некоторых вопросах — безвозвратно. Это необходимо исправлять, но чтобы догнать и обогнать — надо сначала овладеть тем, что умеет оппонент.

**Д.М. Бородин**. Я хотел бы поблагодарить всех участников за интересные доклады. Приятно отметить, что прошел уже второй круглый стол по проблемам развития исторической науки. Количество методик говорит о наличии плюрализма в исторической науке, о необходимости после отказа от марксизма заполнить возникший вакуум. И проведение подобных круглых столов — это положительная страница в жизни Воронежского университета.

**А.П. Медведев**. Во-первых, все должны сказать большое спасибо Александру Ильичу за то, что он второй раз организовал такой стол. Здесь вспоминались студенческие конференции. Надо сказать, что они в силу объективной причины безлики: ведь никто ими не занимается. Каждый подает свой доклад. Доклады узкие, темы узкие. В результате никто не знает, что будет даже на секции. А здесь мы видим авторское влияние того человека, который все это организовал.

Второе. У меня сегодня должна была быть лекция на примерно такую же тему. Ее я обычно начинаю словами Гордона: «Археология — это наука, которая склеивает из обломков прошлое». Где-то начиная с перестройки, я все больше и больше убеждаюсь, что его слова относятся не только к археологии, но и ко всей истории, в том числе и к истории советского общества. Именно к этому времени слова ученого подходят наилучшим образом, что подтверждают дискуссии по последним докладам.

Действительно мы склеиваем, собираем прошлое из тех обломков, которыми для нас являются источники. Источники сложные, многогранные, изученные на данный момент, а дальше то что? Отчего зависит то, что получится? Наверное, от клея, а клей — это наша методология. И, наверное, от мастерства того, кто склеивает это. А в методологии, как сказал Александр Ильич, дело обстоит печально. И ваш круглый стол, между прочим, яркий показатель, как обстоит дело с методологией на историческом факультете ВГУ. Опять практически никто из сотрудников факультета, из профессоров и преподавателей к вам сегодня не пришел. Эти вопросы не модны у нас, они не модны и в России.

И то, что вы сейчас за последние четверть века на историческом факультете впервые собрались, чтобы обсудить эти вопросы — безусловно, важное событие в истории факультета, в истории ВГУ, а может быть — и города.